

В.В. СБОЕВ

Записки
рядового пехотинца

НОВОСИБИРСК
2020

ББК 84Р7-49
С 231

Сбоев В.В.

С 231 Записки рядового пехотинца : мемуары /
В.В. Сбоев. – Новосибирск : Изд-во НГТУ,
2020. – 268 с.

ISBN 978-5-7782-4100-8

ББК 84Р7-49

ISBN 978-5-7782-4100-8

© Сбоев В.В., 2020
© Новосибирский государственный
технический университет, 2020
© Региональная общественная организация
«Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ», 2020

А С С О Ц И А Ц И Я В Ы П У С К Н И К О В

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ представляет вниманию читателей книгу Владимира Васильевича Сбоева «Записки рядового пехотинца», подготовленную к празднованию 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

12 сентября 2020 года В.В. Сбоеву исполняется 95 лет. Он – кандидат технических наук, доцент, 40 лет проработавший в НЭТИ, является живым участником страшных и жестоких по своей сути военных действий, в 1943 году в возрасте 18 лет оказавшийся в окопах на передовой.

Он так, пехотинцем, и воевал до последнего дня войны. Ему посчастливилось остаться живым. Обычно пехотинцы не пишут воспоминаний. Эта книга уникальна именно тем, что война показана снизу, с точки зрения самого простого, молодого бойца.

Нам, нескольким поколениям послевоенного времени, надо чётко понимать, что такое мир, как он важен и дорог для каждого из нас. И помнить, что были люди, сложившие свои головы на полях войны за будущее наше спокойствие.

Пять лет назад, к 70-летию Великой Победы Ассоциация выпускников НГТУ-НЭТИ подарила родному вузу Аллею Славы, где представлены участники Великой Отечественной войны – преподаватели, сотрудники и студенты НЭТИ. Среди них и автор настоящих записок – рядовой пехотинец Сбоев Владимир Васильевич. Честь ему и Слава!

Директор РОО «Ассоциация выпускников
НГТУ-НЭТИ»

В.Б. Пономарев

Часть I. ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

*Посвящаю моим родителям Сбоеву Василию Саввичу
и Сбоевой Евдокии Семеновне*

Я, Сбоев Владимир Васильевич, родился в г. Тулун Иркутской губернии 12 сентября 1925 года.

Мой отец, Сбоев Василий Саввич, родился 13 марта 1881 года в деревне Кисленки Котельничского района в Вятской губернии в многодетной семье «царских крестьян».

Отец окончил два класса церковно-приходской школы и был призван в 1902 году в армию в железнодорожные войска. Участвовал в Русско-японской войне 1904 года. Их батальон ремонтировал железнодорожные пути для боевых действий бронепоездов. Был награжден медалью.

После войны их роту направили в г. Красноярск для ремонта поврежденной техники. Им помогали рабочие депо, с которыми они подружились и даже бывали в их семьях.

В 1905 году рабочие объявили забастовку, а высшее командование приказало солдатам-железнодорожникам подавить «мятеж» силой оружия. Солдаты отказались и вместе с рабочими забаррикадировались в депо.

Перед подавлением бунта организаторы и офицеры ночью ушли из депо подземным ходом, а солдатам посоветовали говорить, что они выполняли приказы офицеров.

Тем не менее все рабочие и солдаты были арестованы и заключены в Красноярскую тюрьму, а потом переведены в Александровский централ, под Иркутском.

Через два года отец был освобожден без права возвращения в европейскую Россию. Он пришел к своим знакомым гражданским железнодорожникам и устроился на работу в путевую ремонтную бригаду. Работал добросовестно. Во время заключения отец, обладая хорошей памятью и трезвым умом, поднял свой образовательный уровень с помощью более

грамотных арестантов примерно до четырех классов. Кроме того, он освоил азбуку заключенных.

На железной дороге не хватало квалифицированных кадров, и отца направили в Новониколаевск на курсы телеграфистов. Отец жил на квартире в частном домике. Познакомился с племянницей хозяев домика и женился на ней.

После окончания курсов они уехали в Иркутскую губернию. Отец работал телеграфистом на железной дороге, и их очень часто переводили с одного разъезда на другой, и везде они «укрупняли» свою семью.

Родители любили друг друга. Я родился восьмым ребенком, а до меня родились Анатолий, Ольга, Владимир – они умерли в детстве из-за плохого медицинского обслуживания. После них родились три сестры – Вера, Надежда, Любовь и старший брат Виталий, соответственно с 1916, 1918, 1920 и 1923 годов рождения. Виталий трагически погиб в 1934 году.

Родители были трудолюбивыми, справедливыми, любящими. У них была лошадь, корова и всякая мелкая живность. Они сажали картошку, овощи и сеяли пшеницу. Питались хорошо, не пьянство-

вали, не курили. Дети рождались тоже здоровыми. Каждый очередной ребенок не был обузой, а рождался желанным.

Моя мама, Сбоева Евдокия Семеновна (в девичестве Пятанова), родилась в семье Тобольских крестьян-казаков 14 марта 1890 года в селе Брованово Гольшмановского уезда Тобольской губернии. В школе мама не училась ни одного дня. Тогда многие крестьяне считали, что учить девчонок не надо – только расходы. Выйдет замуж, будет рожать детей и работать со скотиной и по дому.

В шестилетнем возрасте с мамой произошел удивительный случай. Она сидела на подоконнике открытого окна во время грозы. В окно залетел огненно-голубой шар, пролетел мимо нее в комнату и взорвался около маленькой сестренки. Маму выбросило из окна, а сестренку разорвало на мелкие кусочки. Местные жители считали это событие небесным знаком.

Отец мамы уехал на заработки и не вернулся. Кажется, погиб. Мама жила и воспитывалась у брата отца – дяди Корнилия.

Он прослужил 25 лет рядовым солдатом, был бездетным. Получал пенсию, как слуга богу, царю

и Отечеству, но продолжал работать кузнецом, печником и пожарником. Был мастером на все руки и очень сильным человеком. Мог переносить в кузнице наковальню весом в 16 пудов, т. е. в 256 кг веса. Водку не пил. Запросто разнимал драчунов.

Дядя был в немецком плену еще до первой мировой войны. Работал у зажиточных немцев и многому научился. Его любимым выражением было «Все делай как немцы, т. е. добротнo, спокойно, пунктуально».

Дедушка мамы Василий прожил 106 лет, а старший дедушка Михаил – 124 года. Мама прожила 97 лет. Она умерла от общей старости. Ее провожали в последний путь четверо детей с высшим образованием. Она нами гордилась.

Папа работал телеграфистом, но начались перебои, а потом и вовсе исчезла телеграфная лента, а она являлась основным документом при отправлении или пропуске очередного состава. Один раз отец во время дежурства, на слух, получил какую-то непонятную телеграмму. Переспросил, но ответа не было. Он дал предупреждение на следующий разезд, а сам пошел на перрон, приостановил проходящий поезд и предупредил машиниста о

возможном столкновении. Столкновение поездов удалось избежать, но отцу пришлось уволиться. Это было то время, когда, буквально поняв слова В.И. Ленина о том, что любая кухарка может управлять государством, кто-то из рабочих решил стать телеграфистом.

Мы переехали в сторону от железной дороги на Иннокентьевский спирт-завод. Отец работал бухгалтером, а я рыбачил и катался на самодельных деревянных коньках с проволочным низом. У отца было ружье и он иногда брал меня с собой на охоту. В качестве добычи были зайцы, а иногда и дикие козы. Время было голодное. Но мы держали корову, свиней и кроликов. Кроме того, у бурят покупали махан-мясо специально откормленных лошадей.

В нашей семье было два обязательных ритуала-мероприятия. Мы собирались всей семьей и стряпали пельмени. При этом всегда пели разные песни, но больше всего каторжные: «Сбейте оковы, дайте мне волю, я научу вас свободу любить», или «Динь-бом, динь-бом, слышишь, звон кандалный. Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний. Динь-динь-бом, слышишь, там идут, нашего това-

рища на каторгу ведут», или «Славное море, священный Байкал», про Ермака, Стеньку Разина.

У отца и Надежды слух был плохой, у меня – не очень, зато у остальных было все в порядке. Мама в детстве пела в церковном хоре. Семейное пение нас очень сближало. Мы становились единым целым и это пронесли через всю жизнь. Мои родители были отличными «стихийными» педагогами. Даже в армии, когда мы шли строем и пели все вместе песни, чувствовалось единство, сближение и наша сила.

На заводе я впервые увидел автомобиль, трактор, самолетик и услышал радио. Восторгов было «выше крыши». Техника специально появлялась из пропагандистских целей. А когда провели провода и подключили тарелку-репродуктор, то мы все время заглядывали назад на контакты и искали, кто и откуда говорит.

Голубой мечтой моих родителей было желание дать нам всем хорошее образование. Мама сама с помощью папы занималась самообразованием. У нас было двадцать томов «Гимназии на дому». Каждый том был размером с современную книгу из советской энциклопедии. Мама готовила меня к

школе и консультировала всех остальных. Мы, дети, выросли, а учиться старшим было уже негде. Родители решили переехать в Новосибирск, тем более, что у мамы здесь жила дальняя родня. Переехали мы в 1933 году. Старшая сестра поступила в Сибирский строительный институт, а я пошел в первый класс в 24-ю школу на ул. Дуси Ковальчук. Все остальные сестры и брат учились в 24-й школе. Жили мы на улице Калинина в маленьком домике у Северного обрыва в Ельцовку. Место оказалось неудачным. Пришлось переехать на Синдикатный переулок на южном склоне оврага Ельцовки. Здесь рядом были спиртзавод и маслозавод. Зарплата у отца была маленькая и нам приходилось держать корову, свинью и кроликов.

На маслозаводе мы покупали жмых, на спиртзаводе – барду, чем и кормили нашу живность. Края жмыха ели сами. Но главное, мы все учились. Кроме того, мясокомбинат продавал кости, ребра, хвосты и головы скота. Нам все время приходилось стоять в очередях за хлебом, одеждой и тканью. Хорошо, что семья была большой. Зимой, чтобы ногам было тепло, на ноги наворачивали газеты вместо носок или портянок.

После того как наш домик пополз в овраг, пришлось переехать на Владимировскую улицу. Здесь был небольшой клочок земли, где мы выращивали овощи и картошку.

Отец работал в желдорзапчасти, которая располагалась в помещении собора Александра Невского. Я иногда к отцу приходил, но в здание заходил с каким-то трепетом. Уж очень здание было необыкновенным.

В школе был такой случай. Мы с учительницей разучивали песни, а в одной из них были слова: «Ленин умер, вождь пролетарский. Да здравствует Троцкий, а с ним Луначарский». Потом пришли какие-то дяденьки, попросили нас спеть. Сказали, чтобы мы ее больше не пели. На следующий день в класс пришла другая учительница.

Учебный год я закончил очень хорошо, но по новому месту жительства меня перевели в 34-ю железнодорожную, а потом – в 33-ю школу. Эти школы располагались западнее главного железнодорожного вокзала, а 33-я занимала бывшие столыпинские переселенческие дома.

В третьем классе к нам пришли железнодорожники из депо и предложили заняться радиолюбитель-

ством и авиамоделизмом. Мы строили самодельные детекторные радиоприемники и авиамодели из бамбуковых палочек и бумаги. Сразу увлеклись многие, но быстро остыли. Я остался. Мы сами паяли детекторы из сурьмы, олова и свинца, наматывали катушки для вариаторов и очень гордились этим.

Кроме того, нас водили в двухэтажные военные казармы около старого тоннеля, где нам показывали винтовки и пулемет «Максим». Разрешали собирать и разбирать затвор винтовки, а иногда ложиться за гашетки пулемета. Показывали нам лыжные занятия красноармейцев, когда лыжника везла лошадь на длинной веревке. Скорость была вполне приличной, а красноармеец на ходу выделял с деревянной винтовкой еще какие-то упражнения и бросал учебные гранаты.

Для нас, пацанов из «нахаловки», цена на фабричные лыжи была фантастической. Поэтому мы сами делали лыжи из досок, еще проще из досок от пузатых бочек – клепок. Если на такой клепке закрепить ремень чуть ниже центра, то получится укороченная лыжа, даже для фигурного катания. Если запрячь собаку, зацепиться за грузовик или розвальни, то можно прокатиться с ветерком.

Катались с Сухарного моста, нам он тогда казался очень высоким. Гоняли по Оби на Вторую Ельцовку, где было много хороших спусков даже с самодельными трамплинами. С этого началась моя серьезная военно-патриотическая и трудовая подготовка.

Зарплата у отца была маленькая, а едаков в семье много. Ему предложили приличную зарплату в Кривошеково на строящемся заводе «Сибкомбайн». Переехали в 1936 году. Купили на Озерной улице барак с усадьбой в 6 соток. Купили корову. Жить стало легче. Меня приняли в 67-ю школу в пятый класс. Наш район стал называться Кировский, а потом – Ленинский. Завод переименовали в «Сибметаллстрой»; в войну он стал комбинатом № 179 Министерства боеприпасов, а после войны и некоторой реконструкции – заводом «Сибсельмаш».

Шестой и седьмой классы я закончил в 73-й школе. Улица Плахотного раньше называлась Лагерной, в ее западной части, примерно где сейчас 48-я школа, был лагерь Осоавиахима с самодельным аэродромом и парашютной вышкой. Мы туда очень часто бегали. Помогали планеристам и лет-

чикам-курсантам. Иногда прыгали с вышки с парашютом, особенно когда не было взрослых.

Площадь парашюта маленькая – условная, но был трос с блоками и противовесом, рассчитанным на взрослого человека весом около 80 кг. Поэтому мы прицеплялись за ремни втроем или вчетвером и прыгали.

Сколько было удовольствия, особенно если удавалось посидеть в кабине планера или самолета. Всех нас «заразила» авиационная болезнь.

Я завел голубей и мог часами наблюдать за небом и их полетом.

После поступления в техникум с голубями пришлось расстаться, я их продал.

Вполне возможно, что в этом лагере бывал и будущий ас-истребитель, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин. Вообще-то военнопатриотическое движение было очень хорошо организовано в виде стройной государственной системы. В младших классах был комплекс (БГТО – будь готов к труду и обороне).

В старших классах – ГТО (Готов к труду и обороне) трех степеней. Кроме того, были комплексы ГСО – санитарные, кружки Ворошиловских стрел-

ков, радиолюбителей, авиамodelистов и многие технические. Была допризывная военная подготовка. Стадион был всегда открыт. Попасты в юношескую футбольную команду «Строитель Востока» было заветной мечтой всех мальчишек. К сожалению, я до этой команды не дорос, но был очень выносливым и реактивным, что мне очень пригодилось на фронте.

Где сейчас Ленинский рынок, была свободная поляна, которую мы использовали как футбольное поле и гоняли мяч от темна и до темна. Я часто стоял в воротах потому, что у меня была хорошая реакция.

Самое главное – что все это было бесплатно.

Весной и осенью мы ходили на утиную охоту примерно туда, где сейчас расположен клуб Покрышкина и 48-я школа. Зимой охотились там же на зайцев. У отца были самодельные лыжи длиной примерно два с половиной метра и шириной сантиметров двадцать пять. У меня лыжи были поменьше, но тоже самодельные. Делать все своими руками отец научил меня в детстве, и это умение мне очень пригодилось в жизни.

В 14 лет я окончил седьмой класс и хотел поступить в авиационный техникум, но меня не взя-

ли, так как мне не было пятнадцати лет и я был мал ростом и весом.

Пошел поступать в Новосибирский электротехнический техникум связи. Взял с собой самоделки радиоприемников и убедил директора разрешить мне сдавать вступительные приемные экзамены на радиоотделение. Экзамены сдал успешно.

Техникум располагался на ул. Кирова, 58, где сейчас находится Институт связи. Мне дали место в общежитии на верхнем этаже. В комнате жили 17 человек с разных курсов. Старшекурсники пытались построить ультракоротковолновую радиостанцию. Я с ними работал на подхвате, что-то паял, наматывал катушки и прочее.

Материально мы жили плоховато, поэтому со старшекурсниками ходили на заработки. Обычно это были погрузочно-разгрузочные работы. Особенно везло, когда работали на мясокомбинате или на продовольственных складах. Тогда кроме денег мы еще и хорошо наедались.

Мы занимали северную часть здания, остальная часть здания еще достраивалась и, как нам говорили, – под институт связи.

Учиться было интересно, такого количества приборов и различной радиоаппаратуры я никогда не видел, да и преподаватели были опытные.

На военной подготовке и физкультуре мы часто занимались лыжными походами и даже сдавали соответствующие нормативы. Все выполняли нормы. Мы ведь сибиряки, о подвигах лыжных сибирских батальонов не раз рассказывало Совинформбюро.

Весной 1941 года мы сдавали экзамены, когда объявили о нападении фашистов на нашу страну. Поначалу мы считали, что фашисты будут разгромлены «на вражьей земле малой кровью могучим ударом». Но все оказалось иначе.

Техникум из нашего здания немедленно выселили на Ленинградскую улицу в двухэтажные бараки, а потом – на четвертый этаж в авиационный техникум на Красном Проспекте, 100.

Срок обучения сократили до трех лет. Старшекурсников досрочно выпустили, присвоив им звания техников и лейтенантов. Некоторых из них сразу отправили на фронт. Мы им сильно завидовали.

Вообще военно-патриотическое воспитание молодежи было на очень высоком уровне. Многие

подавали заявления в военкоматы, в том числе и мы, но нам отказывали по молодости лет. Советовали продолжать хорошо учиться и получать кроме гражданских знаний еще и военные.

В техникуме была обязательная военная подготовка. К этим занятиям мы относились особенно серьезно. Общежития не было. Пришлось ездить ежедневно из Кривошеково на «передачах» – поездах пригородного сообщения. Это отнимало очень много времени. Поезда часто опаздывали, пропуская в первую очередь воинские эшелоны.

Начал работать лозунг «Все для победы», «Все для фронта». Но у этого лозунга есть обратная сторона!

Летом 1942 и 1943 годов мы ездили всем техникумом на сельскохозяйственные работы в Маслянинский район. Мне пришлось косить хлеб на «крюк», вязать снопы, возить на волонушах, работать на конной косилке-лобогрейке. Было очень трудно. Порвалась обувь: о патриотизме не говорили, но работали очень старательно. На фронте многие сибирские дивизии уже прославились и стали гвардейскими. Местные женщины так и говорили, что надо нашим мужчинам хоть хлебушком помочь. Все будет легче!

В обеденный перерыв подбирали колоски и часть из них прятали за пазуху, а мы – студенты – отваривали зерно в котелках, подсаливали и ели.

Успеваемость моя немного понизилась. Некоторые ребята ушли на заводы. Я учебу не бросил.

Отцу было за 60 лет, но он продолжал работать теперь уже на комбинате № 179 Министерства боеприпасов. Иногда домой не приходил – разгружали срочно поезда с оборудованием эвакуируемых заводов или грузили боеприпасы в эшелоны для фронта.

Осенью 1942 года я начал учиться на третьем – выпускном курсе. 11 января 1943 года сдал первый выпускной экзамен последней сессии. После этой сессии мы выходили на дипломное проектирование, защиту диплома техника-радиста и присвоение звания лейтенанта.

Служба в РККА. Военная подготовка по курсу молодого бойца

12 января 1943 года я получил повестку из военкомата. Раньше я просился в авиационное училище, но мне дали «бронь» до окончания техникума.

ма. Кроме того, мне только что исполнилось 17 лет. Но фронт требовал пополнений и я был призван в РККА. Нас повезли в Красноярск, где было много военных училищ, аэродромов и запасных воинских частей. Здесь ускоренно обучалось пополнение для фронта.

В авиационное училище меня не взяли из-за малого роста в 145 см и скромного веса – 45 кг. Направили в карантин Киевского военного училища связи (КВУС). Жили мы в большой землянке. Занимались на подхвате хозяйственными делами, долбили лед на Енисее, добывая вмерзшие бревна, занимались строевой подготовкой.

Холода были сильные, а одежда слабая и старая. Многие обмораживались, я тоже обморозил пальцы ног. После мандатной комиссии меня зачислили курсантом кабельно-шестового батальона. Повели всех в баню, остригли, помыли и переодели в военное, бывшее в употреблении, но вполне приличное обмундирование. Обули в ботинки с обмотками длиной метра три. Обмундирование было больших размеров и мы, как кто умел, его подгоняли под себя. Погон в РККА еще не было.

Слово «офицер» было ругательным. Имелся в виду офицер фашистской армии или белогвардейский, т. е. враг.

В нашем взводе оказалось еще трое ребят из Новосибирского электротехнического техникума связи: Лёва Штейнберг из нашей группы радистов, Михаил Малков и Михаил Чвелёв – со второго курса группы телефонистов.

Мы заняли четырехместное двухэтажное спальное сооружение из четырех сетчатых коек. Я разместился над Мишей Чвелёвым. После переобмундирования мы некоторое время никак не могли узнать друг друга, особенно сзади.

Если бы я был до призыва поумней и повзрослей, то, конечно, доучился бы в техникуме, получил диплом техника-радиста и звание лейтенанта. Но у меня не хватило ума, а военкому нужно было выполнить жесткий план призыва сибиряков.

Правда, потом оказалось, что в военкомате были и взяточники, которые спасали от призыва прохиндеев за счет нас – патриотически настроенных пацанов. Эти «деятели» из военкомата нанесли вред и нам, и государству, за что после войны были наказаны.

Режим обучения был очень строгим и ускоренным. Свободного личного времени было всего десять минут вечером, когда можно было подшить воротничок или написать письмо. Учились очень старательно и на «отлично».

Наши фамилии красовались на специальных стендах и щитах. Чтобы победить фашистов, как потребовал Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, надо было стать мастерами своего ратного дела. Мы ими стали на уровне курсантов Киевского военного училища связи имени М.И. Калинина.

Наше училище в годы гражданской войны было создано на основе бывшего Киевского юнкерского училища. Командный и преподавательский состав был высококвалифицированным и очень деликатным. Все требования к нам были строго по уставу. Отношение к нам и обеспечение были тоже строго по уставу РККА.

Курсантский паек был значительно больше обычного тылового. Нам полагалось дополнительно масло и сахар, хлеб, жиры. Но мы себя чувствовали голодными все время, потому что росли, развивались и очень напряженно занимались. В марте 1943 года нам приказали перешить ворот гимнастерки, сделав

его вертикальным (закрытым) и прикрепить погоны. Было введено звание офицера, вместо командира.

Некоторые преподаватели возмущались, особенно те, кто воевал в гражданскую войну с оккупантами и белогвардейскими офицерами. Ведь в течение 25 лет понятие «офицер» было связано со зверствами офицеров в гражданскую войну или фашистских офицеров, т. е. врагов.

Главное, что было отменено звание «комиссар». Командир, отвечающий за все события и материальную часть, стал единоначальником. А комиссаров перевели в ранг заместителей по политической части. Единовластие командира увеличило его ответственность и позволило быстрее принимать самые ответственные решения без дополнительных споров и согласований. Говорили, что на этом настоял Г.К. Жуков.

Нам разъяснили, что в строевом уставе РККА было два очень серьезных пункта, которые позволяли комиссару отменять решения командира и принимать против него любые меры наказания, вплоть до расстрела.

Вот эти пункты. 1) Подчиненный обязан точно, безоговорочно и в срок выполнять любые приказа-

ния командира, *кроме явно преступного*. А кто решает этот вопрос?! 2) В случае критической ситуации командование на себя берет старший по званию.

Как правило, командиры рот, батальонов, полков и т. д. имели знаки отличия ниже, чем комиссары, поэтому комиссарам приходилось брать командование на себя, не имея специального военного образования, особенно по данному роду войск. Надо учесть и огромные потери кадровых комиссаров в начале войны.

Формируя новые воинские части и пополняя действующие комиссарами, пришлось назначать учителей истории, газетчиков, журналистов, корреспондентов, гражданских партийных работников и различных активистов на эти очень важные должности.

Не имея серьезной военной подготовки, они грамотно вели политработу и пропаганду, но не могли успешно командовать частями, особенно в технических родах войск.

А ведь в гражданскую войну комиссары себя показали с самой лучшей стороны.

Мы это решение приняли положительно. Дальнейший ход войны подтвердил правильность при-

каза Верховного командующего. К сожалению, были и такие случаи, когда замполиты появлялись в нижних звеньях и через «голову» командира навязывали свои решения. Например, штыковую атаку с большого расстояния до противника, или не рыть окопов, а опрокинуть противника единым порывом, или взять какую-нибудь деревню или высотку без всякой подготовки.

Хорошо, что к середине войны каждый стал заниматься своим делом и такие случаи стали редкостью и совсем прекратились.

Распорядок дня в училище был организован очень строго и разумно. Утром подъем и сразу зарядка в нательных рубашках. Иногда во время подъема обмотка вырывалась из рук и раскатывалась на всю свою длину... После физзарядки заправка коек и строем на завтрак.

Занятия в помещении чередовались с уличными строевыми и обучением приемам рукопашного боя с винтовкой, штыком, малой саперной лопатой и без оружия. Мне особенно запомнился прием «Длинным коли – вперед прикладом бей». Он красиво выполняется с выпадом вперед, но вот будет ли враг с автоматом ждать этого приема и не стрелять.

Были специальные занятия по лыжной подготовке с соревнованиями и кроссами.

После обеда – тихий («мертвый») час. Мы к нему настолько привыкли, что по команде мгновенно засыпали, а перед подъемом легко просыпались.

В классах изучали основы электрорадиотехники, телефонию, полевое оборудование и приборы, топографию, тактику и др. Отрабатывали азбуку Морзе на ключе и ленте. У нас с Лёвой получалось хорошо, так как мы в техникуме работали «на слух» и принимали примерно по 18 групп, т. е. по 90 знаков в минуту.

Три командира отделений были выздоровевшие после ранений фронтовики. Они нам кое-что рассказывали о фронте, но мы не все воспринимали на полном серьезе. Нашим командиром отделения был назначен Миша Малков, и он «влепил» мне наряд вне очереди за панибратство. Не мог я сразу увидеть в нем настоящего серьезного командира.

Периодически рота назначалась в караул. Мы дежурили на постах, у складов, на гауптвахте и в столовой.

Хотелось попасть на кухню, где можно было хорошо поесть. Один курсант добыл супа на деся-

терых и почти весь съел с соответствующими последствиями.

Были стрельбы в открытом тире из мелкокалиберных винтовок. У большинства курсантов не было навыка в стрельбе, и соответственно этому был и результат. Я норму выполнил. Видимо, мой опыт стрельбы из ружья на охоте как-то пригодился. На охоте приходилось стрелять «на вскидку».

Были занятия по борьбе с танками с помощью бутылок с горючей смесью, связок гранат и противотанковых гранат.

Мы прятались в окопы, а командир взвода бросал в старый корпус танкетки противотанковую гранату, а потом бутылку с горючей смесью. Летели осколки, горело пламя, но было как-то тревожно и неубедительно.

После принятия присяги нас водили в городской театр на спектакль «Синий платочек». В театр шли строем ротами и пели строевые песни. На узких улицах с высокими домами песни звучали особенно красиво и громко, ободряюще. Встретились с курсантами авиационного училища, в котором учился мой племянник Сбоев Иван Павлович. Мы с ним дружили с детства. Он тоже с 1925 года рож-

дения, но покрепче и повыше меня. Его зачислили в авиационное училище, а меня нет.

Наши училища разделяла только колючая проволока, поэтому нам удавалось через нее общаться и несколько раз он приходил к нам в казармы по увольнительной.

В то время среди курсантов была мода делать наборные мундштуки и ножи с такими же ручками. Ваня нам помогал кусочками разноцветного плекса и сталью от расчалок.

Училище участвовало в Первомайском параде и заняло первое место. Особенно отличились девушки из батальона быстродействующей аппаратуры. Черные аккуратные женские ботиночки, белые носочки, аккуратно подогнанные юбки и гимнастерки сильно их выделяли из всей мужской малолетней братии. Четкий шаг, строгое равнение и очень голосистые песни покорили всех.

Хамоватые старшины подшучивали над девушками, спрашивая их: «Что это вы запрятали в нагрудные карманы гимнастерок?».

По окончании курса молодого бойца были экзамены и я получил «показательную» двойку по телефонии за то, что при сборке схемы один конец

провода закрепил против направления заворачивания клеммы. Это было обидно и сделано преподавателем специально для науки всем курсантам. Через три дня я пересдал телефонию на «пять». Но этот урок помню до сих пор.

В это время в наш батальон прибыло пополнение взрослых политработников для переподготовки, а нашу роту пацанов отправили ближе к фронту.

В Новосибирске стояли целый день. Я отпросился и съездил домой в Кривошеково, но дома никого не застал. Наш эшелон высадили в Чкаловской области в районе сел Каргала и Сакмара. Мы стали курсантами 19-го отдельного запасного линейного полка связи. Жара страшная, а продовольственная норма тыловая и значительно меньше, чем в училище.

Занимаемся в основном строевой подготовкой. Вплавь гоняем бревна на дрова к нашей казарме – бывшей мечети.

Две недели помогали колхозникам убирать хлеб. Подкармливались на работе и сами шелушили пшеницу, варили, подсаливали и наедались. Иногда ребята ночью ходили на бахчи за арбузами. Там сторож-фронтвик с оторванной ногой просил

не мять плети и сам выбирал арбузы, сколько нам надо.

Жалел нас. Говорил, что в такой войне нас всех перебьют или покалечат. А мы ему не очень верили и ждали, скоро ли нас направят на фронт.

Нашим взводом командовал тяжело раненный в ногу лейтенант – бывший акробат цирка. Он нам только на руках показывал чудеса акробатики. Роту возглавлял тоже раненный лейтенант – бывший учитель.

Они пытались нам объяснить, что противник очень силен и к нему нужно относиться серьезно, не бояться его, а стараться перехитрить.

Настроение у нас было боевое, патриотическое. Поэтому, когда в начале сентября нас спросили: «Кто хочет на фронт?», мы всей ротой сделали шаг вперед.

Только один курсант отказался, он сказал, что ему не позволяет религия брать в руки оружие и убивать людей. Что с ним было дальше, нам не сказали.

Нас переделали во все новое и под звуки «Прощания славянки» в морозящий дождь усадили в эшелон «телячьих» вагонов и повезли на фронт в сторону Москвы.

Часть II. ОТ ВЕЛИКИХ ЛУК ДО РИГИ

*Посвящаю командиру нашего стрелкового 1255-го полка
майору Морозову Алексею Ивановичу
(после войны генерал-майору)*

«На западном фронте без перемен»

Э.М. Ремарк

А на нашем фронте ожесточенные
непрерывные бои

1. Освобождение Псковской области Витебско-Полоцкое направление. Осень

*Посвящаю моему первому наставнику
«старику»-коммунисту, ефрейтору Турову*

Какое-то время нас везут почти вдоль фронта, через станции, подвергавшиеся бомбежкам. Везде солдатские могилы с фанерными звездами, груды

искореженного металла, разбитых вагонов и искореженных рельсов.

Становимся серьезнее и осторожнее. Жалеем, что мы едем на пополнение без оружия и боеприпасов. Обычно сформированные в тылу воинские части едут на фронт в полном боевом и с зенитками на платформах.

Проехали вокруг Москвы и оказались в Торжке, а потом проехали дальше на юг и нас выгрузили в Торопце на пересыльном пункте. 3 октября помылись в полевой бане – в большой брезентовой палатке с тазом теплой воды и какой-то дезинфицирующей жидкостью, похожей на молоко с запахом карболки. После бани повели нас в лес примерно за километр от станции.

В лесу много окопов. Ясно, что мы здесь не первые перед последним шагом на фронт – в неизвестность.

Ночь холодная, костры жечь нельзя. Пришлось ноги спрятать в вещмешки и лечь спать всем вместе по-охотничьему – на один бок – «ложка в ложку».

Ночью фрицы бомбили станцию, несколько бомб разорвалось в лесу недалеко от нас. Мы свалились в окопы. Утром обнаружили землянку, в

которую попала бомба с нашими «активными» солдатами. Парни дорвались до тепла, растопили самодельную из бочки печь. Из трубы летели искры. Что и послужило хорошей мишенью для прямого попадания. Это первые наши потери из-за разгильдяйства. А мы еще не фронтовики!

Днем прибыли «покупатели» – представители от частей, которым требуется пополнение. Идем прямо к фронту. Прячемся в лесу от пролетающих немецких самолетов. Ночью над нами летают легкие итальянские самолеты «Маркони» – вроде наших У-2, только однокрылые.

Подвешивают на парашютах осветительные ракеты – «фонари» и бомбят с большой точностью. К сожалению, в пополнении были заядлые курильщики и хвастуны, которые закуривали в открытую. Как правило, тут же начиналась бомбежка с соответствующими потерями и дело иногда кончалось самосудом.

Примерно в полукилометре от передовой начинаем двигаться вдоль линии фронта. Слышна пулеметная стрельба, иногда пули пролетают над нами. В небо взлетают немецкие осветительные и сигнальные ракеты.

Мы прошли через Великие Луки в сторону Невеля. Оказывается, фронт так близко от Москвы, всего в каких-то 180–200 км. Это расстояние можно проехать на автомобиле или танке за три или четыре часа. А мы думали, что Москва в полной безопасности.

Нас четверых распределили в разные подразделения. Я попал в 379-ю стрелковую дивизию в 1257-й полк. Командир полка подполковник Зорин В.А., но я его ни разу не видел. Дивизия была в составе 20-й армии, а с 12 октября ее перевели в 3-ю ударную армию Калининского фронта, самого близкого к Москве.

Война была маневренной, поэтому нас перебрасывали то на юг на территорию Белоруссии, то на север в сторону Пскова и, конечно, переподчиняли другим армиям. Но бóльшую часть войны, до Риги, мы воевали в 3-й ударной армии.

Наша дивизия формировалась в Перми в августе-сентябре 1941 года. Участвовала в знаменитом контрнаступлении под Москвой с 6 декабря 1941 года прямо «с колес».

Весной 1942 года из-под Ржева дивизию перебросили на Волховский фронт для прорыва блока-

ды Ленинграда. После выполнения этой очень кровопролитной операции дивизию вновь вернули под Москву. Дивизия успешно воевала и нанесла огромные потери противнику, но и свои потери были большими. Ее несколько раз пополняли, и на этот раз – нами, в основном сибиряками.

Всего прибыло три с половиной тысячи. Это более половины всего состава пехоты.

Я попал в стрелковый взвод. Когда нам выдавали оружие, старшина приговаривал: «На тебе жинку» и вручал торжественно винтовку. Посмотрел на меня, послал помощника за карабином и сказал: «На тебе мамку».

Есть такая старая солдатская песня «Солдатушки, браво, ребятушки, где же ваши жены? Наши жены – ружья заряжены, вот где наши жены». По этой песне и действовал старшина. Во взводе всего шесть старых обстрелянных солдат в возрасте 45–50 лет.

Ко мне подошел высокий и очень жилистый «старик» ефрейтор Туров и сказал: «У меня дома шестеро робятишек, так ты как мой младший. Держись около меня. Делай то, что буду делать я, а потом постепенно сам научишься воевать, если останешься жив».

Наши войска освободили сильно укрепленный фашистами город Невель, но остальная группировка вокруг него сохранилась и оказывала упорное сопротивление. Несколько попыток разбить эту группировку не удалось. У фашистов была налажена мощная глубоко эшелонированная линия обороны с большим количеством дотов, дзотов, танков, пулеметов и артиллерии. Фашисты считали свою оборону неприступной.

Наше командование решило ввести в бой свежие отдохнувшие и переформировавшиеся части, в том числе и нашу 379-ю стрелковую дивизию. Наш полк передвинулся северо-восточнее Невеля и Великих Лук под населенный пункт Черехуино, который занимал ключевое положение в обороне фашистов. (Черехуино – почти Черемухино – легко запомнилось!)

Ночью мы сменили уставшие и сильно поредевшие части и оказались в окопах второй линии. В передних окопах разместился другой батальон нашего полка.

Природа здесь примерно такая же, как у нас в Колыванском районе Новосибирской области. Лес сосновый, еловый; ольха и разные кустарники.

Много болот, речек, ручейков и отдельных высоток и бугорков, как правило, хорошо укрепленных заранее. Фашисты для создания линии обороны использовали мирное население, а при отступлении угоняли его с собой.

Жители прифронтовых деревень как могли, под страхом смерти, убегали в болота и глухой лес и отсиживались там до нашего прихода.

Утром к нам в лесной овражек приехала кухня. Мы повзводно потихоньку подходили к ней. Я уселся на свежий пенек. Турыч подошел ко мне, взял за руку, сказал: «Не дергайся», отвел в сторону и показал проволочку на пеньке, которая шла в дерн к натяжному взрывателю противотанковой мины.

Мне крупно повезло. Сделай я чуть-чуть другое движение и взлетели бы мы все к небесам, а я попал бы наверняка в список пропавших без вести. Всех предупредили и мину оградили самодельной треногой для саперов.

Самим такие мины разминировать нельзя, так как у них бывает много сюрпризов с взрывателями.

К Турову подсоединился еще один ефрейтор – «старик» Козвонин. Мы получили двухлитровый

котелок супа и такой же котелок каши пшеничной. Съели суп втроем, а кашу – только до середины. Остальное доел я. Они удивлялись и говорили: «Куда в тебя, такого малого, столько входит?». А ведь мы, пацаны, росли и нам требовалось усиленное питание. Сказывалась и малая тыловая норма, и деятельность «тыловых крыс» и «некоторых интендантов», которые постарались, чтобы кое-что к их рукам прилипло.

Вернулись в окопы. Над нами завязался воздушный бой истребителей. В небе дикий вой моторов и какая-то карусель. Наш истребитель погнал фашиста на очень малой высоте около самых вершин сосен, открыл огонь, и пули летели прямо на нас. Нам повезло, никого не зацепило. Сбил ли наш истребитель фрица, мы не видели из-за леса. Вечером нам сказали, что в этом воздушном бою было сбито три фашистских самолета и один наш. Так развивалось мое начальное фронтовое образование.

«Розовая пелена» быстро сходила с глаз. Я был готов воспринимать информацию о настоящих писанных и неписанных законах войны. Туров и Козвонин имели звание «ефрейтор», т. е. старший солдат («оберзольдат» по-немецки). Они были

очень опытными, обстрелянными, физически и морально крепкими, не единожды ранеными и контуженными. Их подвиги были отмечены боевыми офицерскими орденами «Красной звезды», что тогда было редкостью, даже среди офицеров. Фронтовые коммунисты-связисты с трехклассным образованием и огромным жизненным опытом, они могли найти хорошее решение в любой ситуации и не отдать свою жизнь «даром».

Ефрейтор Туров подарил мне кресало – это заменитель спичек. Спички солдатам на фронте выдавали очень редко, поэтому опытные солдаты воспользовались дедовским методом охотников, рыбаков и старателей. Берется кусок стального напильника и камень твердый типа гранита. При ударе напильника по камню высекается искра. Если к этому месту подложить «трут», т. е. что-то вроде ватки, то получим огонь. «Трут» делали из специальных старых грибов от деревьев. Этот гриб как-то варили и сушили, а потом помещали в гильзу. Получалось что-то вроде современного электроприкуривателя. Были и другие варианты добывания огня. «Трут» всегда хранили на голове – в пилотке, шапке или каске.

Из-за больших потерь в пехоте и ожиданий молодого пополнения их направили для укрепления взводов и передачи опыта необстрелянным бойцам. Всегда в трудные моменты коммунистов направляли на самые опасные участки. Туров нам объяснил, что для победы надо вывести из строя как можно больше фашистов.

Если бы каждый наш красноармеец в начале войны убил по одному фашисту, то война бы кончилась нашей победой в течение трех месяцев. Но враг хорошо обучен, имеет огромный опыт победных боев в Европе. Все заводы Европы снабжают фашистскую армию отличным оружием и качественными боеприпасами.

Немецкое командование умеет хорошо планировать и управлять войсками сверху донизу – до взвода и отделения. Огромная наша территория оккупирована. Около 80 миллионов жителей оказались на территории, захваченной врагом. Кроме того, в Европе подчиненной фашистам, было около трехсот миллионов жителей, которые работали на Германию.

Многие наши промышленные и сырьевые районы захвачены и эксплуатируются фашистами. Советские войска победили под Москвой, Сталингра-

дом и на Курской Дуге, но фашисты еще очень сильны и находятся на расстоянии 180–200 км от Москвы, как раз на нашей Калининской линии фронта.

Ночью над нами слышен гул тяжелых немецких самолетов, которые летят бомбить Москву и другие города и станции в нашем тылу. Отступать некуда. Необходимо наступать и обязательно побеждать. Как бы хорошо не планировалась очередная военная операция, надо обязательно «прорвать» передний край противника, т. е. на самом низшем уровне. «Иван» должен быть хитрее и выносливее «фрица». Вот почему для победы надо забыть всякое шапкозакидательство, бахвальство, пижонство и пренебрежение силами и возможностями противника. Главное не паниковать ни при каких условиях, и если так уж получится, то отдать свою жизнь как можно «дороже».

Надо забыть призыв – «последнюю пулю для себя». Последней пулей ты должен уничтожить еще одного фашиста, а уж потом вступать в единоборство. Для этого нас и учили приемам рукопашного боя и боевого самбо. Такая в то время была арифметика войны для нас.

При продвижении вперед замечать любые углубления и канавы на земле и пеньки, где можно укрыться в случае обстрела. При остановке копать немедленно окоп для положения лежа, а если позволяет обстановка, то и «с колена» или стоя. Желательно в первой же деревне заменить малую саперную лопатку на обыкновенную большую крестьянскую лопату, только с укороченным черенком. Что я и сделал.

При артиллерийском обстреле первый разорвавшийся снаряд не твой. По законам распространения звука вначале слышишь удар снаряда о землю, потом разрыв снаряда и только через несколько секунд услышишь звук выстрела.

Значит, надо немедленно прыгнуть в ямку или окоп от осколков, в том числе и зенитных. Хорошо делать в окопе подкоп вперед и прятаться в него. Если фашисты стреляют из минометов, то по звуку выстрела можно определить, куда летит мина. Это я усвоил сравнительно легко потому, что на гражданке в техникуме связи был «радиослухачом».

Итак, мы изготовились к взятию деревни Черехино. Наши разведчики обнаружили южнее деревни тропу на заболоченном озере. Ночью через

это болото в тыл противника прошла целая рота нашего полка.

На рассвете началась артиллерийская подготовка. Передний край фашистов несколько раз обрабатывали наши ИЛы-2. Налетали и фашисты на нас и бомбили. Кроме того, не очень густо стреляли немецкие артиллеристы и минометчики. Нам перед боем выдали по сто граммов, но Турыч посоветовал выпить только после боя, так как от спиртного теряется реакция и разум, особенно у тех, кто примет двойную дозу.

Через несколько минут из первых окопов солдаты перебежками и ползком двинулись вперед. Начали «просыпаться» фашистские пулеметные и огневые точки. Мы стали по ним стрелять, они замолчали, но через некоторое время оживали другие запасные «гнезда».

Бегущие впереди солдаты попеременно залегали и стреляли по фашистам. Кто-то стрелял, а кто-то в это время перебегал. В этом чувствовалась определенная слаженность, которой нас обучали еще в тылу. Из бегущих под «наркозом» напропалую некоторые падали подстрелянными. Артподготовка длилась примерно полчаса. Солдаты из пе-

редних окопов находились в конце артподготовки от фашистов всего в 25–30 метрах. Они делали проходы в минных полях и проволочных заграждениях – колючей проволоке и спиралях «Бруно». Эта спираль из очень тонкой, невидимой в траве проволоки была очень опасна. Турыч мне объяснил, что если над тобой прошла пулеметная очередь, то можно соскочить и зигзагами пробежать метров 8–10 и снова упасть в заранее выбранное укрытие. Не терять головы. Оценить поведение командиров и других солдат; если возможно, то сделать прицельные выстрелы и следующую перебежку.

Мы в это время заняли перебежками первые окопы, оставив часть солдат в прежних окопах. К сожалению, некоторые современные борзописцы, критикующие все прошлое без разбора, заявляют, что сзади них были другие подгоняющие части. Эшелонированная тактика – это закон любой войны. Иначе и быть не может. Во-первых, солдаты первой линии устают, и их должны подменить свежие части для дальнейшего преследования противника. Особенно хорошо, если в прорыв войдут наши танки. Во-вторых, если первые наши окопы

не займут солдаты второго эшелона, то это сделают фашисты путем фланговой контратаки или «просачиванием». И тогда наши передовые части будут расстреливаться фашистами в спину.

Залп «Катюши» термитными и зажигательными снарядами по вторым окопам противника был сигналом к взятию окопов передней линии фашистов и постепенному перенесению огня всей артиллерии по тылам врага.

Когда мы прибыли на фронт, то «Катюши» стреляли термитными снарядами. На пораженной площади лежали с развернутыми «лепестками» реактивные части снарядов. Все обуглилось. Вся «накрытая» площадь завалена трупами фашистов. Если кто-то пытался спрятаться в окопах, то все равно был поражен высокой температурой при взрывах. Фашисты по нам тоже стреляли зажигательными снарядами, но таких «аппаратов» у них не было. А кроме того, только у них были разрывные пули. В это время атакующие бросали гранаты в немецкие окопы и бежали вперед, а мы продвигались к ним на подмогу и бежали дальше.

Деревня Черехуино была атакована одновременно «в лоб» и с тыла. У фашистов поднялась па-

ника, и они, боясь окружения, начали отступать и оставили деревню. Мы их преследовали до следующей укрепленной высоты, где они нас встретили хорошо организованным огнем.

Таких боев за населенные пункты и высоты было много. С каждой высоты фашисты обстреливали основные дороги и контролировали всю местность вокруг. После взятия и продвижения вперед эти высоты теряли свою военную ценность и движение войск осуществлялось по дорогам.

Санитары и трофейщики не очень хотели лезть на минные поля в поисках тяжело раненных, оставляя эту работу саперам. А у саперов очень много работы было в передовых войсках!

Перед боем нам выдали по пятьдесят патронов и по две гранаты, которые мы подвесили на поясные ремни за спусковую скобу запала. Турыч сказал, что после боя надо будет из вещмешков раненых и убитых взять патронов еще штук по пятьдесят, а лучше всего по сто.

В вещмешке не носить ничего лишнего, кроме патронов, фляги, ложки, кружки, ножа, НЗ, масленки и принадлежностей для чистки оружия. Так мы и поступили, без хорошего запаса боеприпасов

воевать нельзя. Это особенно подтвердилось, когда мы попадали в окружение.

Возник и еще один пакостный вопрос с каской. Когда ты сидишь в окопе или спокойно идешь, то каска хорошо защищает голову, как и должно быть. Но когда ты бежишь, то пружинное кольцо внутри каски начинает скрипеть и издавать какие-то странные звуки, похожие на звук пикирующего бомбардировщика или вой мины. А главное, перестаешь слышать команды командиров, голоса соседей, голос боя.

Фашисты с потерей Череухино не смирились и начали нас контратаковать с применением танков. Мы заняли оборону. Нас обеспечили противотанковыми гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Гранат было мало, а бутылок много – трех разных типов. К бутылкам первого типа крепились две спички длиной примерно десять сантиметров и диаметром около десяти миллиметров. К ним прилагалась специальная терка. Перед броском надо было провести теркой по головкам спичек, и когда они загорятся, бросить бутылку в танк. К другим бутылкам прикреплялись специальные стеклянные ампулы, которые можно было вложить в горлыш-

ко, а потом бросать. Жидкость воспламенялась после того, как бутылка и ампула одновременно разбивались о танк или от пули. В третьих бутылках была смесь КС, которая загоралась при соприкосновении с воздухом. Все эти бутылки очень опасны не только для фашистов, но и для нас. Хорошо, что у фашистов было мало танков на нашем болотистом участке и эти бутылки мы использовать не могли. А позже мы пользовались трофейными фаустпатронами – гранатометами кумулятивного действия. Жаль, что этот принцип был разработан еще в царской России, но удачно применен врагом.

В первой контратаке участвовало три фашистских танка «тигра», а во второй – шесть. В некоторые «тигры» были прямые попадания из орудий мелких калибров, но подожгли только одного. Наша главная задача заключалась в отсечении пехоты фашистов от танков. Вот когда пригодился запас винтовочных патронов. Автоматов в батальоне было мало да и радиус их прицельного поражения мал. В автоматах использовались пистолетные патроны от ТТ, они сравнительно слабы. Автоматы были хороши только в ближнем бою. Проблему ближнего и дальнего боя отлично решил

позже конструктор Калашников, создав автомат дальностью боя в два километра.

А вот пулеметы станковые – «Максим» и ручные Дегтярева – работали отлично. Хорошо стреляли снайперы и обычные солдаты из винтовок. Все атаки фашистов были отбиты. Когда мы отсекали пехоту от «тигров», то танки давали задний ход и без поддержки пехоты на нас не шли.

Правее нас вводились в бой четыре наших танкетки. Когда мы были еще в окопах второй линии, они прошли сзади нас, что подняло наш боевой дух. Однако их действия оказались неэффективными. Они немного постреляли и поугали фашистов, но две танкетки застряли в ручье, а две другие фашисты подожгли.

Вот так я понюхал настоящего фронтового пороха. Таких боев было много, но этот бой я особенно хорошо запомнил. Была и победа, и большие потери, и некоторые тонкости пехотного боя. А ведь пехота – это только царица полей. Есть еще бог войны – артиллерия, и если достаточно боеприпасов, то это очень суровый бог войны.

Когда мы отбивали контратаки, то удалось уяснить еще одну военную истину. Ни в коем случае не

поддаваться панике и не выскакивать из окопа и драпать в тыл. Это неминуемая и позорная смерть. Высовываться из окопа надо только для стрельбы. Перезаряжать магазин оружия лучше в окопе. Если есть возможность, то перебегать по траншее и менять огневую позицию, стараясь контролировать свое поведение и следить за командиром, соседями и противником. Стрессовое состояние должно помогать действовать быстрее, чем успеешь все спокойно обдумать. И главное, надо настроиться на победный бой до последнего...

Отбивали контратаки мы успешно потому, что нас хорошо поддерживала артиллерия. Саперы за ночь успели заминировать все, особенно танкоопасные места. Штурмовики ИЛ-2 постоянно «бороздили» фашистов. Очень неприятен так называемый «методический» обстрел противника. Артиллерия и минометы стреляют каждую минуту. То одиночными, то артналетом. И так несколько дней подряд. Не у всех наших солдат выдерживали нервы!

Перейдя к обороне, мы вырыли две линии траншей и окопы в полный рост с запасными огневыми точками и позициями. Но главное, мы готовились к очередному наступлению.

Как правило, в обороне на ночь выставлялось боевое охранение. Обычно в окопе, расположенном метрах в 25–50 от нашей траншеи, располагались два солдата – один «старик», другой молодой. Их задача – обнаружить вовремя немецких разведчиков и диверсантов, а заодно и наших, если они захотят драпануть к фашистам. К сожалению, такое иногда случалось.

На марше тоже было необходимо боевое охранение и спереди, и сзади, и по бокам. Война научила повышенной бдительности.

В спокойной обстановке помогаем пулеметчикам заряжать ленты и копать запасные позиции для...станкачей. Пехота очень уважает пулеметчиков, особенно «Максимов» за их точность и высокую поражаемость противника. Именно они были вместе с пехотой и первыми поддерживали пехоту и в наступлении, и в обороне. А артиллеристы все же были сзади и помогали более серьезно, но с некоторым запозданием.

В мемуарах и других воспоминаниях очень часто встречается понятие «передний край». Для тех, кто служит в штабе фронта (корреспонденты, адъютанты, интенданты, артисты и т. д.) поездка в

штаб армии или дивизии называлась отбьтием на передний край. Для пехотинцев передний край – это две линии окопов или траншей – наших и немецких, а посередине нейтральная полоса.

Причем передний край все время находится в состоянии поиска жертв. Немецкие снайперы и солдаты с винтовками, а также артиллеристы и минометчики орудий мелких калибров непрерывно выслеживают и обстреливают в первую очередь наших командиров, снайперов, пулеметчиков, связных, связистов, а также просто неосторожных солдат, которые иногда высовываются из окопов. То же самое делаем и мы.

Турыч мне преподнес такой урок. Взял мою пилотку на палку и несколько раз немного приподнял. Щелчок – и в пилотке дырка от пули. Наши командиры взводов, как правило, проводили три-четыре боя и выбывали из строя убитыми или ранеными. Некоторые солдаты держались дольше, им просто везло. При штабе армии были созданы четырехмесячные курсы младших лейтенантов, в которые набирались, в основном, везучие солдаты. Когда мы останавливались в обороне, то к нам присылали девушек-снайперов. Среди них тоже

были потери. Мы получили пополнение из выздоровевших раненных солдат. Среди них много взрослых.

По мере нашего продвижения на запад Калининский фронт переименовали вначале в Прибалтийский, а потом – во 2-й Прибалтийский. На этом фронте я и воевал до самой Риги.

В середине ноября нас направили юго-западнее Невеля в состав 6-й гвардейской армии. Четверо суток мы по грязи и раскисшим дорогам приближались к левому флангу Череухинской фашистской группировки. В сутки проходили по 60–80 км. Многие солдаты натерли мозоли на ногах и сильно устали. Выматывались лошади. Нам приходилось им помогать. Иногда даже разгружали повозки и несли на себе боеприпасы и другие грузы. Когда требовалась проводная связь, то мы грузили все катушки и аппараты на себя и прокладывали кабель. Только когда подморозило, удалось подтянуть весь обоз. Для меня переход прошел благополучно.

У меня ботинки были на два размера больше ноги, и я на всех привалах менял и перекладывал травяные или из сена стельки. При переобувании

верхний сухой конец портянки наматывал на ступню. Находил или выкапывал небольшую яму и ложился в нее так, чтобы ноги и голова были выше туловища. В случае обстрела или бомбежки я прятался в этой ямке.

Обычно при налете авиации мы стреляли бронебойно-зажигательными пулями по самолетам. Ни одного самолета мы не сбили, но зато активно сопротивлялись. Это лучше, чем лежать физиономией в землю и трепетать, как осиновый лист. Возможно, такое сопротивление все же действовало на немецких летчиков. Турыч мои действия одобрял.

На марше, особенно под утро, приходилось, держась за повозку или плечо впереди идущего, спать на ходу. Если засыпал совсем, то постепенно отпускал руку, шел в сторону, спотыкался, падал, соскакивал, догонял и шел дальше.

При выходе с переднего края километра на два-три обычно появлялось очень опасное расслабление психики, исчезала осторожность, притуплялся инстинкт самосохранения. А ведь большинство штабников, интендантов, политработников и других представителей ближних тыловых служб гибли как раз здесь, а не на переднем крае.

Их поражала артиллерия, минометы, авиация, случайные вылазки немецких разведчиков и диверсантов. Можно было запросто подорваться на брошенных минных полях, на минах-ловушках и хитрых «игрушках». Всем этим способам фашисты были очень хорошо обучены.

После переходов, отдыха или переформировки надо снова занимать окопы на переднем крае, это делается обычно ночью. Идем молча. Каждый думает о чем-то своем, а на душе «кошки скребли». Завтра или послезавтра снова в бой и кто-то будет убит, кто-то сильно покалечен, кто-то легко ранен или контужен, а кого-то на этот раз не затронет.

Прибыли на передний край благополучно, фашисты нашей смены не заметили. Мы сменили уставшую и потрепанную часть. Разместились по окопам, успокоились и к утру чувствовали себя как дома.

Сплошной линии обороны некоторое время здесь не было. Немцы засылали в наши тылы автоматчиков, а нам приходилось ждать опасности с любой стороны.

В одном малозначительном бою мы продвигались в низине по кустарнику прямо на фрицевские окопы, которые располагались на высотке. Кустар-

ник сходилась клином в сторону немцев, а солдатам не хотелось раньше времени выскакивать на открытое поле. Они постепенно уклонялись вперед и влево по этому клину.

Перед клином кустарника был хорошо замаскированный окоп с немецким офицером. Он «положил» человек десять наших ребят. Я бежал прямо и выскочил из кустов правее этого окопа. Фриц начал разворачивать автомат в мою сторону, но я, кажется, опередил его. Он упал. Мне повезло! Возможно, его достала пуля ребят, которые стреляли вслепую, пробегая по кустарникам. А может быть, сказался мой охотничий опыт с отцом. Ведь у меня дома была своя одноствольная берданка. Как оказалось, это была трофейная немецкая винтовка с времен Первой мировой войны, с расверленным под тридцать второй калибр стволом. Из нее я умел стрелять «на вскидку».

После боя я подошел к этому окопу. Офицер был лет двадцати пяти. Очень красивый шатен, подстриженный «под польку» и совсем не похожий на наших киноартистов, изображавших глупых и трусливых фашистов. А я ожидал увидеть какую-нибудь белокурую бестию.

Обычно оборонительная линия фашистов на какой-либо высотке состояла из двух линий траншей, редко – трех. Поэтому главной задачей солдат, бегущих впереди, было скорейшее достижение второй или следующей траншеи. Им нельзя было обращать внимание на убитых, раненых и притворившихся фашистов. С ними разберутся задние, в том числе санитары, похоронная и трофейная команды. И если два-три солдата добежали и завязали бой, то и остальные вскоре подбегут, и траншея будет захвачена нами.

Надо иметь в виду, что при начале нашей артподготовки фашисты убегают из передних траншей в задние или прячутся в землянках. Приходится отметить самообладание и стойкость немецких солдат. Несмотря на сильный артогонь, они, оставшиеся в живых, старались встретить нас огнем из личного оружия. А мы должны были успеть в конце артподготовки их опередить. Поэтому и артогонь велся с переносом.

Мне повезло. Я ни разу не участвовал в рукопашном бою. Да и вряд ли я бы в свои 50 кг веса смог победить нормального фрица. Стрелять приходилось много и чаще всего на бегу.

А карабин был всегда исправен и заряжен, перед боем я в карманы укладывал 3–4 обоймы по 5 патронов. Кроме того, были обоймы в подсумках и патроны россыпью в вещевом мешке. Когда я подобрал автомат ППШ, то всегда стрелял короткими очередями и у меня в запасе было еще два полностью заряженных диска. Во время боя лица солдат сильно искажаются злобой, отчаянием и стрессовой ситуацией. Впервые услышал ругательство старого солдата «В Босфор и Дарданеллы».

Опытные пехотные фронтовики-окопники считали самым важным в бою умение взаимной огневой поддержки. Одни перебегают, другие поддерживают их огнем, уничтожая или «прижимая» противника, делая это попеременно.

Тактику дружной штыковой атаки на большом расстоянии от противника, так воспеваемую нашими кинематографистами и СМИ, считали абсолютно вредной и полезной только нашим врагам. Времена Александра Македонского, когда воевали пиками и мечами, давно прошли. Выражение Александра Суворова о том, что «пуля дура, а штык молодец», тоже устарело. Тогда не было автоматического оружия. Ружья заряжались шомполом с

переднего конца ствола очень медленно. Но и тогда существовала система огневой поддержки. У солдат даже была присказка «Пуля знает, пуля найдет, пуля догонит».

Время перезарядки оружия очень опасное. Ты перестаешь на несколько секунд контролировать обстановку.

Мы продолжали наступать и перерезали дорогу Невель–Перевоз. Какие все же мы еще дети – пацаны. Борька Иванов во время минометного обстрела влез на дерево и, конечно, погиб. Ему влезло в голову, что осколки мины летят только вдоль земли и секут траву, образуя своеобразную воронку-розетку. Он мне как-то говорил об этом. Я ему пробовал объяснить, что осколки летят во все стороны, но след оставляют только на земле. Я этому разговору не придавал особого значения, а он «проэкспериментировал».

Другой солдат в бою закрыл фрицевскую гранату каской, сам лег на нее и погиб. А ведь мог схватить эту гранату и бросить обратно. Немецкие гранаты со взрывателем натяжного действия и длинной деревянной рукояткой легко схватить. Тем более, что время от броска до взрыва у немец-

ких гранат почти в два раза больше, чем у наших гранат. Так что мог бы и успеть. Такие случаи бывали часто.

В другом бою мы продвигались вперед ползком и короткими перебежками. Наши артиллеристы плохо поработали, а немцы хорошо замаскировали свои огневые точки.

С их стороны был очень сильный пулеметный и ружейный огонь. Немцы регулярно применяли разрывные пули. Обычно они заряжали пулеметные ленты смешанными патронами. При стрельбе по кустам, в лесу и населенном пункте разрывные пули создавали сильный устрашающий треск. А обычные пули летели дальше и находили свою цель.

Ранение разрывной пулей было очень тяжелым. Мы разрывные пули не использовали.

Состояние стрессовое. Я перебегал, как затравленный зверек, и не мог ничего понять. Вдруг меня за ногу задернул в глубокую воронку Турыч и сказал довольно спокойным голосом: «Куда бежишь, разве не видишь, что все отбегались, атака захлебнулась, лежи и не дрыгайся, отлежимся и решим, что делать дальше». Я сгоряча еще немного загоношился. А он спокойно снял с меня пилотку,

надел ее на палку и приподнял немного выше воронки. И тут же специфический щелчок – и в пилотке дырка от снайперского выстрела. Для меня опять наука и опять элемент везучести. Вывод: к противнику надо относиться очень серьезно. За любое разгильдяйство – расплата жизнью.

Свои нас не тревожили. Мы дождались вечера и по темноте ползком вернулись в свои окопы. В них уже сидели солдаты из другого батальона, наших было мало. Взводный погиб. Командира роты тяжело ранило. Фашистские снайперы особенно старательно охотятся за офицерами. Этот очередной командир взвода перед боем пошутил. «Всего один хороший прыжок – и часы с зажигалками наши». Шутка не удалась. Вообще на переднем крае в пехоте не до трофеев.

Нас оставили в этом батальоне, и мы снова продолжали наступать. Бои начинали в ночное время. Чтобы выдерживать правильное направление, сзади нас в створе разжигали два костра. Мы оглядывались назад и так ориентировались, пока не рассветало. Нам было тяжело, а фашистам еще хуже. Эти бои входили в операцию Витебско-Полоцкого направления. Бои считались местного значения с

целью продвижения вперед для освобождения некоторых населенных пунктов в Псковской области и Белоруссии и отвлечения войск противника с других фронтов. Вскоре меня контузило.

Мы двигались перебежками в сторону фашистов. Снаряд разорвался сзади меня. Я этого ничего не слышал. Просто я потерял сознание, когда меня ударило взрывной волной.

Как потом мне рассказали солдаты из нашего взвода, они видели, как разорвался снаряд и посекало осколками всех, кто бежал сзади, и как меня подбросило. Решили, что я погиб. Оказывается, можно так просто и без всякого страха погибнуть. Подобрали санитары, а могли и пройти мимо. Принесли в санроту, привели в сознание, но голова сильно болела, и почти ничего не видел.

Из санроты перевезли в 456-й отдельный медицинский батальон нашей дивизии. Длинная брезентовая палатка с печкой. Посередине проход, а слева и справа продольно по обе стороны две жерди лежат на столбиках. На жердях поперек – носилки. На них раненые и контуженные. Есть еще медперсонал: врачи, медсестры, медбратья, санитары и команда выздоравливающих в отдельной палатке.

Делают уколы, дают таблетки, поят отваром из сосновой хвои. Быстро иду на поправку. Кормят хорошо, а у кого хороший аппетит, дают добавку. Через три дня выписали в команду выздоравливающих. В ней все работают – служат. Кто помогает санитарам, кто трудится на кухне, некоторые стоят на постах, а меня как плохо видящего посадили на телефонную трубку. Тяжело раненных отправляют в тыловые госпитали. Легко раненных лечат на месте, если есть свободные места.

Команда выздоравливающих – это еще и «курсы повышения квалификации». Интересно, что раненые в успешном бою выздоравливают быстрее, а раненые в тяжелом бою долго болеют.

В свободное время нас обучают минному делу, как обезвреживать немецкие и наши мины, особенно пакостные «Шпринген минен» – прыгающие мины. Эти мины при срабатывании взрывателя выпрыгивают из земли примерно на метр и взрываются, поражая всех вокруг.

Изучали мы устройство и правила сборки, разборки и использования немецких винтовок, автоматов, пулеметов, минометов и особенно – фаустпатронов. Трофейных фаустпатронов было много.

Стрелять ими можно не только по танкам, но и по любым другим жестким целям, постройкам, машинам.

2. Окончательное снятие блокады Ленинграда. Зима

Через четыре дня меня выписали из медсанбата с освобождением на семь дней от тяжелого труда и направили в отдел кадров нашей дивизии. Кадровики спросили об образовании и определили меня в 822-ю роту связи.

В роте три взвода телефонистов и один взвод радистов. Я попал в первый взвод телефонистов лейтенанта Денисова. Большинству солдат более тридцати лет и трое молодых из нашего пополнения.

Дивизия стоит в обороне, получает пополнение. Меня ознакомили с катушками, проводами, телефонными аппаратами и направили дежурным сменщиком. На порывы пока не посылают. Вся аппаратура мне известна по техникуму и училищу. Разрешили по моей просьбе заниматься с радистами. Большинство из них в радиотехнике не разбираются совсем. Но с рациями на голос управляются

хорошо. Просто других кадров нет. Азбукой Морзе на слух владеют слабо. Радиус действия рации на морзянке примерно в два раза больше, чем на голос. У меня на Морзе получается на «хорошо», но рации очень тяжелые. Так, ротная рация РР-1 весит около 20 кг и имеет размеры с табурет. Если учесть, что радисту надо нести еще карабин или автомат, боеприпасы, флягу, каску, гранаты, котелок, нож, ложку, белье, неприкосновенный пищевой запас и принадлежности для чистки оружия, то я со своими габаритами никак не подхожу под радиогрузчика.

Рация РБ (батальонная) находится на НП командира полка. Она состоит из двух коробок, каждая весит примерно 12 килограммов. Ее радиус действия больше, чем РР-1. К ней прилагаются в запас аккумулятор низкого напряжения, батарея анодная сухая (БАС), радиолампы и мелкие запасные детали. Общий вес приличный. Мне поручали иногда подменять радистов.

Кто-то из больших военных сказал, что связь есть нерв армии, без связи нет и не может быть четкого управления войсками. Это я почувствовал сразу, как только прибыл в роту связи. Железная

дисциплина. Телефонная трубка все время на веревочке висит на ухе телефониста. Он не имеет права ее оставить даже на одну минуту, не подменившись. На порыв бежит сменщик. Второй телефонист – на трубке.

Начались новые наступательные бои. Мы успешно продвигаемся с боями вдоль железной дороги Москва–Рига. Сильные морозы. Глубокий снег. В дивизии сформирован лыжный батальон. В полках – лыжные роты. Мы тоже используем лыжи. Пригодился наш сибирский опыт.

Во время атаки я бегу рядом с командиром роты и разматываю кабель. Кругом дикая стрельба и бой в передней линии немецких окопов. Некоторые солдаты уже проскочили эти окопы и бегут ко второй траншее. А там появились новые пулеметные гнезда. Ротный требует связь. Подключаю аппарат и даю ему трубку.

А рядом двое санитаров помогают солдату, подорвавшемуся на не обнаруженной саперами немецкой mine. Солдату оторвало пятку, а часть ступни цела и болтается на сухожилиях. Ему дают стакан спирта, прикладывают это все к оставшейся ноге, забинтовывают и накладывают жгут. Кладут

на носилки, а он запеваёт «Катюшу» каким-то очень странным стрессовым голосом! Его такого и понесли с песней. Это пение мне иногда снится, когда я начинаю прихварывать.

Командир роты запросил огня, и мы снова бежим вперед. На Новый год «перерезали» шоссе-ную дорогу Невель–Пустошка. Продвигаемся медленно, освобождая в основном места, где были населенные пункты. Фашисты, отступая, сжигают все, а население, которое не сумело спрятаться где-нибудь в лесах и болотах, угоняют с собой и заставляют строить линии обороны.

По сравнению с фашистами мы одеты очень хорошо – по-сибирски. Обуты в валенки, одеты в телогрейки и ватные брюки, шапки-ушанки, шинели, теплое белье, рукавицы. К рукавицам мы сразу привязали веревочки и продели через рукава, как в детском саду. Потерять в бою рукавицу очень просто, а потом наверняка обморозишь руки. Никто тебе других рукавиц не даст. Для начала – на двоих одна плащпалатка. Со временем своими плащпалатками обзавелись все. А фашисты мерзнут, особенно военнопленные, пока их не отправят в тыл. Представители «парадных» войск из Румынии,

Италии, Испании, Бельгии, Голландии, Польши, Венгрии, Прибалтики и других стран, которые прибыли в свое время под Москву для участия в фашистском параде победы, быстро скисли, пускали сопли, слюни и даже плакали.

Пленные немцы вели себя по-разному. Одни вопили надрывно «Кальт!» (холодно), пытаясь нас разжалобить. А что было делать нам? Ведь дома у нас они сожгли. Снять с себя шинель и отдать фрицу? Как тогда быть самому? Они ведь хорошо знали, зачем пришли к нам и зачем учили русский язык. Единственное, что мы могли сделать, это быстрее отправить их в тыл.

Другие вели себя очень агрессивно и нагло, называли нас русомонголами, полумонголами, дикарями и русскими свиньями «Русиш швайн». Кричали, что они под Москвой, а не мы под Берлином. И как только победят, то сдерут с нас шкуры и обтянут ими барабаны. Запугивали нас новым оружием, союзом с Англией и Америкой. Говорили они на ломаном русском языке. А зачем они его учили? Чтобы стать колонистами-рабовладельцами.

Особенно мне запомнился один случай с пленным летчиком. Он «свалился» к нам из подбитого

бомбардировщика, летавшего бомбить Москву. Высокого воинского звания, весь в орденах, он потребовал на русском языке доставить к нему нашего генерала. Некоторые солдаты пытались с него снять унты и подраздеть его. Наш ротный пресек эти попытки. Позвонили в штаб. Срочно пришел приказ беречь его под страхом расстрела. Нам объяснили, что такой «язык» бывает очень редко. Обычно наши разведчики добывают какого-нибудь ефрейтора, и то не с одной попытки и не без потерь.

Буквально через полчаса приехала машина с командой «Смерш». Нас поблагодарили, его увезли. Больше мы о нем ничего не слышали.

При любой наступательной операции мы захватываем окопы передней линии обороны фашистов и преследуем отступающих до очередного оборонительного рубежа, пытаясь захватить его с хода. Если мы встречаем очень сильный огонь, то приходится залегать в снег и отползать в «мертвую» зону под высотку, где немецкие пули летят выше нас. Ночью командиры решат, отойти ли нам подальше или ждать утренней артподготовки и снова наступать. Спать одному в снегу нельзя, обязательно замерзнешь. Костер разжечь тоже нельзя.

Иногда зимой наступала оттепель и шел дождь. Вся одежда намокала, а потом наступали морозы, и шинели и плащпалатки замерзали и торчали коробом. Приходилось их топтать ногами. Какой бы суровой ни была природа, солдату надо было есть, отдыхать и спать. Кормили нас в боевой обстановке, поздно вечером и рано утром, доставляя теплую пищу в термосах. Первое и второе заливалось вместе в котелок. Потом наливался чай, а котелок заодно и мылся. Ложку всегда вылизывали и прятали за обмотку или голенище. Если была возможность, то во фляжки тоже заливали чай и флягу держали «за пазухой».

Для сна пользовались подсказкой природы для Севера и Сибири. Вся местная живность от холода прячется в снег. Так поступают волки, лисы, песцы, глухари, лоси, собаки и северные народы, старатели и птицы. Снег разрывается до травы, настилаются ветки, трава или камыш. Лучше всего это делать втроем. Можно и по другому варианту. Стеляется плащпалатка и одна шинель. Все ложатся на один бок очень плотно, «ложка в ложку», закрываются другими шинелями и плащпалатками и спят часа два-три. Просыпаются, поворачиваются по

команде на другой бок, а среднего – нагретшегося – отправляют на край. Индивидуалисты, желающие спать в гордом одиночестве, либо сильно обмороживались, либо вовсе замерзали.

Если все же приходилось спать одному, то надо было контролировать себя во сне и вовремя проснуться. Перед окончательным замерзанием вдруг становится очень тепло и приятно. Это предельное состояние. Просыпаешься «в тепле», но через мгновение чувствуешь сильнейший озноб, почти обмороженные руки и ноги.

Надо немедленно встать и прыгать, если позволяет обстановка. В крайнем случае, надо лежа усиленно двигаться, пока не согреешься. Ни в коем случае не пить спирт. Если можно разжечь костер, то надо срочно закипятить воду, набросать в нее веточек смородины, шиповника или хвои и пить горячий «чай».

Частенько в середине ночи звонят из штаба и спрашивают, почему мы не стреляем и не выполняем приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина – не давать врагам ни минуты покоя ни днем ни ночью. Иногда этот приказ идет под визг подвыпивших штабных девиц. Но приказ надо выпол-

нять, хотя так необходимо поспать, отдохнуть и набраться сил перед очередным боем. Поднимаемся, стреляем по пустым немецким траншеям и получаем в ответ минометный налет, который редко бывал без наших потерь. А фрицам хоть бы что. К сожалению, и так можно было трактовать и исполнять приказы свыше.

Особенно часто замерзали тяжелораненые. Во время очередного наступления в помощь нашему полку дали две роты автоматчиков, подчиненных непосредственно какому-то большому начальнику. Ночью они заняли позицию в заснеженном овраге. Когда рассвело, то роты оказались на виду у фашистов, которые воспользовались случаем и стали их усиленно обстреливать из минометов, артиллерии и пулеметов. Наш командир полка пытался их вывести из этой убийственной зоны обстрела, но командиры рот не подчинялись, ожидая команды от своего высшего начальника. А такой команды не последовало. О них, по-видимому, забыли.

Пока созванивались и выясняли отношения большие начальники, роты несли тяжелые потери. Только поздно вечером, по темноте, оставшиеся в

живых выползли к нам. Большинство раненых замерзли.

Зимой к убитым и замерзшим относишься как-то спокойно, привыкаешь! Лежат себе в разных позах и все! А летом плохо, особенно в жаркую погоду. На нейтральной полосе лежат убитые и быстро разбухают и разлагаются. То же происходит с лошадьми и другими животными. При западном ветре до наших окопов доносится очень тяжелый запах трупов, да и их вид сильно угнетает. Хорошо, если противник не СС, а обычные немецкие части. С ними можно договориться и одновременно собрать трупы своих убитых, вынести раненых и даже набрать воды из «нейтрального» колодца или ручейка.

Обычно мы или фрицы кричали «кранк, тодт, вассер» и вывешивали санитарный флажок. Немцы поступали так же. Пулеметчики и снайперы оставались на местах. А санитарные группы занимались своими траурными делами. Ходили рядом с фрицами и видели в них тоже скорбящих людей. Взаимная злоба на время затухала.

Не похоронить убитых и не вынести тяжело раненных грозит какой-нибудь эпидемией. Да и с мо-

ральной точки зрения – подло. Ведь так же могут поступить с тобой.

Вот мародеров ненавидели и мы, и немцы. И если замечали на нейтралке такового, то открывали по нему огонь с обеих сторон.

К сожалению, иногда у нас или фрицев находился какой-нибудь оголтелый и начинал стрелять. Тогда все равно санитарное мероприятие проводилось ночью.

Зимой, конечно, лучше всего сделать землянку, но для этого надо время, стройматериалы и тихое поведение противника. Рыть зимой глинистую землю очень трудно. Турыч научил нас делать это с «подбоем», по методу старателей. Оказывается, в любом грунте есть прожилки из песка и мелких камушков. Надо только киркой или лопатой разрыть прожилки, а потом отвалить вниз целый комок. Эти тонкости старателей-золотоискателей нам оченьгодились. Ведь копать за войну пришлось десятки тонн земли.

Потери в пехоте всегда большие. В роте связи – поменьше. Особенности поведения телефониста заключаются в том, что на любом командном пункте с телефонным аппаратом два связиста.

Один дежурит на аппарате, не снимая трубку с уха ни на секунду. Второй отдыхает до обрыва кабеля и бежит на порыв. Чем сильнее огонь противника, тем чаще обрывается кабель. В случае частых обрывов на порыв бегают попеременно. Это неписанный закон.

У телефонистов не было кусачек, плоскогубцев, пассатижей, бокорезов. Вся работа по зачистке и соединению кабеля приходилось делать ножом, зубами и руками.

Если пехотинец действует с отделением, взводом и т. д., то телефонист под любым огнем должен один восстанавливать связь и действовать обязательно очень быстро. Проволочная связь крайне необходима командирам. Без связи легко проиграть весь бой и погубить много людей. Вот почему недобросовестных связистов переводят в пехоту. Радиосвязь можно включать только в движении. Если наблюдательный пункт находится на одном месте, то рация легко пеленгуется противником и тут же наступает возмездие за разгильдяйство в виде арналета.

Вот почему опытные командиры включали рации только в очень трудных случаях или в походе.

А телефонист должен обладать железной самодисциплиной и не отсиживаться в воронке или окопе.

Основные наши обязанности заключались в обеспечении связью командиров рот и батальонов с наблюдательным пунктом полка, который находился на расстоянии 300–400 метров от передовых окопов. Командные пункты рот и батальонов, как правило, размещались на «голосовом» расстоянии от траншей. Поэтому телефонный кабель проложен в зоне прямого ружейно-пулеметного огня и весь или частично находится под обстрелом противника. И только самый ленивый фриц не стреляет по телефонисту. Тем более, что задача солдата и снайпера в любой армии заключается в выведении из строя офицеров, наиболее активных солдат и тех, кто по какому-то заданию бежит в тыл – это связисты, санитары, саперы, связные.

Такие пулеопасные места я пробегал зигзагами, учитывая, что у стрелка-правши поводка влево быстрее и глубже, чем вправо. Поэтому я убегал вначале влево, а после трех-четырех прыжков круто рывком уходил вправо и, сделав несколько прыжков, падал в какое-нибудь укрытие или ямку.

Пули щелкали слева – по-видимому, это одна из причин, которая помогла мне остаться живым.

После очередных потерь в роте меня перевели во второй взвод лейтенанта Данилова. Лейтенант Денисов был ранен. Пуля прошла навывлет через грудь. Его отправили в очень тяжелом состоянии в госпиталь. Каково же было наше удивление, когда через двадцать дней мы его увидели абсолютно здоровым. Он вернулся к своим прежним обязанностям.

Во втором взводе были Туров и Козвонин. Их вернули в роту связи после очередного взрослого пополнения в пехоте. Они опять взяли шефство надо мной, и мы часто обслуживали одну линию связи.

Лейтенант Данилов был кадровым командиром РККА, но из-за ревности застрелил свою неверную жену и получил десять лет. Тогда это был самый большой срок заключения. Выше – расстрел. Отсидел восемь лет и был выпущен в связи с войной. Командовал нами хорошо, но любил выпить. Лишний раз на передний край не лез. Бóльшую часть времени проводил при штабе, т. е. там, где ему и положено быть.

Мой новый взвод обслуживал связью 1255-й стрелковый полк. Мы, телефонисты, в полку подчи-

нялись непосредственно капитану Колотовкину Евгению Михайловичу. Командиру полка Алексею Ивановичу Морозову недавно присвоили звание майора. Он выдвинулся из лейтенантов во время контрудара под Москвой и прорыва блокады под Ленинградом и Тихвином и был самым молодым и везучим командиром полка.

Он родился в 1920 году и был моложе многих наших солдат и офицеров. Пользовался большим авторитетом, был талантливым самородком, умеющим все время навязывать фрицам какие-нибудь свои условия боя. У опытных солдат была поговорка: « На свете нет ничего лучше хорошего командира и нет ничего хуже плохого командира». А хороший командир – это умелый, грамотный, строгий, везучий и обязательно справедливый.

Когда в полку оставалось мало боевых штыков, он вместе с нами был в болотах и окопах. Правда, он не бегал впереди нас в атаку, как нам показывают в кино. Его задача – управлять боем, а не исполнять обязанности рядового пехотинца. Он часто использовал лыжников. Большинство атак проводилось ночью под утро, а предварительно в тыл врага заходили взвод или рота лыжников, которые

успешно использовали карманную артиллерию – гранаты и автоматическое оружие. Перед Новым годом мы шли ночью на передний край с новым пехотным командиром взвода. Фашисты все время бросают осветительные ракеты, а нам приходится ложиться. Но когда одна ракета уже потухла, а вторая летела вверх, еще не зажглась, мы делали перебежку. Вдруг рядом взрыв. Взводный наступил на мину и ему оторвало переднюю часть ступни. А я пробежал благополучно. Это было наше минное поле, которое поставили на нейтралке, но мы продвинулись вперед и оно оказалось сзади наших окопов.

Притащил взводного в землянку и позвал санитаров. На Новый год мы после смены зашли в землянку к артиллеристам. Они нас очень радушно встретили: «Пехота, садись и грейся». Угостили немного спиртиком. Нам их жизнь показалась раем. Расположены примерно в трехстах метрах от передовой. Орудие с одним часовым на бугорке в замаскированном капонире, а весь расчет в землянке отдыхает. Но это так в спокойной обстановке. В бою им не легче, ведь они нас поддерживают и сопровождают огнем.

Один артиллерист под гитару на мотив «Брызги шампанского» пел самодельную песню. К сожалению, я запомнил только один куплет.

Новый год. Москва во мраке спит,
А я по пояс в снегу обледенел.
Сплошные выстрелы, «Катюша» вновь гремит.
Над головой снаряд немецкий пролетел.

Обычно в свободной обстановке на отдыхе или переформировке мы пели часто наши советские патриотические песни: «Синий платочек», «На рейде большом», «Темная ночь», «Выстрел грянет», «Летит стальная эскадрилья», «Редко, друзья, нам встречаться приходится», «Я по свету немало хаживал», «Артиллеристы, Сталин дал приказ» и многие другие.

Но иногда нас, как волка, тянуло на заунывные «самодельные» фронтовые песни, щемящие душу:

А для меня окоп сырой,
Загонят где-то в оборону.
Сольют с народом – штрафным взводом,
Там пуля ждет давно меня...

Или ...Солнце всходит и заходит,
А войны конца все нет.

Дни тяжелые проходят
Залился кровью белый свет...

На войну уж провозжают,
Лет семнадцать паренька.
Край родимый покидает
Он, конечно, навсегда.

Ему раны перевяжут
его верные друзья
и дадут воды напиться,
только взять с собой нельзя.

И оставят на нейтралке
в чистом поле умирать,
и напрасно ожидает
его домой родная мать...

Или Ты грустишь о тех днях,
Когда пять дураков
На свидание шли к тебе сами.
А теперь за одним ты бежишь по пятам
И напрасно стреляешь глазами.
Еще годик войны, и не станет мужчин,
Их осталось совсем уже мало.
И на тысячу женщин он будет один,
Хотя б ты и десяток желала...

Обычно такой концерт мы заканчивали бодрыми маршевыми песнями артиллеристов или защит-

ников Москвы. Но такие минуты бывали не часто. Да и знаменитые артисты у нас почему-то ни разу не бывали.

Иногда наши агитаторы через громкоговорители проводили свои сеансы с музыкой и речами антифашистов. Бросали листовки с самолетов. То же делали и фашисты. По-моему, эффект был нулевой в обоих случаях.

Вот когда мы стали фашистов громить в Польше и Германии, то и листовки наши «заработали». А из фашистских листовок получались приличные самокрутки.

Первого января мы готовились к очередному наступлению. В два часа ночи после артиллерийской подготовки и залпа «Катюш» пошли в атаку. Перерезали шоссе Невель–Пустошка и медленно продвигались в сторону железнодорожного узла Маево. Освобождали совершенно разрушенные и сожженные населенные пункты. Все это называлось боями местного значения.

Когда провод по каким-либо причинам оказывался длиннее трехсот метров, особенно если он был уложен в некоторых местах вдоль траншей, приходилось устанавливать промежуточную теле-

фонную точку. Один раз мне пришлось обслуживать такую точку.

Нас было трое: Турыч, я и еще один взрослый телефонист. Мы находились в сосновом бору, разрыли снег, набросали веток, сделали кóзлы и накрыли плащпалатками.

Из железного ящика от немецких противотанковых мин соорудили печь. В качестве трубы использовали тубус от снарядов. Туров наломал смолистых дров от старых пней. Разожгли печь, хорошо согрелись и вскипятили чаю с заваркой от верхних веточек смородины. Двое спали, а один дежурил на трубке.

Ближе к утру печь сильно разгорелась. Верх печи и труба сильно нагрелись и наша «палатка» вспыхнула факелом. Начали гореть и наши вещмешки с патронами и гранатами. Кое-как их потушили, но сами остались под открытым небом.

Решили срочно сделать маленькую землянку. В лесу около болота земля сильно не замерзает, поэтому копали яму размером два на два метра быстро, попеременно. Двое копают, а один дежурит на аппарате.

Нарубили жердей и веток, накрыли верх – хотели утеплить потолок шинелями с убитых фрицев, но они оказались все в крови. Здесь было много побитых фашистов и всякой мелкой техники. Похоже, что хорошо поработали штурмовики.

Пришлось «косить» камыш на соседнем болоте. Термин «косить» вполне оправдан, так как осенью, когда болото замерзает, в каждой камышинке образуется мениск замерзшей воды. Зимой уровень болота оседает и камыш у основания легко сламывается вместе со льдом, находящимся внутри камыша. Достаточно взять палку и «косить».

Только сделали землянку и хотели затопить печь, как началась наша артподготовка. Пехота пошла вперед, а мы вместе с ней. Копать окопы, траншеи и землянки приходилось все время. И очень часто только закончишь работу, как поступает команда вперед. Но для самосохранения и надежности это делать надо было обязательно.

Перед станцией Маево фрицы подожгли наш танк Т-34. Вся башня и лобовая часть «изъедены» бронебойно-зажигательными снарядами. Танк горит снаружи и изнутри. Танкист пытался вылезти через люк башни, высунулся до середины и умер.

Мы, пацаны, подбежали ближе к танку и хотели как-то помочь танкисту. Но подошли «старрики» и сказали, что этому экипажу уже не помочь, в танке боекомплект и он вот-вот взорвется.

Нас быстренько отогнали и буквально через несколько минут танк рвануло. Видимо, у «стариков» было какое-то чутье или большой фронтовой опыт на опасность такого рода.

Надо особенно отметить, что наши танки Т-34 очень красивые, обтекаемые, гордые, как-то устрашающие, маневренные и скороходные, их могли остановить только выстрелы в борт, сзади и по гусеницам. Даже в подбитом состоянии они выглядели, как непобежденные гладиаторы в шрамах на лице – башне и груди. Нам рассказывали, что из трех подбитых танков наши фронтовые технари восстанавливали один, а то и два танка. Броня наших танков вязкая. Фашистские танки туполобые, неуклюжие. При попадании снаряда броня трескается. А на наших – вмятина или же отверстие.

После очередного отдыха в обороне и пополнения начали наступать строго на север в направлении Пскова. Это была Ленинградско-Новгородская операция по окончательному снятию блокады Ле-

нинграда. Мы продвигались по диким заболоченным местам, где-то между Опочкой и Новоржевом, угрожая тылам противника и окружением всей немецкой группировки, сосредоточенной под Ленинградом, Тихвином и Новгородом. Широко использовались лыжные сибирские и уральские батальоны. Орудия и пулеметы тоже ставили на лыжи. Некоторые грузы везли в специальных легких корытах с обледелым снизу дном. Хуже было лошадям. В нашем взводе было две упряжки с лошадьми. В одной был мерин Вороной, в другой кобыла Сивая. Обе лошади были сильные, выносливые и трудолюбивые, хотя и имели ранения. Зимой их запрягали в розвальни, на которых перевозили катушки кабеля, телефонные аппараты, противогазы и другое взводное имущество.

В случае обстрелов или бомбежки лошади стояли спокойно, видимо, уже привыкли к этому грохоту, но только мышцы мелко вибрировали, выдавая волнение.

К лошадям были прикреплены солдаты-ездовые: к Вороному – Хлебников, к Сивой – Сивков. Им было под пятьдесят. Хлебников заодно был вроде ординарца у Данилова и иногда забирал у нас

спирт и курево «для лейтенанта». Сивков был добродушным и спокойным, в молодости он отслужил срочную в кавалерии. При больших переходах мы двигались вместе с обозом. При малых передвижениях или в болотах и по грязи нам приходилось таскать катушки и аппараты на себе. Да плюс еще все свое боевое снаряжение. Иногда и лошадей приходилось вытаскивать из снега или болота. Наши солдаты оказывались сильнее лошадей.

С ближними тыловыми службами часто бывали всякие недоразумения. То не подвезут боеприпасы, то пищу. Пехотинцы все время предъявляли к ним претензии, считая, что только они и воюют. Обзывали их тыловиками и еще хуже, зачастую не учитывая, что тыловики тоже находятся под огнем противника и несут потери. Да и главное, можно ли вообще существовать, а тем более воевать окопникам без тыловых служб.

Продвигались медленно, встречая ожесточенное сопротивление на каждой высотке. Нас хорошо поддерживали штурмовики – Ил-2 – эти летающие танки, а вот танков и истребителей было мало. Обычно под утро была артподготовка, брали очередную высотку, продвигались вперед, натал-

кивались на очередные укрепленные позиции фашистов, пытались их взять сходу. Иногда это получалось, но не всегда. Останавливались, зарывались в снег и ждали, когда подтянутся тылы и главное – артиллерия. И так каждый день. Ночью лыжники заходят в тыл укреплений, артподготовка, одновременная атака с фронта и тыла и опять вперед.

Иногда мы видели в работе аэросани. Они использовались во вспомогательных службах для подвоза боеприпасов, пищи и литературы. Эвакуировали раненых, доставляли донесения. Служили верой и правдой, но их было очень мало.

Один солдат, прибывший из тылового госпиталя, рассказал, что когда он воевал в районе Котласа, к ним прибыл дивизион аэросаней, который себя хорошо зарекомендовал в различных тыловых мероприятиях. Потом его стали тренировать для операции, связанной с прорывом дивизиона аэросаней с десантом в тылы врага.

Тренировки проводились на открытой местности со сравнительно твердым снегом и при небольшой нагрузке. Все было хорошо: и большая скорость, и внезапность, и десант.

В начале операции дивизион аэросаней хорошо догрузили запасом боеприпасов, горючего и скрытно сосредоточили в овраге. Естественное желание взять в рейд как можно больше сильно перегрузило аэросани.

После артподготовки аэросани пошли вперед по низине оврага и стали разворачиваться на рыхлом глубоком снегу, потеряли скорость и были почти в упор расстреляны фашистами. Операция провалилась. Обвинили в трусости и неумении первые экипажи.

К сожалению, высокие общевойсковые и даже танковые начальники не могли знать особенностей движения лыжных аэросаней по глубокому рыхлому снегу. А дело в том, что четырехлыжные аэросани при движении по прямой образуют две колеи, а при развороте – четыре. При этом сопротивление движению резко возрастает, а скорость движения уменьшается, и лыжи еще глубже проседают. Если сила тяги воздушного винта ограничена, то сани могут остановиться и застрять в снегу. Что и произошло.

Среди организаторов этой операции не было гляциолога – специалиста в области льда и снега, и

хорошая задумка не осуществилась. В 1993 году я подготовил для моего научного руководителя контр-адмирала Г.С. Мигиренко справку по этому вопросу с целью реабилитации пострадавших. Георгий Сергеевич направил в Генеральный штаб рапорт. Но началась перестройка, развал, и мы ответа не получили.

А фашисты боялись применения наших аэросаней в боевых условиях и когда узнали, что в семнадцатом конвое из Англии есть транспорт с аэросанями из Канады, то в первую очередь его и потопили. Это было очень выгодно фашистам, да и английскому руководству.

Мы описали прошлую ситуацию и предложили принять на вооружение для вспомогательных целей в Сибири и на Севере аэросани-амфибии по нашим авторским свидетельствам № 279358 от 25.11.66 г., № 17272 33/27 от 20.12.71 г. и № 18323 от 17.01.84 г. УГА на промышленный образец.

После Сталинградского «котла» фашисты очень боялись попасть в большое или малое окружение. Поэтому оказывали нам очень сильное сопротивление и откатывались от Ленинградских фронтов довольно поспешно.

Не всегда удавалось вырыть хороший окоп, а тем более построить землянку. Приходилось зарываться в снег. Питались зачастую сухими продуктами из НЗ или мясом убитых и тяжелораненых лошадей, трофейными галетами и тем, что могли найти в спаленных деревнях. В сожженных деревнях оставались подполья, погреба и ямы с картошкой и овощами, а местное население фашисты угоняли с собой. Поэтому достаточно было взять щупштык или шомпол и проверить, где грунт был прокопан. Мы брали немного овощей и снова яму засыпали. Один раз Козвонин принес из деревни сноп бобов.

Быстро его ошелушили и поставили варить. Варили часа три. Мы с Турычем поели немного. Бобы оказались твердыми. А Козвонин постарался – приналег. У него начались сильные боли в животе, он катался, стонал, а мы ему ничем не могли помочь, чуть не помер. С тех пор фасоль, бобы и горох вначале отмачиваю часов десять, а уже потом кипячу минут пять-десять.

Наша угроза тылам и фронтальные удары Ленинградского фронта заставляли фашистов быстро отступать. К первому марта 1944 года Ленинград-

ско-Новгородская операция успешно завершилась полным освобождением Ленинградской и Новгородской областей и окончательным снятием блокады Ленинграда. В этом была маленькая частичка нашего ратного труда.

3. Освобождение Белоруссии и Прибалтики. Лето, осень

После длительного перехода мы опять оказались около станции Маево. Вошли по-прежнему в составе 3-й ударной армии. Заняли немецкие землянки и окопы с северной стороны высоты примерно в двух-двух с половиной километрах от высокой насыпи станции Маево. Занятые нами землянки расположены входами к фашистам, которые бьют по нас прямой наводкой. Некоторые землянки уже разбиты, но нам больше никуда нельзя перемещаться – впереди до самой насыпи болото.

Нас готовят к взятию Маево, но это огромное болото обстреливается перекрестным огнем из всего оружия. Направить в тыл лыжников нельзя, с северной стороны Маево такое же болото. На станции два бронепоезда в движении, а на платформах

крупнокалиберные орудия фирмы «Круппа». Их называют Бертами и Дорами. Станцию обороняют немцы и власовцы.

Мы с Васей Гагаем обслуживаем связью наблюдательный пункт полка. НП находится тоже в немецкой землянке. Кабель идет прямо вверх – в открытую, через высотку, которая непрерывно обстреливается, в том числе и батареей шестиствольных минометов. Провод часто рвется. Бегаем попеременно на порывы, сильно устали. А у фашистов, видимо, очень много боеприпасов – снарядов, мин, и они их не жалеют.

В середине дня Вася побежал на очередной порыв и минут через десять не включился. Нам пока везло – землянка была целая и мы при порыве вовремя успевали запрыгивать в свежие глубокие воронки.

Я попросил легко раненного солдата посидеть «на трубке». Он все равно ждал вечера, чтобы уйти в санроту, а я побежал по проводу. На обратной стороне высотки в воронке лежал Вася. Он во время обстрела прыгнул в воронку, как мы это всегда делали, считая, что два снаряда в одну воронку не попадают. Но это неписанное правило

действовало в прежних войнах, когда было мало артиллерии. Но, в виде исключения, второй снаряд попал в край старой воронки прямо в ноги Василия и их оторвало. Василий был мертв. Крышка телефонного аппарата сорвана, но аппарат работал. Я соединил провод, наладил связь и доложил обо всем взводному. Он сказал, что пришлет замену. Примерно через час перебежками появился Туров. А я за это время трижды соединял новые порывы кабеля.

Вася Галай был высоким, худощавым и очень опытным «стариком». Надо отметить, что в пехоте толстых и жирных просто не могло быть из-за огромных физических и психических перегрузок. По телефону Вася говорил на белорусском наречии: «Я тибя слушаю». Всегда спокойный и невозмутимый, он и на этот раз все сделал правильно. Но, видимо, такова судьба.

Как нам казалось, у фашистов всегда много боеприпасов и они стреляют из всех видов оружия. Но особенно нас донимала батарея шестиствольных минометов. Я заметил, что между ее залпами было примерно 10–15 минут на перезарядку. Стреляли они все время по разным площадям.

Был у фашистов так называемый «методический» изнуряющий артиллерийский и минометный обстрел, когда в течение даже нескольких дней они обстреливали наши окопы непрерывно. Солдаты в окопах не могут этому обстрелу сопротивляться. Сидят и ждут прямого попадания. У некоторых нервы не выдерживают. Они выскакивают из окопов и гибнут. Наши артиллеристы такой огонь не вели. У них просто не хватало на это снарядов.

Сказал Турычу, что при очередном обрыве останусь там, на высотке, спрячусь в свежей воронке и после очередного залпа соединю кабель, если его оборвет осколком, и опять спрячусь в новую воронку. Получилось хорошо. Связь быстро восстановилась и работала практически бесперебойно, что очень важно в ходе боя.

Когда нет продвижения НП вперед, то очень опасно включать рацию. Ее быстро запеленгуют фрицы и тут же расстреляют из орудий. Это мы не раз испытывали на себе.

Вечером пришел Козвонин и они вместе с Туровым похоронили Василия в немецком окопе. А я ночью сделал обводную вокруг высотки линию

из трофейного провода. До конца боев связь была надежной.

Станцию Маево мы взять не смогли. Очень сильный огонь и огромное заснеженное болото на совершенно открытой местности не позволили нам приблизиться к станции даже на полкилометра.

К нам на помощь прибыла свежая кадровая дивизия с Дальнего Востока. Все солдаты стройные, красивые, в белых полушубках и маскировочных халатах, в возрасте 22–25 лет. Наш потрепанный полк остался в окопах, а они утром после артподготовки пошли вперед, но были быстро обнаружены фашистами. Многие огневые точки врага не были подавлены и открыли ураганный огонь по наступающим: положили их прямо в болото и расстреливали как хотели, весь день.

Поздно вечером по темноте оставшиеся в живых выползли к нам из этого жуткого болота. А для каких-то ретивых командиров это был очередной урок непродуманного, не обеспеченного артиллерией боя. Сработал принцип «на войне без жертв не бывает».

Нашу дивизию вывели из-под Маево. Мне присвоили звание ефрейтора и представили к медали «За отвагу».

Когда снимал провода и наматывал их на катушку в неопасном месте, около меня метрах в двух разорвалась минометная мина. Весь снег посеколо осколками, а в мою сторону ни одного осколка не прилетело. Это обыкновенная везучесть. Глотку забило копотью и пылью. В голове шум. Я на время обалдел – отключился. Остановился, кое-как откашлялся, погрозил фрицам и сказал: «Гот мит унз» (Бог с нами, что у них написано на каждой ременной пряжке). Фашисты, конечно, моих слов не слышали, но почему-то больше не стреляли. А зачем я это сказал, тоже не знаю.

Отошел в сторону, лег в воронку, окончательно пришел в себя. По-солдатски это называется «тряхнуло», а медики говорят – легкая контузия – ушиб взрывной волной.

Провода мы сняли в срок. Наш полк отвели на новый участок. При переходе на новое место надо было наладить связь с НП полка. Мы шли к переднему краю и смотрели, как лучше проложить провода. Со мной был Миша Микулин из нашего пополнения. А вел нас молодой младший лейтенант – командир пехотного взвода. Он был грузин и, с его слов, большой специалист по женской части.

Мы слушали его рассказы о любовных похождениях, развесив уши.

Впереди была небольшая высотка, по которой немцы вели методический, изматывающий психику минометный огонь. Разрывы были примерно через пять минут. Звуки выстрелов тоже хорошо слышались. Я предупредил об этом взводного и предложил переждать очередной разрыв, а потом пробежать этот опасный участок. Но он назвал меня трусом и приказал нам не останавливаться.

На самой вершине к нам прилетела мина с моей стороны. Мишу убило сразу. Взводному разворотило все его мужские достоинства, а меня в очередной раз только «тряхнуло». Я стал перевязывать взводного, но моего и его пакетов не хватило. Пришлось снимать перевязочный пакет с Миши. А взводный, поняв суть своего ранения, в горячке застрелился. Вот что значит не иметь фронтового опыта! И не понимать опыта обстрелянных солдат!

Через три дня нашу дивизию вывели на отдых и переформировку километрах в двадцати северовосточнее районного центра Пустошка Псковской области. Построили землянки, баню, начали обу-

страиваться и создавать, на всякий случай, окопы и траншеи на западном склоне высоты.

Конец апреля – начало мая. Солнце светит и хорошо греет, но земля еще проморожена глубоко и копать ее трудно. Пригодился метод старателя Турова копать с «подбоем».

Обычно ходим от наших землянок к траншеям по шоссейной дороге, делая большой крюк, опасаясь старых минных полей. Напрямую ходить не решались, так как с восточной стороны высоты были фашистские окопы, а ниже – их минные поля. Зимой устанавливают мины, но их сильно заносит снегом, и тогда сверху еще укладывают новый слой мин, и так несколько раз. Когда же снег начал таять, то там было что-то страшное, что могло быть разминировано только высококвалифицированными саперами, а они ушли вперед.

Наш солдат Бурдин, любитель приключений, решил после работы на траншеях пройти напрямую, нашел проход между минными полями и наткнулся на целый взвод наших убитых солдат. Они наступали еще зимой по снегу. Фашисты их подпустили метров на сорок и залповым огнем из пулеметов и автоматов расстреляли в упор.

Убитые солдаты уже высохли на солнце и лежали в цепи вместе со своим командиром взвода младшим лейтенантом. Зрелище не из приятных, тем более, что их наверняка записали в без вести пропавшие.

Эти солдаты были из нашего полка. Мы их похоронили как положено, в братской могиле, правда не так, как об этом пишут в похоронках и газетах. Документы передали в штаб, каждый из нас думал – хорошо бы мне не так! А как лучше?

Во время боев, а особенно на отдыхе, к нам приходили офицеры-политработники. Рассказывали о боях на других фронтах и у соседей, о союзниках и государственных планах в послевоенное время. Приносили боевые листки, в которых описывался опыт боев отличившихся солдат и офицеров из других подразделений. Был еще блокнот агитатора, а иногда и газеты, но очень редко.

Беседы эти нам нравились, тем более что можно было задавать вопросы и получать уважительные ответы. Частенько там, где обычно собирались пацаны, появлялся с махоркой и разговорами солдат в офицерской фуражке с полевой сумкой и важным апломбом. Его фамилия была Пахорь, но с учетом

его поведения мы его стали называть просто – Хорь. Он на нас сильно сердился и делал кое-какие пакости. Говорил, что он занят очень важной и ответственной работой.

«Старики» нам советовали держаться от него подальше, но мы, добровольцы и сверхпатриоты, его не боялись и относились к нему, как к болтуну. Обычно перед очередным боем он исчезал и снова появлялся только после нового выхода на отдых. Кажется, он служил в каком-то интендантском подразделении.

После вывода нас из-под Маево ко мне подошел наш партгруппорг Козвонин и сказал: «Володька, тебе исполнилось восемнадцать лет, ты грамотный комсомолец, хорошо себя показал в боях, ты уже ефрейтор. Поступай в партию, если останешься жив – должность получишь!»

По своей наивности я не учел его трехклассного образования и жизненного опыта. Кроме того, я считал большой честью быть членом партии, а себя – недостойным и неподготовленным. Мы с большим уважением относились к фронтовым коммунистам. И я сказал Козвонину, что в партию вступают не ради должности, а для великой цели –

победы коммунизма, что я комсомолец и постараюсь заслужить честь быть членом партии.

Козвонин со мной согласился и даже извинился за «должность». На следующий день на партийно-комсомольском собрании подводили итоги боев, обсуждали планы обучения и подготовки к очередным боям. Заодно стали обсуждать мою кандидатуру. Вдруг встал Хорь, закатывает глаза и начинает кричать о бедах в оккупированных районах, растрелянных военнопленных, коммунистах и политработниках. Вспоминает мой разговор с Козвониным о «должностях», все перевирает. Он, оказывается, нас подслушивал. Обвиняет меня в трусости и непонимании задач партии. Требует отвода, обещает доложить в политотдел дивизии, пускает изо рта пену и падает в обморок. Собрание закрыли.

Командиру роты, замполиту и партгруппоргу была «сверху» взбучка. Меня стали называть «А, это тот, который не захотел вступать в партию». А ведь действительно, в то время многие солдаты перед боем писали просьбы считать их в бою коммунистами.

«Старики» тихо возмущались таким поворотом дела. Хорь исчез из нашей роты. Его перевели в

политотдел дивизии с повышением. Я не в обиде на замполитов, мы их уважали. Подавляющее большинство из них проводило огромную работу, приближая Победу. Сами они участвовали в боях на правах политбойцов и командиров.

Мы на отдыхе, точнее на активном отдыхе, перестроившись. Копаем траншеи и окопы, проводим занятия с материальной частью, изучаем и тренируемся в приемах боевого самбо. Но очень важно отмыться, отпариться и избавиться от окопных подлостей.

Баню мы строили «по-черному», но очень серьезно. Рыли яму глубиной метра четыре в виде куба. Стены укрепляли и обкладывали тонкими березками или ольхой. Строили самодельную печь-каменку. Всем взводом находили камни и несли их к бане. Туров и Козвонин колдовали над ними – стучали, нюхали, лизали, подогревали. Выбирали такие, которые бы давали хороший приятный пар. Камни не должны при нагреве взрываться, рассыпаться или же давать неприятный запах.

Парились обычно в шапках-ушанках и рукавицах еловыми вениками. Вшей сжигали над каменной вначале в «контрольном» пакете, т. е. в тря-

почке с 15–20 особями над каменкой. Если после нескольких минут от них оставались только шкурки, то тогда подвешивалось белье и обмундирование. Над каменкой стоял тихий сплошной треск. Если контрольный пакет не срабатывал на сто процентов – приходилось топить печь еще жарче. Перед мытьем смазывались белой, молочного вида дезинфицирующей жидкостью. После парной бросались в снег или воду.

В непрерывных боях обычно находились без бани двадцать или тридцать дней, а когда попадали в баню, то начинался страшный зуд всего тела, особенно в области пояса. Ведь пояс солдата нагружен флягой, лопаткой, подсумками, гранатами, ножом. А портупей, как у офицеров, у солдат не было.

Только после трех-четырёх банных дней тело начинало себя нормально чувствовать. У фрицевшей было еще больше, чем у нас. В их землянках на полу песок шевелился, а таких бань, как мы, они не делали.

Надо отдать должное медикам нашим и немецким. Они не допустили ни одной эпидемической вспышки.

Был у нас во взводе очень умный и с большим жизненным опытом сержант Стряпунин. Крепкий, худощавый на лицо. Но в бане, когда он разделся, у него на животе оказалась складка кожи, как у женщин после родов.

Он под эту складку подкладывал руку, опускал складку вниз или поднимал вверх и затягивал ремнем. На гражданке он был столяром-краснодеревщиком, хорошо зарабатывал и любил вкусно поесть. Многократно лечился от ожирения голоданием и даже делал какую-то операцию, но ничто не помогало.

А на фронте без всяких лекарств и голоданий, при огромных физических и психических нагрузках он похудел более чем на тридцать килограммов. Пропала одышка, исчезли боли в ногах, окреп и помолодел. Всем этим он восхищался.

Вспоминал военкома при призыве, о том, что надо убавить соцнакопление. Единственное, что его немного расстраивало, это медленное сжатие злосчастной складки на животе.

Мы ежедневно ремонтировали телефонные аппараты, кабель и катушки. Дублировали наше имущество трофейным. Я также занимался в груп-

пе радистов, а иногда мне доверяли дежурить на рации, подменяя заболевших.

Пробовали с Турычем добыть рыбы в озере. Сделали плот, взяли противотанковую мину, ввернули запал натяжного действия. Привязали два конца кабеля – один к запалу, а другой к ручке мины. Опустили на дно и дернули за взрывательный кабель. Взрыва не произошло. Еще несколько раз дернули, но все бесполезно. Дальше рисковать не стали. Попытка «порыбачить» не удалась.

Участвуем в совместных учениях пехоты, танкистов, артиллеристов и летчиков для улучшения взаимодействия при взятии высоток и населенных пунктов. К сожалению, бывали случаи, когда пехота возьмет очередной рубеж, а артиллеристы или штурмовики врежут по своим.

Я почувствовал какую-то слабость, начались шум и боли в голове и ушах, поднялась температура. Фельдшер роты решил, что это связано с моими последними встрясками и переутомлением. Дал направление в наш 456-й медсанбат и указал дорогу. Я прошел километра три на восток и обнаружил в лесу санчасть. Смерили температуру, а она 40,5°. Быстренько уложили на носилки в палатке и стали

лечить. Температура через два дня спала, и я обнаружил, что нахожусь в санбате 22-й гвардейской дивизии, который расположен рядом с нашим. А меня бдительные кадровики потеряли. Быстро, с двух сторон, разобрались и перевели меня в наш медсанбат в палату.

Стандартная длинная брезентовая палатка, в середине проход, по краям два ряда жердей на столбиках, и на этих жердях поперек лежат носилки с ранеными и больными. Рядом со мной лежит солдат лет тридцати пяти, его всего страшно корежит. Глаза белые выпученные и ничего не видят, он без сознания. Я быстро заснул, а когда утром проснулся, то моего соседа уже не было.

Мне рассказали, что он симулировал ранение в ногу. Проткнул голень ржавым гвоздем, а в сапог бросил пулю. Но заразился столбняком и помер. Мог бы повоевать и остаться в живых. Видимо, струсил, хотел обхитрить смерть.

Лечит меня молоденькая маленькая добрая женщина-врач, старший лейтенант. Она, как и наша Люба, была выпущена досрочно, но только не из Новосибирского медицинского института. Когда температура стала нормальной, меня перевели в

команду выздоравливающих. Помогал санитарам, таскал котелки, топил печи в палатках, был на подхвате у врачей, сидел на телефоне.

Потом меня направили часовым около землянки начальника снабжения дивизии – полковника с ракообразными выпуклыми глазами и толстыми губами, малоподвижного из-за своего огромного роста и веса.

Всего в дивизии было три полковника: командир дивизии, начальник штаба и главный снабженец. Я их ни разу не видел.

Землянка имеет пять накатов. У полковника адъютант-офицер и солдат-старик – вроде денщика. В землянку никого не пускают без специального разрешения. Сам полковник из землянки ни разу не выходил, все команды отдавал по телефону и все время ел американскую тушенку и колбасу. При каждом звуке самолета его трясло, как осиновый лист. Такого патологического страха я никогда ни у кого не видел. Оказывается, это была реакция на прежнюю контузию во время бомбежки. Особенно меня удивило, когда его кое-как вытащили из землянки, чтобы вручить ему боевой орден Красной звезды. До этого случая я считал, что бое-

выми орденами награждают только за успешные действия непосредственно в бою.

Один раз в землянку полковника свободно вошел наш Хорь. Я удивился, но адъютант объяснил, что это родственник нашего главного снабженца. Вот где «собака зарыта». Вот почему всем моим командирам была взбучка. Видимо, Хорь пожаловался своему родственнику, а тот дал ход этому делу по телефону в политотдел.

Надо отдать должное главному интенданту. Дивизия наша была вполне прилично обеспечена оружием, боеприпасами, продуктами питания и фуражом. И совсем не обязательно ему бегать по окопам и вспомогательным подразделениям. После этой встречи с Хорем меня на этот пост больше не направляли. Врач спрашивала, что я натворил. А я и сам не знал, в чем моя вина. Видимо, пришелся «не ко двору».

Мне удалось в медсанбате даже прочитать английскую книжку в русском переводе о методах работы британской разведки, контрразведки и спецслужб. Эту книжку кто-то подобрал во власовских окопах и оставил в санбате. Очень познавательная книжка о вербовке, засылке и работе спец-

служб. Английская разведка до сих пор является одной из лучших разведок в мире, в чем мы убедились при перестройке.

Всего я лечился в медсанбате около месяца. Подросток, окреп, набрался сил, пока дивизия отдыхала и формировалась.

Врач мне сочувствовала и понимала, куда меня выписывает, но сказала, что пришел приказ об освобождении мест для новых раненых, так как дивизия выходит на передний край. Меня направили в отдел кадров дивизии, а кадровики снова в мою роту связи во взвод лейтенанта Данилова. Он меня попрекнул, почему я не пришел заранее в роту, чтобы на меня сделали заявку. А то могли бы снова направить в пехоту. По-видимому, в связи были нужны опытные телефонисты.

Дивизия все время несла большие потери, особенно в пехоте, и пополнялась за счет подлечившихся раненых, новых маршевых рот, призыва местных мужчин и партизан из освобожденных районов. Все документы оформлял отдел кадров дивизии. Наш полк оказался во втором эшелоне. Мы остановились в стоге сена около одной деревни, в которой сохранилось три дома. Стог сена

укладывается на треугольные кóзлы, чтобы сено не гнило, хорошо проветривалось и высыхало. В сене намного теплее, чем в соломе, особенно если под эту треногу заберется человек пять, да еще с плащпалатками.

Днем мы познакомились с хозяином ближнего дома. Ему около тридцати пяти лет. Участвовал в войне с Финляндией, был ранен и после госпиталя демобилизован по инвалидности. Ближе к вечеру приехали кадровики и всех освобожденных мужчин призвали в армию – в нашу дивизию. Выдали им оружие и прямо в гражданской одежде отправили на передний край. Ночью он отпросился, пришел домой часа на два и снова ушел. А часов в одиннадцать после очередной атаки его сосед привез убитого.

В деревне плач, вой женщин и детей, и нам как-то не по себе. Мы просто привыкли к гибели своих товарищей без всех гражданских плачей и ритуалов. Таких, наспех призванных и не обмундированных, мы называли чернорубашечниками.

Нашему полку придали отдельную штрафную 288-ю роту под командованием капитана Шалимова. Рота располагалась в землянках примерно в ки-

лометре от линии фронта, куда меня и направили после медсанбата для обеспечения связью. Шалимов оказался доброжелательным человеком с прострелянными, но зажившими легкими и приблатненной лексикой. Это его не первая рота. Штрафники такие же солдаты, как и мы. Среди них много бывших хулиганов и мелких воришек. Были и настоящие уголовники.

Но мне запомнился один разжалованный старший лейтенант из Архангельска, где он со своими друзьями украл вагон кожаной английской авиационной формы, загнав вагон в тупик во время бомбежки.

Еще два опытных уголовника сбежали, убили двух солдат и захватили их документы. Была объявлена тревога и поиск. Их задержали на переднем крае в окопах. Они ночью хотели перебежать к фашистам.

Был суд тройки. Их расстреляли. Я на суде не был, меня Турыч специально посадил на дежурство. Турыч рассказал, что они вели себя на суде нагло, но смерть приняли спокойно. После выстрелов один упал прямо лицом вперед, а другой лег на бок и свернулся калачиком, будто заснул.

Некоторые молодые штрафники перед боем плакали. Ко мне вечером приносили свои домашние адреса и просили написать их родным о результатах боя и их судьбе. Почему-то они думали, что я в безопасности и обязательно останусь живым. Но я-то должен был идти в бой вместе с ними, только с телефонным аппаратом, катушкой кабеля и автоматом за спиной.

Вечером, перед утренней атакой, к ним пришел командир полка. Поставил задачу на взятие высотки. Сказал, что они будут воевать, как все солдаты-пехотинцы. Что будет артподготовка и поддержка артиллерией и штурмовиками ИЛ-2. Высотку утром взяли одним рывком. Штрафники шли в атаку хорошо, но слишком рано поднялись и открыто, в полный рост, наступали без перебежек. Поэтому было много убитых и раненых. У солдат-пехотинцев есть такая присказка «Пулька догонит, пулька достанет, пулька найдет». Вот почему опытные командиры не одобряли «дурные» штыковые атаки и контратаки. Штыковые атаки себя оправдывали при Александре Македонском и Александре Суворове. Тогда не было автоматического оружия.

Нас осталось 59 человек. Штрафников отвели на отдых, а высоту передали пехотинцам, но они прозевали ночную атаку фашистов и высоту сдали.

На следующий день к вечеру, во время немецкого ужина, без всякой артподготовки, но с гранатами, штрафники высоту снова отбили. Нас осталось одиннадцать человек. Я вернулся в свой взвод, а оставшихся десятерых зачислили в пехотную роту до снятия с них штрафного срока.

Три письма я отправил родственникам тех бойцов, которые точно были убиты. В такой суматохе я сам толком ничего не знал. Если солдат упал в бою, то это не значит, что он убит. С ним разберутся санитары.

Раненные и убитые штрафники искупили свою вину кровью, но это документально оформляется кадровиками и судьями. Легко раненных отправили в медсанбат. Их подлечат и отправят на пополнение.

Перед этим произошел такой случай. Мне позвонил лейтенант Данилов и велел проложить дополнительный провод на НП дивизии. Я его предупредил, что не имею права оставлять трубку – таков закон для всех телефонистов. Но он приказ

повторил. Я быстро протянул кабель на НП, подключил аппарат и, как назло, услышал грозный голос второго – начальника штаба дивизии. Он звонил в штрафную роту. Я пытался объяснить, но... с начальством, тем более на фронте, не спорят. После со вторым объяснялся Данилов. Тем не менее меня отправили в бой со штрафниками, а ведь я имел право после санбата на отдых.

Обычно во время боя мы тянем свой телефонный кабель вместе с продвигающейся пехотой через окопы и траншеи, только что оставленные противником. При обрыве провода приходится бежать назад и видеть все, что происходило во время боя. Лежат убитые: и наши, и немцы. Санитары оказывают помощь и выносят раненых.

Кругом воронки и разбросано побитое и неповрежденное оружие. Его потом соберут трофейщики. А сейчас можно себе выбрать все, что угодно, лишь бы смог унести. Я подобрал вначале автомат ППШ с дисками. После диск заменил на рожок – с ним удобнее бегать, но диски оставил в вещмешке. Потом подобрал ППС – пистолет-пулемет Судаева. Он компактнее ППШ, с откидным прикладом и рожком. Но больше всего я был доволен

трофейным, специальной конструкции парабеллумом с удлиненным стволом, прицельной откидной планкой и магазином под патроны, оканчивающимся внизу небольшим диском. В него входило более двадцати патронов. Прицельность и бой были отличные. Возник вопрос с моим карабином. Ведь он числится за мной и командиром роты. Да и потерять оружие считалось очень тяжким преступлением. Турыч считал все эти мои увлечения детской игрой, но дал хороший совет – отдать карабин на повозку, что я и сделал, договорившись с Сивковым и получив разрешение взводного.

В это время на фронте недостатка в легком стрелковом оружии не было. Особенно много появилось автоматов. Были сформированы целые взводы, роты и батальоны автоматчиков. После боя мы первыми могли себе выбрать любое трофейное оружие, но при выходе на отдых его должны были сдать. Так и мой парабеллум, на первой же переформировке был отобран. Я снова обзавелся ППШ, который тоже сдал, когда закончились бои за Ригу...

А наступление продолжалось. Почти все бои в болотах. Продвигаемся медленно, какими-то зигзагами. Одним словом – маневрируем.

И так я провоевал полгода. Подрос, прибавил в весе. Мой рост 168 см, вес около 75 кг и ни одной жиринки – сплошные мышцы. Со своим телом легко управляюсь. Я опытный обстрелянный солдат-ефрейтор.

Из моих троих друзей по Киевскому военному училищу связи и техникуму Миша Малков в конце ноября пропал без вести. Так считали официально кадровики. Мы думали иначе. Его могло засыпать в окопе, он мог упасть на болоте или на минном поле либо произошло прямое попадание снаряда. Но возникал у других и еще такой вопрос: «А вдруг он дезертировал или сдался в плен». И родным не очень хорошо, но хоть какая-то надежда.

Лёва Штейнберг был тяжело ранен в голову и отправлен в глубокий тыл с железным щитком в шапке, чтобы не повредить мозг. Миша Чвелёв был ранен в живот и колено и тоже отправлен в тыловую госпиталь. Остался я один!

Через 50 лет поисковики нашли захоронение Михаила Васильевича Малкова в Пустошкинском районе Псковской области около деревни Сидорово. Он был убит 19 ноября 1943 года. Его доброе имя было восстановлено.

Много позже я рассказал эту историю моей племяннице Романьковой Людмиле Андреевне (по мужу Поповой). Она написала первый вариант стиха. Я немного поправил, после чего получился окончательный вариант стиха на эту тему:

Совсем еще мы были пацаны.

Пришлось и нам познать все «прелести» войны.

Я до сих пор несу вину свою.

Один тогда остался я в бою.

Я не могу забыть друзей своих.

А за полгода был Малков убит,

Лев Штейнберг ранен в голову, Чвелёв в живот.

Один встречал я новый год.

Холодный под Москвою Новый год.

Высотка и овраг, забитый трупами, на склонах лед.

Высотку эту брали много раз

И шли на смерть, чтоб выполнить приказ.

Как жаль, что я вернуться не могу.

В окоп меж трупов, где друзья в снегу,

И обогреть их, и сказать,

Что будем праздники в тепле встречать.

Пройдем бои и медсанбаты,

Потери и победные раскаты!

Подлечим все на теле раны.

Останется война лишь в сердце ветеранов.

О моих друзьях я еще кое-что расскажу.

Война продолжается. На запад продвигаемся очень медленно. Слишком часто делаем большие переходы вдоль линии фронта: то на север в сторону Пскова, то на юг в Белоруссию. Дважды форсировали Западную Двину, а потом и Даугаву – это уже по-латвийски.

Один раз за нашими окопами вынужденно сел штурмовик ИЛ-2. Ему повредили мотор немецкие зенитки еще до подхода к переднему краю. Обычно штурмовики летают очень низко, а на этот раз они почему-то летели на высоте метров шестьсот от земли и фрицы их «хорошо» встретили. Летчик дотянул самолет планированием до передних окопов противника, сбросил бомбы, развернулся и пошел к нам на посадку. Прошел очень низко, зацепился крыльями за вершины сосен, срубил их и сел на маленькую полянку. При посадке его развернуло и у него отломился хвост по кабине стрелка. Мы помогли экипажу выбраться из кабин. Летчик был очень хорошо закрыт броней, а стрелок – только «фанерой». На них много орденов, столько я еще ни на ком не видел.

ИЛ-2 сильно вооружен: спереди по два крупнокалиберных и обычных скорострельных пулемета.

Под крыльями эрэсы. Бомбовая нагрузка 400 кг. А сзади у стрелка-радиста крупнокалиберный пулемет на турели. Недаром штурмовика ИЛ-2 называли «горбатым» – летающим танком. В комплект НЗ входит ящик с неприкосновенным продовольственным запасом. В нем шоколад, сгущенное молоко, консервы, галеты, сухари, соль, сахар, спички и крупы.

Мы позвонили в свой штаб, и летчики остались у нас в землянке. Стрелок рассказал нам одну тонкость. Если стрелок в полете сидит высоко и дает короткие очереди по пытающемуся их нагнать «мессеру», то «мессер» ищет другого, который просел и сжался в своей фанерной кабине.

На следующий день приехала целая команда механиков и оружейников. Разрядили пулеметы, сняли их и эрэсы, приборные доски и некоторые части самолета. Составили акты, в которых и мы расписались о невозможности восстановления этого Ила. Погрузились и уехали вместе с летчиками.

В этот вечер наш солдат пэтээровец решил дать салют из своего ружья. Положил ПТР на сучок сосны и выстрелил в сторону фашистов. При отдаче его опрокинуло с переломом ключицы.

За членовредительство его хотели судить, но командиры как-то уладили это дело, и он был направлен в санбат.

В июне и июле 1944 года мы участвовали в освобождении Белоруссии. Нам часто стали встречаться партизаны. На территории Ленинградской, Псковской областей и в Белоруссии были целые соединения и даже партизанские районы, куда не ступала нога фашиста.

Часть партизан – военные, в том числе и из нашей дивизии. Они попали в партизанские края еще во время основного контрнаступления под Москвой осенью 1941 и зимой 1942 года. Одних специально туда забросили, другие попали в окружение, и им была дана команда уйти на Запад в болота к партизанам.

Так был организован наш второй фронт. А наши союзники ждали, когда нас обескровят фашисты. Одним словом, «На Западном фронте без перемен».

Иногда, особенно когда надо было взять фашистов в «клещи», вместе с нами участвовали в боях партизаны в своих гражданских и полугражданских одеждах. А бои были тяжелые – на истребление.

Раненых и убитых они вывозили на своих партизанских подводах. Нам как-то непривычно было видеть целый обоз, движущийся в тыл с гражданскими побитыми людьми. А ведь за время Великой Отечественной войны в немецком тылу воевали около миллиона партизан и два миллиона подпольщиков и разведчиков.

Мы продолжали наступать, брали укрепленные высоты, освобождали сожженные фашистами деревни. Иногда «отдыхали» в обороне» день, два, а то и три. Пока подтянут артиллерию, боеприпасы и пополнение. Даже была язвительная присказка «Одни в Ташкенте кровь мешками проливают, другие отдыхают в окопах Сталинграда». Мы иногда «отдыхали» в окопах Белоруссии и Псковской области.

Был у нас во взводе один тридцатилетний балагур, воевал хорошо, но в свободное время брал из боевых листов и газет адреса стахановок и писал им ласковые письма. Отвечал любовными признаниями и обещал после Победы приехать к ним. Таких адресов у него было несколько. Потом вдруг сообщал, что у него ранение в мужские достоинства, но он подлечился и продолжает воевать. Обычно после такого письма ответов не было.

Но одна самая настырная девушка написала: «Приезжай, все равно что-нибудь придумаем».

Нашему Козвонину жена писала самые серьезные письма о том, сколько и чего они сдали государству, что самим осталось, как живут дети, родня и соседи. Письма были бодрые и всегда заканчивались так: «Дорогой мой и ненаглядный, приезжай в любом виде, хоть как израненный. Ты нужен мне и детям. Я буду мыть твои ноги и пить эту воду». Он нам эти письма всегда читал и гордился своей женой и детьми. А наш балагур себе «накаркал», попал на нашу деревянную противопехотную мину. Ему оторвало пятку и деревянные осколки повредили мужское достоинство. Его забинтовали, дали спирту и отправили в медсанбат. Через месяц получили от него письмо из дома. Ногу ему отрезали ниже колена, все остальное хорошо подлечили. Один «дед» из их деревни сказал, что мужику здорово повезло, и написал ему письмо с просьбой сделать всех вдов и двух его дочерей-перестарок беременными. Но чтобы его внукам оставили фамилии деда.

За последние дни мы продвинулись на запад километров на шестьдесят. Форсировали реку Великая, потом Западную Двину, а еще позже в об-

ратном направлении – Даугаву. Нас немного смутило, что мы форсировали дважды на юг и на север одну и ту же реку. Река-то одна, а республики разные – Белоруссия и Латвия.

При освобождении Белоруссии нас по своим районам проводили партизаны. Мы шли по очень узкой и виляющей болотистой тропинке. Через каждые пять солдат шел один партизан. Они нам очень строго наказали не сходить ни на шаг с тропы, даже по великой нужде. Все кругом заминировано. Причем мины стоят и наши, и немецкие, установленные в разное время года. С ними разобраться очень трудно даже опытным профессиональным саперам.

В одном месте во время порыва ветра я увидел метрах в двадцати от нас какие-то болтающиеся тряпки мышинного цвета. Спросил у партизана: «А что это такое?» Он ответил, что это каратели, которые пытались прорваться в партизанский район. Их даже не пытались похоронить, зная что там все слишком беспорядочно заминировано и без больших потерь не разминировать.

Продвигаясь дальше, форсировали реку Лосьма. Перерезали шоссейную дорогу Себеж-Лудза, раз-

громили большую группу немецких войск и отрезали пути отхода фашистам из Опочки.

За это нашей 379-й стрелковой дивизии была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, чем мы очень гордились. Нашему командиру полка Алексею Ивановичу Морозову присвоили звание подполковника и наградили орденом Александра Невского. Это известие нам передал штабной штатный телефонист Коля. Он был взрослым старшим сержантом. Там еще была его сменщица – сержант Маша.

У Коли был басоватый четкий голос с интонацией под Левитана. Торжественным голосом он и сказал нашему командиру: «Морозко, крути дырки на кителе под Александра Невского и на погонах под две звездочки».

Вот такие доверительные отношения могли быть тогда между старшим сержантом и подполковником.

Должен заметить, что тогда в пехоте очень редко награждали рядовых солдат. В нашей дивизии были присвоены звания Героев Советского Союза всего двоим, причем одному солдату посмертно. Мы подошли вплотную к границе Латвии.

Здесь нам впервые пришлось воевать против 15-й латышской, 11-й эстонской и других прибалтийских эсэсовских дивизий. Фашисты нас очень часто контратаковали, зачастую с танками. Но если удавалось нам отсечь немецкую пехоту от танков, то танкисты одни на нас не наступали, а отходили задом.

Немецкие танкисты боялись своих фаустпатронов в наших руках. Мы взяли в качестве трофеев очень много фаустпатронов и научились хорошо ими пользоваться. Фаустпатроны оказались более удобными и действенными, чем наши бутылки с горючей смесью, противотанковые гранаты, а тем более связки гранат. Жаль, что разработанный в России кумулятивный принцип так здорово использовали фашисты.

Перед границей с Латвией мы во время наступления остановились около большого озера. Протянули кабель от командира батальона на НП командира полка. Вечером саперы начали минировать берег озера на всякий случай. Ведь фашисты тоже воевали активно и могли в любой момент организовать какую-нибудь вылазку. Ночью, под утро, услышали всплески воды, затаились и дождались переплывшего через озеро человека.

Поймали его и притащили на НП. Им оказался чех, насильно призванный в немецкую армию (как он сказал). Он учился в Пражском университете, знал русский язык. Очень сильно замерз, его всего трясло, зуб на зуб не попадал.

Мы дали ему спирта с закуской. Одели в какое-то наше обмундирование, он ожил, стал использовать нашу нелитературную лексику. Сказал, что не хочет умирать за бредовые идеи фашистов. Но главное, он доложил, что основные части немцев ночью отошли от озера на новую оборонительную линию и оставили только слабый заслон, местонахождение которого точно указал. Командир полка срочно выслал разведчиков. Они подкрались с тыла и перебили этот заслон, а мы прямо ночью стали преследовать отходящие части и только в середине дня нас остановили фашисты на очередном, заранее подготовленном рубеже.

Утром нас посадили на грузовые машины и мы какими-то извилистыми дорогами проехали километров тридцать. Это был единственный случай, когда мы не шли пешком. Такая судьба у пехоты – идти пехом. Чех нам хорошо помог. Мы его отправили в штаб, там узнают, кто он на самом деле.

Может быть, разочаровавшийся доброволец, а может быть шпион.

Был и еще один случай. После взятия очередной высотки из леска вышел фриц с поднятыми руками и заговорил на чистом русском языке: «Не стреляйте, я свой». Он оказался нашим красноармейцем из Ростова, попавшим в начале войны в плен раненным пулей в ногу. Чтобы не умереть с голоду, в лагере он согласился стать поваром у немцев, а они его через некоторое время направили ближе к фронту. Ранение он получил во время штыковой атаки. Когда фашисты увидели, что у наших атакующих нет патронов, они их подпустили на тридцать метров и залпом, посмеиваясь, расстреливали всех из автоматов и пулеметов. До фашистов с винтовкой наперевес никто не дошел. Мой командир отделения, сержант Чеблаков, осмотрел рану и решил, что фрица надо направлять в штаб.

Но солдаты-пехотинцы, обозленные потерями и только что вышедшие из боя и еще не остывшие, решили его повесить, как изменника Родины, прямо на дереве.

Достали веревку, мыло и начали сооружать виселицу, закрепляя веревку за сук. Чеблаков позво-

нил в штаб, а оттуда пришел строгий приказ доставить фрица как важного языка в сопровождении офицера. Так и поступили. В штабе разберутся!

Наш НП находился от фрицев метрах в двухста, за оврагом, посередине которого тек ручеек, стояли кусты в болоте. Мы были в погребке, построенном из камня на цементе с круглым верхним сводом и расположенном вдоль оврага, боком к фашистам.

Я тогда подменял легко раненного радиста и одновременно исполнял обязанности телефониста. Бой для нас был неудачным, взять первые окопы мы не смогли. Фрицы оборзели, бьют из артиллерии и минометов по всему расположению нашей части. Провода все время рвутся. Я бегаю по линии и соединяю порывы. Только вернусь – надо бежать снова. Пехота прижата к земле. У наших артиллеристов нет снарядов.

Нам была придана для поддержки самоходная установка СУ-76. Ее командиру, молодому младшему лейтенанту, был дан приказ замаскироваться и ждать до особого распоряжения, а в нужный момент очередной атаки внезапно открыть прицельный огонь для подавления обнаруженных огневых точек противника.

К сожалению, либо по неопытности, либо по лихости и шапкозакидательству машина высунулась, дала выстрел и была подожжена фашистами. Ее «рвануло», экипаж погиб, а младший лейтенант чудом остался жив.

Ему объявили, что пойдет под суд за самовольные действия и срыв атаки. И наверняка ему грозит штрафной батальон. Во время очередного обрыва провода включили рацию, но антенна оказалась оборванной.

Соединили антенну и включили рацию снова. После нескольких слов в погреб прилетело сразу два снаряда прямо в свод и еще несколько снарядов – вокруг. Подвал выдержал, но потолок стал светиться. Это фрицы запеленговали рацию и тут же обстреляли с великой точностью. Вот так воюют фашисты! Несколько человек были убиты, в том числе и младший лейтенант с СУ-76, еще больше ранено. Видимо, не судьба была ему повоевать, погиб в первом бою. Но трусом он не был. Любая наша неосторожность, любое разгильдяйство или высокомерие наказывается самой высокой ценой – жизнью или смертью. На НП появился командир полка и приказал перенести наблюдательный пункт

назад метров на двести в немецкую землянку. Рацию больше не включали.

Телефонную связь наладили. Из батальонов просили «семечек» – мелких, средних и крупных. Это означало прислать патронов к автоматам, пулеметам, винтовкам и ПТР. Если требовались «огурцы» – мелкие, средние и крупные, то необходимы были снаряды к 45-, 76- и 122-миллиметровым орудиям. Такие самодеятельные шифры мог разгадать кто угодно. Спасало то, что телефонные линии были короткие и фактически полностью просматривались. Были и настоящие шифры, но во время боя ротным и батальонным командирам было не до них.

Поддержать очередную атаку прилетели наши штурмовики ИЛ-2, построились в вытянутый эллипс и стали обрабатывать первую и вторую траншеи противника. Пехота снова пошла вперед, но ее опять остановили фашисты очень плотным минометным огнем.

Когда штурмовики стали уходить на аэродром через овраг, прямо на наших глазах очень низко сзади зашел «мессер», догнал заднего ИЛа и дал очередь.

Штурмовик загорелся, пролетел метров триста вперед, взял носом вверх. В это время летчик выпрыгнул из кабины и сразу раскрыл парашют над нашей территорией. Почему молчал стрелок? Возможно, был убит при бомбежке, а может быть, просто прозевал. «Мессером» явно управлял ас. А мы только смотрели и ничем не могли помочь.

Вот такой был неудачный день для нас. Через два дня подтянули всю артиллерию, подвезли боеприпасы, уточнили огневые позиции врага и выбили фашистов с этого укрепленного рубежа.

Чтобы укрепить здоровье и восстановить зрение, мне Турыч посоветовал есть ягоды крушины, но обязательно без косточек. Крушина помогает от малярии, желудочных и сосудистых заболеваний. Я крушину ел регулярно, когда она попадалась. Зрение мое полностью восстановилось. Во время отдыха или очередного перехода я пытался предугадать, что будет с нашими солдатами в зависимости от их поведения на марше и в окопах, перед атакой.

Некоторые солдаты становились какими-то вялыми, угнетенными, пассивными. Другие, наоборот, нервничали, много говорили и двигались или вели себя агрессивно. «Старики» старались своих

чувств не показывать, чистили оружие, что-нибудь делали. Так я ни разу и не угадал. А ведь потери были каждый день. Сам я считал, что могу быть как угодно искалеченным, но все равно остаться живым. Как это так, я единственный в своем роде, со всеми своими ошибками и другими качествами вдруг исчезну из этой жизни.

Когда мы стояли в обороне, то в соседних подразделениях дважды фрицы украли телефонистов. И оба раза по одной схеме. Заходят ночью к нам в тыл, находят телефонный провод, перерезают его в глухом месте, а концы подтягивают к какому-нибудь кусту и ждут. Фонарей у нас не было и мы ночью бегали на порыв, держа провод в руке. Телефонисты добегали до злосчастного куста с засадой и становились очень легкой добычей и хорошим «языком». Ведь телефонисты всегда знали больше пехотинцев. Поэтому на них и охотились немецкие разведчики.

Кто-то предложил бегать ночью в лесу на порыв с гранатой под мышкой левой руки. Пальцы левой руки держат кабель, а указательный палец правой руки держит кольцо взрывателя с расправленной чекой. Это нововведение подействовало. Один наш

телефонист подорвался вместе с фашистскими разведчиками. Остальных разведчиков обнаружили и почти всех перебили. В другом случае наш телефонист сумел гранату отбросить и, воспользовавшись замешательством фрицев при взрыве, сумел отбежать и даже бросить еще одну гранату. Фашисты перестали охотиться на телефонистов.

Правда, были и случайности, когда кто-нибудь из телефонистов запинался, падал и был вынужден отбрасывать гранату. Мы с Туровым и другими бежали также с гранатой под мышкой, но обошлось благополучно. Снова наступаем и об этом эксперименте как-то забыли.

Недалеко от латвийской границы мы остановились на западной стороне большой деревни. На наше удивление, это была первая не спаленная фрицами деревня. Протянули провода на НП, но связь быстро оборвалась. Фашисты бьют непрерывно из орудий и минометов, причем довольно точно. По-видимому, у них где-то рядом с нами сидит корректировщик. Побежали на порыв вместе с Гошкой Будриным. Он взрослее меня, высокий, стройный. «Старики» поговаривали, что он из «смерша» для проверки нашего морального духа!

Пробежали метров сто и попали под минометный огонь. Залегли, переждали, соскочили и побежали дальше.

В конце деревни увидели свежие минометные воронки прямо на нашем кабеле. Начали соединять порывы и опять по нам заработали минометы. Мины рвались на крышах домов и около нас. Гошку скользом зацепил маленький осколочек вдоль лба под кожу. Меня задели мелкие осколки в левую руку и ягодицу.

Провод мы соединили в трех местах, прозвонили линию и прибежали назад на НП. У Гошки лоб кровит, да он еще рукой смазал по лицу капли крови. Картина впечатляющая. Нас перевязали, поблагодарили и представили к орденам Славы третьей степени. Позже Гошку наградили и перевели в другую часть, а мое представление затерялось где-то у кадровиков или в политотделе.

К сожалению, наша наградная система имеет распределительный характер. Командиры рот и батальонов отвечают за успехи в бою, за материальную часть и живую силу, а поощрять бойцов могут только устной благодарностью и представлением к награде.

Это представление проходит через многие отделы и разных технических штабников, которые прямого отношения к данному бою не имеют. Поэтому так много представлений где-то потерялось в штабных отделах. А надо бы ввести такие награды или изменить статус существующих, чтобы командиры рот и батальонов могли сразу после боя награждать отличившихся. Это бы очень повысило авторитет средних командиров. Как говорят, ложка дорога к обеду. Так и награда. Было бы очень хорошо награждать отличившихся сразу после боя какой-нибудь небольшой окопной медалью: «За отвагу», «За смелость», «За три атаки», «За отбитые контратаки» и др. А высокие награды пусть идут через представление, но как документ особой отчетности, иначе их штабные писари потеряют. Представленным к награде и где-то не утвержденным обидно и за себя, и за своего командира! Осколки из моей левой руки «вытаскивали» мышцы. Последний вышел в 1949 году, когда я уже работал на комбинате п/я 179. Осколки в ягодицах во мне до сих пор, они «гуляют», но меня не беспокоят. В 2001 году я лечился в первом госпитале для инвалидов и при УЗИ обнаружили

осколочек неправильной формы в правой руке. Сделали хирурги маленькую операцию и его удалили.

Но вернемся к войне. В роте связи потери были меньше, чем в пехоте, но без потерь не бывает войны. Поэтому происходили частые перестановки. Меня перевели во взвод старшины Абросимова. Это был мудрый «старик» лет пятидесяти, с неполным начальным образованием. Как фронтовой коммунист он давно и успешно командовал взводом, но в офицеры его не аттестовали из-за малого образования. Меня перевели к нему по его просьбе. Он ко мне часто обращался и раньше по каким-либо техническим вопросам, в основном касающимся трофейной техники связи. В его глазах я был самым технически грамотным солдатом в роте. Так оно и было на самом деле. Ведь я был призван в армию с выпускного курса техникума связи во время последних экзаменов и выходил на дипломное проектирование. Через четыре месяца я бы получил диплом радиотехника и звание лейтенанта, тем более что у меня была «бронь».

Старшина Абросимов, узнав об этом, называл военкома подлецом, врагом нашего государства и

взяточником. Так и оказалось, но это выявлено было только после войны.

Мне старшина пророчил большое будущее. Он говорил, что мне надо повзрослеть и обязательно дальше учиться, если останусь живым: «Может быть, ты станешь даже майором». Для нас тогда живым примером был наш командир полка Алексей Иванович Морозов, который прошел все ступени от лейтенанта и совсем недавно получил звание подполковника. Так старшина считал, что я со временем смогу приблизиться по званию к нашему командиру полка. Офицеров с более высокими званиями мы в то время просто не видели.

Любимым личным оружием нашего взводного был револьвер системы «наган». Старшина считал, и не без основания, что наган точнее и сильнее современного ТТ и в нем исключены какие-либо заедания и неполадки. Жаль, что в этом взводе я был недолго и не по своей воле.

Фашисты очень грамотно и жестко сопротивлялись, постоянно маневрируя и контратакуя. Мы тоже маневрировали, заходили в тылы, атаковали ночью в самых неожиданных для немцев местах. 17 июля 1944 года наша дивизия перешла границу Латвии.

Бои стали еще ожесточеннее. Нам дали бригаду тридцатьчетверок, воевать стало веселей, но местное население нас встречало не всегда восторженно.

Дивизия форсировала реки Малта и Зилупе. Мы перерезали шоссе и железную дорогу Режица–Елгава.

В одном месте мы ходили по болоту и искали выход на сушу с целью разведки и обнаружения противника. Нашли хуторок на возвышении – дом с хозяйственными постройками. Рассредоточились, организовали прикрытие с флангов сзади и стали осторожно выходить, но с чердака раздались пулеметные очереди. Мы залегли и стали отстреливаться зажигательными пулями. Сержант Чеблаков решил обойти дом слева и стал перебежками передвигаться. Больше мы его не видели. Дом загорелся, и когда его охватило пламя целиком, мы стали осторожно к нему приближаться. Стрельбы больше не было.

Около дома, метрах в тридцати, обнаружили погреб, в котором что-то шевелилось. Хотели забросать гранатами, но решили со всеми предосторожностями открыть крышку и обнаружили трясущихся людей. Среди них были и молодые парни.

Они говорили, что на чердаке были немцы, которые и стреляли из пулемета. Дом сгорел, а проверить мы ничего не могли. А может быть, стреляли они? Такое после бывало не раз.

Мы долго искали Чеблакова, но не могли найти. Он был боевым сержантом-коммунистом, награжденным двумя боевыми медалями. В те времена таких награжденных было очень мало. В нашей роте он был один. Нам надо было двигаться вперед. Солдаты, которые шли за нами, его нашли и похоронили.

В этих боях был окружен штаб нашего полка. С трудом отбились. Хорошо, что у нас был запас патронов и гранат и вовремя подошло на вырубку подкрепление.

Еще трагичнее был следующий день, когда командир дивизии, полковник Болтручук П.К., вместе с охраной, радистами, адъютантами и ординарцами попали в засаду и были все убиты. Такова маневренная война. Нашу дивизию для маскировки называли частью Болдырева.

На одном маленьком спиртзаводе в складском помещении стояла примерно трехтонная цистерна со спиртом. Солдаты прострелили бока цистерны и

наливали спирт в котелки, фляги и даже зачерпывали сапогами. На Руси любителей спиртного всегда хватало. Но излишки всегда были во вред. Ложка снадобья – это лекарство, а стакан – это яд.

Бои продолжались все с большей жестокостью, но фашисты перестали жечь населенные пункты, заигрывая с местным населением.

На смену сержанту Чеблакову прибыл совсем молоденький сержант. При первом же выходе на передний край он был ранен пулей в бедро. Мы шли по оврагу, заросшему кустами. Немецкие пулеметчики стреляли по кустам смешанными патронами. Разрывные пули трещали в кустах, а обычные – летели дальше. Вот такой одной его ранило и повредило кость. Один старый солдат сказал: «Надо же, как повезло – отвоевался всего за один день!»

При очередном переходе в северном направлении мы шли вместе с нашими повозками. За сутки проходили по 60–70 км разными зигзагами. На нас часто налетали «мессеры», бомбили и обстреливали, но мы снова продолжали движение то по Эстонии, то по Латвии, то по Литве.

В Прибалтийских республиках, особенно в Эстонии, некоторые жители были к нам настроены

негативно. Кто-то из них даже добровольно вступил в эсэсовские немецкие дивизии. До войны их «подкармливали» и настраивали против нас англичане, французы и немцы. Советская власть там была совсем недолго.

На границе с Эстонией, на небольшом хуторе, наши парни ходили в гости к двум красиво одетым местным девушкам. В качестве подарков были пайки хлеба. Война не знает границ.

В Прибалтике очень тесно по сравнению с Белоруссией и Псковской областью. Многие населенные пункты расположены очень близко друг к другу. Кроме того, много одиночных хуторов. Богатые хутора образовались еще при реформе Столыпина. Обычно на хуторе добротный хозяйский дом, вспомогательные хозяйственные постройки, стайки для скота, конюшни, амбары и домик для работников.

Этот домик разделен на две части: лучшая для постоянных работников и худшая с нарами – для временных. Около дома работает ветряк на аккумуляторе, обеспечивая освещение, а иногда и какой-нибудь небольшой мощности электродвигатель для наждака и пр.

В хозяйском доме обязательно есть стационарная коптильня для холодного и горячего копчения. Временные работники спят на двухэтажных нарах. Хозяева живут в достатке, а о работниках этого не скажешь.

Мы опять в Латвии. Юго-Восточнее Режицы разгорелись жестокие бои. Вместе с немцами воюют местные фашисты. Враг применяет много танков, самолетов, артиллерии и шестиствольных минометов. Некоторые высоты переходят из рук в руки по несколько раз. Пехота ведет гранатные и рукопашные бои. Взяли город Лудзу. А 27 июля нами был взят город Режица – железнодорожный узел.

Был поздравительный приказ Главнокомандующего, нашей дивизии присвоили наименование Режицкой.

Южнее города Лудза на высоте 144 есть братская могила и памятник десяти нашим разведчикам. Позже им всем посмертно присвоили звание Героев Советского Союза. Это была группа разведчиков нашей дивизии. Их забросили с рацией в тыл врага. Они перехватили одну из важных дорог и корректировали огонь нашей артиллерии в течение двух недель. Наделали много неприятностей про-

тивнику, но пришлось отходить, оставляя по одному бойцу для прикрытия. Так погибли все. В этой группе было трое русских, а все остальные – других национальностей, одним словом – интернационал. На фронте таких групп было очень много. Отметим так высоко только эту! Многие такие группы погибали, но давали хорошие разведданные и наносили большой урон противнику. В такие группы брали, как правило, опытных и крепких ребят, которые могли за себя постоять. В последствии о таких группах был создан фильм «Я звезда». А мы опять маневрируем.

То на юг в сторону Акнисте, то на северо-запад в сторону Мадоны, а главное направление теперь уже точно определилось – на Ригу.

На подступе к Мадоне пришлось продвигаться по пояс в воде и грязи. Все оружие и боеприпасы несли на себе, даже в разобранном виде: станковые пулеметы, минометы и сорокопятки. Фашисты были захвачены врасплох. И несмотря на ожесточенное сопротивление, сдали Мадону 12 августа. И опять маневрируем.

Мы наступали. Фашисты где-то держались очень цепко, а где-то им приходилось отступать. Боясь

попасть в окружение, они ночью уводили свои войска с хорошо укрепленных позиций, оставляя на них небольшие заслоны. Иногда это обнаруживали, сбивали заслон и прямо ночью нагоняли противника. В этих случаях фашисты отрывались от нас километров на 20–30. Наша пехота уходила вперед, поддерживая связь с командованием по рациям. А телефонисты грузили свои катушки и аппараты на повозки и продвигались вперед по проселочным дорогам. Так образовывался обоз из 15–20 повозок с кухнями, штабным имуществом, санитарным и интендантским оборудованием.

Так мы двигались по грязной раскисшей дороге. Иногда останавливались, когда саперы, идущие впереди нас, разминировали дорогу. Погода была ясная, что нам не очень нравилось из-за немецкой авиации. Наибольшая опасность подорваться была у первых подвод. Мы были в середине колонны. На задней повозке уселись семеро девушек из штаба и разных подразделений. Мы, солдаты, шли пешком. Девушки редко встречались друг с другом, поэтому что-то пели, смеялись и веселились. Вдруг раздался мощный взрыв высотой метров пятьдесят. Это подорвалась девичья повозка.

Шестерых девушек разорвало в клочья, а седьмой оторвало ноги ниже колен и отбросило далеко в сторону взрывной волной. Колонна не остановилась, но туда направили санитаров и похоронную команду. Как такое случилось? Ведь все другие повозки через это место прошли. Возможно, противотанковая мина была со взрывателем многоразового нажатия при малых нагрузках. Может быть, предыдущие повозки только немного сжимали нажимной колпачок над взрывателем.

Мы этих девушек знали мало, но было очень жаль. Просто нас это шокировало. Один «старик» сказал, что трудно оценить, кому из них больше «повезло»: тем, которые мгновенно погибли, или той, которая, может быть, выживет, но будет мучиться всю жизнь.

Ефрейтор Туров сказал, что зря девушек направляют на фронт, не женское это дело. Как тут не скажешь, что такова судьба? Все это было в тылу.

Часа через четыре мы вышли на булыжную мостовую и сделали привал.

При очередном переходе в северном направлении мы шли вместе с нашими повозками. На нас налетели «мессеры» и стали бомбить и обстрели-

вать. Рядом с дорогой были установлены наши зенитные крупнокалиберные пулеметы, которые сразу стали стрелять по «мессерам». Мы залегли в придорожные канавы и тоже стали стрелять бронебойно зажигательными патронами.

Но «мессеры» заходили с солнечной стороны поперек дороги из-за леска на очень малой высоте. Нам было хорошо видно, куда фрицы бросают бомбы. Мы стреляли, так как любое наше активное действие и сопротивление было лучше панической лежки или бегства.

По-видимому, только одному Василию Теркину удалось из винтовки сбить самолет, ведь он очень хорошо забронирован. Но вот одна бомба отрывается от «мессера» и летит по своей траектории точно на меня, а ее высота всего метров пятьдесят. Я переворачиваюсь на живот, открываю рот, как это принято у артиллеристов, и жду развязки.

Бомба упала прямо на середину булыжной мостовой. Воронка образовалась до самого края дороги, т. е. до моей канавы. Глотку забило дымом и грязью, перехватило дыхание, в голове звенит. Куском колеса от разбитой повозки ударило по голенистопоу левой ноги, а в голень правой попал

осколок. Сбить нам ни одного «мессера» не удалось. Они улетели. Пытаюсь дышать и выплюнуть копоть изо рта. Кое-как понемногу начал дышать. Подбежали Турыч и Козвонин, помогают встать. Плююсь кровью, трясую головой. Дали пятьдесят граммов разбавленного спирта.

«Мессеры» разбомбили часть повозок, убили нескольких лошадей, одного пленного фрица и восемь наших солдат, вывели из строя расчет зенитного пулемета. Медсестра дала какие-то таблетки и перевязала правую голень. В медсанбат я не пошел. Немного хромаю, в голове шумит, но чувствую, что мне становится легче – молодой организм берет свое и восстанавливается.

Меня контузило и ранило 15 сентября, через три дня после моего дня рождения, когда мне исполнилось девятнадцать лет. Вначале все было более или менее нормально. Успешные боевые действия и продвижение вперед нас всех подбадривало. Но раненая нога начала сильнее болеть и опухать. Меня направили в наш 456-й медсанбат 18 сентября. Оперировали правую голень. Сверху под кожей оказался деревянный осколок, а глубже в сухожилиях – небольшой плоский стальной.

Осколки удалили, освежили, пришили, ушили, зашили. Что означает эта медицинская терминология, я до сих пор точно не знаю. В красноармейской книжке мне записали, что я ранен 18 сентября 1944 года.

Нога стала быстро заживать, некоторое время я еще хромал. Через неделю меня выписали из санбата в отдел кадров. А кадровики направили телефонистом в батарею 122-миллиметровых орудий 934-го артиллерийского полка нашей 379-й стрелковой дивизии.

После контузии, во время бомбежки, у меня появилась какая-то боязнь и беспокойство при звуке моторов немецких самолетов. Я не убегал, не прятался. Но было как-то неуютно.

У немецких самолетов, особенно тяжелых, моторы издавали прерывистый звук У-У-У. Везу, Везу, Везу. Наши зенитки стреляли тоже прерывисто со звуком – Кому? Кому? Кому? А бомбы рвались со звуком – Вам! Вам! Вам!

Вот и появилась солдатская сказка о бомбежках. «Везу, везу, везу. Кому? Кому? Кому? Вам, вам, вам!»

С этим неприятным ощущением я стал постепенно расставаться только на Первом Украинском фронте, когда нас с неба охраняли летчики Покрышкинской школы.

В батарее четыре орудия весом тонны по четыре на конной тяге, выпуска еще до первой мировой войны. Деревянные широкие колеса в 400 мм обиты таким же широким стальным обручем, который дает очень заметный след.

Вес снаряда около двадцати килограммов. Дальность стрельбы примерно 12 километров. Звук выстрела очень тихий, а разрыв, наоборот, очень сильный. Орудия стреляют обычно с закрытых позиций. Поэтому кто-то должен управлять огнем с наблюдательного пункта. Для этого и служит взвод управления, состоящий из телефонистов, радистов, корректировщиков – разведчиков и солдат вспомогательных интендантских служб.

В каждое орудие запряжено шесть лошадей. В полку есть батареи с немецкими трофейными орудиями и тоже на конной тяге. Управляет огнем командир батареи или командир взвода управления. Поэтому им приходится быть рядом с командирами пехотных рот или батальонов на самом переднем

крае. Без связи артиллеристы слепы и стрелять с закрытых позиций не могут. При переходах одно орудие идет вместе с пехотой, и в случае нападения или засады стреляют картечью или осколочными снарядами в упор и очень убедительно для фрицев.

Продвигались с боями всегда какими-то зигзагами и в начале октября оказались в тридцати километрах от Риги. Перед этим мы попали в окружение. Наш «коридор» закрыла 11-я эсэсовская эстонская дивизия. Но у нас было достаточно боеприпасов и мы продолжали наступать на Запад и успешно отбиваться от наседавших фашистов.

Кольцо окружения разрывала советская латышская дивизия – латышские стрелки, как они себя называли. Ясно, что Прибалтика не успела стать «совсем» советской. В боях под Ригой нас обстреливали корабли и береговая артиллерия из тяжелых орудий. Впечатление такое, словно в морозную ночь приближается трамвай, затем гул нарастает и становится очень сильным, над головой завихряется воздух, и за нами в деревне взрывается снаряд. По переднему краю они не стреляли и не бомбили тяжелой авиацией, боясь раздолбить своих. После каждого разрыва в воздух взлетало сразу несколько

домов и образовалась огромная воронка. В деревне погибло много мирных жителей и наших солдат из ближнего тыла. 14 октября Рига была освобождена от фашистов. Наша дивизия в самой Риге не воевала, а способствовала ее взятию. Наш арtpолк обстреливал укрепления в пригородах Риги и ему приказом И.В. Сталина присвоили наименование Рижский. Далее мы перерезали железную дорогу на Митаву, взяли важный населенный пункт Балдоне, форсировали реки Эзерупи, Малту и Вента. В декабре 1944 года нас вывели из боев в район станции Лайжува на отдых.

К моему прежнему командиру полка подполковнику Алексею Ивановичу Морозову и его начальнику штаба приехали жены. Как-то очень непривычно было видеть среди военных двух гражданских женщин.

В Прибалтике фашисты были прижаты к морю и окружены. Линия всего нашего фронта резко сократилась, поэтому нашу дивизию не стали пополнять, а объединили с аналогичной нам 245-й стрелковой дивизией. Нашему арtpолку оставили все прежние регалии. Итак, мы стали 934-м Краснознаменным Рижским артиллерийским полком

(КРАП) 245-й Режицко-Валгинской стрелковой дивизии.

За время отдыха я побывал в медсанбате и встретил там солдата Ванеева из нашей учебной роты Киевского военного училища связи (КВУС). У него в горле сидела пуля. Горло было туго забинтовано. Врачи ждут, когда под пулей заживут какие-то кровеносные сосуды, а потом пулю удалят, а дырку зашьют.

Больше из наших курсантов я никого не встретил. Война с нами, курсантами, распорядилась по-своему. Многие погибли, кого-то тяжело ранило и его спасали в тыл. А раненых легко подлечивали и направляли в разные части. Была даже такая приблизительная статистика. Из ста выбывших из строя двадцать пять убитых, столько же тяжело раненных и пятьдесят легко раненных.

Наша 379-я стрелковая дивизия воевала ровно три года – с декабря 1941 по декабрь 1944 года. За это время она защищала Москву, Ленинград, освобождала Белоруссию и Прибалтику, участвовала во многих тяжелейших операциях. Через нее прошли пятьдесят тысяч человек. Ее офицеры и солдаты получили шесть тысяч наград.

По приказу Генерального штаба нас посадили в товарные вагоны на станции Лайжува и повезли вдоль фронта в Польшу на Первый Украинский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза Иван Семенович Конев. Высадились мы около Сандомирского плацдарма на станции Рокшаны.

Часть III. ОТ ВИСЛЫ ДО ЭЛЬБЫ И ДРЕЗДЕНА

*Посвящаю летчикам-истребителям из дивизии
полковника Покрышкина Александра Ивановича*

1. От Вислы до Одера. Освенцим. Плацдарм

В эшелоне вагоны-теплушки с нарами в два этажа. Посередине вагона, против дверей, установлена печь. Эшелон длинный. Сзади, спереди и посередине расставлены платформы с зенитчиками. Едем медленно, вагоны покачивает из стороны в сторону. Рельсы укороченные – восстановленные.

Фашисты, отступая, взрывали стыки рельсов, а шпалы разламывали посередине поперек специальным крюком, который свисал с утяжеленной платформы и заглублялся в полотно сантиметров на со-

рок. Такой шпалоломатель тянуло два или три паровоза. Этот прием они использовали везде: и на Прибалтийских фронтах, и в Белоруссии.

После всех фронтовых трудностей ехать в таких теплушках было очень приятно. Кормят регулярно. В рационе появились сушеные овощи: картошка, лук, морковь, свекла, капуста и кое-какие пряности.

Каждый день проводятся политинформации. Читаем боевые листки, блокноты агитатора и газеты. Иногда слушаем радио. Разбираем, собираем и чистим оружие. Артиллеристы объясняют нам некоторые тонкости своего ратного труда, знакомят с устройством орудий и их данными.

Изучаем приемы рукопашного боя, боевое самбо. Оказывается, этих приемов несколько десятков, а мы до этих дней пытались освоить пять простейших и крайне необходимых приемов.

Вся поездка прошла сравнительно спокойно, никаких особых событий не произошло. Высадили нас в Юго-Восточной Польше на станции Рокшаны в зоне действия Первого Украинского фронта.

Расселили нас по домам в близлежащие деревни. Мы вселились в сравнительно приличный домик с хозяйкой-старушкой. Где молодые, не гово-

рит. Нас боится. Много молится, повторяя «Есус-Мария». Ругает евреев.

Наша семья жила в Иркутской губернии. Там было очень много бывших ссыльных, их потомков и местных жителей: бурят, эвенков, гольдов, хакасов, китайцев и других народов. Мы, пацаны, всегда вместе играли и вообще не делились по национальному признаку. Единственная оценка – отношение друг к другу. Мне эта ругань бабки не понравилась, и я ей сказал, что Есус и Мария тоже евреи, а она их ругает. Бабка растерялась, назвала меня дьяволом и пробовала найти на моей голове чертовы рожки. Не нашла, но все равно сильно обиделась. А я ей посоветовал обратиться за разъяснением к ксендзу.

На следующий день она пошла в костел молиться и все узнала. Пришла домой и во всеуслышание объявила: «Есус и Мария – они же верные, а остальные их распяли».

В знак примирения бабушка нажарила большую сковороду картошки и угостила нас по-домашнему. А когда узнала, что я из Сибири, то вообще расплакалась, все время крестилась и повторяла Сибирю-Сибирю. Для поляков Сибирь – это край ссыльных, каторжников, лютых морозов и медведей.

Простое население живет очень бедно. Большинство сельских домиков глиняные с соломенной крышей. Если у крестьянина есть своих две десятины пахотной земли, то он уже такой «ясновельможный» пан. Идет по улице в костел, задрав нос, но босиком, а в котомке у него сапоги времен Александра II. Садится на крылечко костела, достает сапоги и бутылку с водой, обмывает ноги, обувает сапоги и идет молиться. Возвращается, разувается и идет обратно домой босиком. Спеси хоть отбавляй!

Сам видел, как встречный, такой же пан, но безземельный, кланяется ему в пояс, приговаривая: «Ясновельможный пан, целую ручки». А тот, отталкивая ногой безземельного, говорит: «Пся крэф, быдло» (Собачья кровь, скотина!)

Все дело в том, что второй ищет работу у первого. Жульничество, воровство и торговля на лубом углу барахлом выше всякой меры.

Что-то подобное происходит сейчас у нас!

В фашистской доктрине первыми среди славян должны быть уничтожены полностью поляки. И не потому, что они какие-то плохие, а просто они живут на благодатной земле, которая потребовалась

фашистам в первую очередь, вот почему на Польской земле появились огромные, хорошо организованные лагеря смерти – Освенцим, Майданек и многие другие, более мелкие. Жаль, что некоторые люди и многие поляки забыли о тех, кто их спас от полного истребления.

До войны поляков подкармливали англичане, французы да и немцы, и все натравливали их на нас. Во время фашистской оккупации каждый четвертый поляк погиб.

Видели мы и дворцы и замки польской знати, которая куда-то удрала, возможно, и в Германию.

С первых же дней приезда начались регулярные занятия с боевой частью и личным оружием. На каждом орудии было по пулемету – два станковых «Максима» и два ручных Дегтярева (РПД). Кроме того, на батарею выдали противотанковое ружье (ПТР) и мелкокалиберный миномет.

Нам объяснили, что предстоят быстрые марши, а «пушки к бою едут задом», как говорил Твардовский. В случае контратак и нападений из лесов отступающих параллельно нам фашистов, необходимо немедленно открыть огонь из пулеметов, в это время установить орудия в боевое положение и

объяснить фрицам картечью и осколочными снарядами, что пора им сдаваться в плен.

Пулеметами занимались в основном телефонисты и разведчики. В походе они не были заняты так, как солдаты из расчетов, должны все время быть готовыми занять боевое положение и открыть огонь из орудий.

Мне понравился «Мáксим», ведь я с ним познакомился еще в третьем классе. Приходилось в свободное время тщательно изучать его устройство и тонкости в стрельбе. Например, точно короткой очередью.

Так оно и получилось по ходу Висло-Одерской операции. Наши орудия были устаревшими, неповоротливыми и сильно изношенными. Их нам обещали заменить на современные новые гаубицы М-30 калибра 122 миллиметра на машинной тяге, но не успели.

Как мы потом узнали, находясь уже за Одером на плацдарме, что фашисты организовали мощный контрудар в Арденах по нашим союзникам и заставили их драпать в великой панике. Их командование и сам Черчилль обратились к Сталину за помощью. Поэтому нам пришлось на восемь дней

раньше намеченного срока начать с Сандомирского плацдарма наступление наших войск. Такого скопления техники мы никогда не видели. Было понятно, что идет подготовка к решающим боям за окончательную Победу над фашизмом. Наш тыл сумел построить эту технику, оснастить ее всем необходимым, обеспечить боеприпасами. Патронов винтовочных, автоматных и пулеметных нам хватало. А вот артиллеристы все время ощущали «голод» со снарядами. Их хватало на артподготовку, на сопровождение, но когда останавливались на новых рубежах, приходилось экономить и долго ждать подвоза из тылов.

Бывали случаи, когда нам запрещали стрелять по явно «живым» целям, опасаясь внезапных контратак. Куда ни кинься – везде танки, самоходки, артиллерия, склады с боеприпасами, продовольствием и горючим. В небе непрерывно летают наши истребители. Если появлялись немецкие самолеты, то их немедленно сбивали или отгоняли у нас на глазах. Где-то здесь воюет дивизия Покрышкина.

12 января – день моего призыва в РККА, и в этот день началась самая крупная военная опера-

ция в годы второй мировой войны. Мы превосходили фашистов по всем видам вооружений и в живой силе. Да и боевого опыта набрались.

В пять часов ночи началась очень мощная артиллерийская подготовка. На каждый километр фронта приходилось более двухсот орудий. Артподготовка длилась всего 30 минут. Мы при поддержке танков заняли переднюю линию обороны противника. Фашисты подтянули свои резервы ко всем траншеям, и в это время началась главная артподготовка, которая длилась около двух часов.

За это время живая сила и техника во вторых и третьих окопах, а также часть тактических и стратегических резервов были уничтожены. У противника началась паника. Мы легко преодолели всю линию обороны. А вслед за нами в прорыв вошли две танковые армии с задачей выйти на старую польскую границу и за Одер, минуя крупные населенные пункты, опередив отстающие части противника.

Наш 934-й Краснознаменный Рижский артиллерийский полк в составе 245-й Режицко-Валгинской стрелковой дивизии оказался на самом острие частей 59-й армии наступающих на древнюю столицу

Польша – город Краков. Наступление было стремительным. Мы гнались за нашими танками. С нами рядом были корректировщики из авиации. Связь с танкистами и своим командованием велась по рации.

Некоторые, особенно передние танки были обвешены разными листами железа и сетками от кроватей. Это от фаустпатронов. Если граната попадала в железку на танке и взрывалась, то танку это не вредило.

Предпоследние в колонне танки были загружены боеприпасами, бочками с горючим, продовольствием и живой свиньей. На морду свиньи надевался мешок с небольшим количеством муки, чтобы свинья не визжала. Ее привязывали к верхней площадке танка и она молча ехала, как неприкосновенный запас продовольствия. Дело было зимой, на земле был снег. Бывали и «анекдотичные» случаи, когда мы входили первыми пехотинцами в немецкие дома после танкистов, и нам предлагали немецкие женщины свои сексуальные услуги, ссылаясь на приказ «Шварц Панцер» – черных танкистов, которые им «это» предписали в обязательном порядке.

Пришлось объяснять им на русско-польско-немецком языке, что это дурацкая шутка, у нас это категорически запрещено командованием. Они все поняли! А вот когда мы стали говорить им о посылках из оккупированных районов России, о выжженных городах и деревнях, о концлагерях и издевательствах над нашими военнопленными, то они понимать перестали. Их победы им нравились.

Мы видели одну танковую колонну, замаскированную белым тюлем, явно захваченным как трофеи.

Часто получали команду остановиться, срочно привести орудия к бою, давали несколько залпов, получали благодарность за меткую стрельбу и двигались снова вперед.

Приходилось и отбиваться от фашистов, выходящих из леса. Мы двигались строго за танками, а фашистские потрепанные части шли по лесам и проселочным дорогам. Сразу в бой вступали автоматы и ручные пулеметы, чуть позже «Мáксимы». Но этого было мало. В это время расчеты артиллеристов быстро снимали орудия с передков, разворачивались и открывали огонь осколочными снарядами или картечью. «Пушки к бою едут задом» – Твардовский. Огонь бога войны был настолько

сильным, что фашисты начинали сдаваться; правда, иногда часть из них все же отходила в глубь леса.

Разоружением пленных занималась подроспевшая пехота, а мы быстро принимали походное положение и шли вперед.

Через два дня нам объявили, что Первый Белорусский фронт под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова тоже прорвал линию фашистской обороны, освободил Варшаву и продвигается прямо на Берлин.

Наша 59-я армия воевала в южной части Польши, освобождая очень важный промышленный район – Силезию! Мы продвигались значительно южнее Варшавы. Стычек с выходящими из лесов фашистами было много, но немцы уже были не те, что под Москвой и Великими Луками. Если там они вели себя нагло и обещали после своей победы содрать с нас шкуру и натянуть на барабаны или загнать нас, как свиней, в свинарники. То теперь они добровольно сдавались в плен все чаще и чаще.

Частенько из кустов вылезали на полусогнутых ногах задрипанные фашисты с поднятыми руками и дрожащими голосами говорили: «Хитлэр капут, Сталин зер гут». Вот так-то произошло перевоспи-

тание солдат самой сильной и «непобедимой» армии мира.

Стреляли много перед Краковом. Мы оказались в северной стороне Кракова. Бой был сильный, но Краков мы прошли спокойно. Даже на несколько часов была остановка. Мы обнаружили большой подвал, заполненный кокой-то дезинфицирующей жидкостью, в который были помещены контейнеры-корзины с куриными яйцами. Одну такую корзину удалось достать. А вот одному местному поляку не повезло – он упал в подвал и захлебнулся.

В ограде дома, где мы остановились пообедать, лежало несколько бочек немецкой солярки. Хозяевам дома очень хотелось прибрать их себе, но побаивались и поэтому просили у нас эту «нафту», но им сказали, что она нужна танкистам и если они все же заберут эти бочки, то их будет судить трибунал за мародерство.

Между нами, поляками и местными немцами иногда складывались странные обстоятельства. Поляки выгоняли стариков-немцев из их домов, а нам стариков было жалко, и мы за них заступались. Поляков тоже можно понять, ведь именно немцы захватили эти земли у поляков и оккупировали их.

Когда мы у поляков что-либо спрашивали, они нам отвечали: «Шистко Герман забрал, троху товарищи» и ничего не отвечали толком, как бы не понимая.

Бедность в Польше ужасная. Фашистская оккупация довела их до крайности, но ветхие постройки и общий уклад жизни – это не от немцев, а от самих поляков. Их всегда, а особенно их антисоветскую и антирусскую армию Крайову всячески подкармливали и вооружали англичане. Эти поляки грабили наши трофейные склады. Были случаи, когда они нападали на наши обозы и даже эшелоны. Кроме того, они вели очень жесткую пропаганду среди населения Польши против нас.

За городом был сильный бой. Как потом оказалось, наше командование провело эту операцию с Краковом так, чтобы сохранить город от разрушения, и вообще старались сохранить всю промышленную Силезию. После Кракова мы повернули на северо-запад в сторону Котовиц. Прошли в нескольких километрах севернее Освенцима, там все дороги были забиты освобожденными узниками. Наши военнопленные и вообще «славяне» были страшно истощены и еле передвигались. Большим

контрастом оказалось состояние военнопленных американцев и англичан. Они хорошо одеты в военную форму, откормлены и бодры.

Американцы были общительными, а англичане на нас смотрели, как на дикарей, и отказывались от нашей каши. Конечно, наша каша только для таких, как мы. Все они несли какие-то посылочные ящики. В плену жили совсем в других, хорошо благоустроенных лагерях. Почему фашисты так обращались с ними? По-видимому, руководство Германии надеялось заключить сепаратный мир, ну и еще кое-что.

После взятия Котовиц мы остановились в пригороде в загородном доме врача. Сбегали вдвоем с Иваном Красильниковым в город и набрали, сколько могли унести, полную плащпалатку вина и пива. Вечером вместе с хозяевами отмечали освобождение города. Поляки были довольны. Все время говорили «Наздар» и «Еще Польша не сгинела». Ругали швабов. Похоже, рады освобождению от фашистов. Особенно патриотично высказывались бабка и 17-летняя девочка-студентка медицинского училища. Но поляки тоже разные. Богатые, бедные, рабочие, шахтеры, спекулянты, лавочники и т. д. В лесах были совет-

ские партизаны и поддерживаемые Англией партизаны из войска армии Андерса. После короткого отдыха снова вперед, теперь на Глейвице. При взятии города прямо по центральной улице подбита наша тридцатьчетверка. Говорят, что ее подбил фаустпатроном какой-то поляк, когда немцы уже драпанули. Продвигаемся очень быстро к Одру.

Ночевали мы, как правило, по-походному. Спать удавалось в сене или соломе. Но в соломе холодней. Конечно, зима в Польше и Германии не такая холодная, как у нас в Псковской, Калининской или Московской областях, а тем более в Сибири. Но все равно не тепло.

После Освенцима нас четверых: командира взвода управления, радиста с нашей рацией, разведчика-корректировщика и меня – телефониста, посадили на танк в колонне для лучшей связи с батареей. Мы проехали вдоль Одра с боями около пятидесяти километров. По передним машинам немцы стреляли из засады. Наши танки на повышенной скорости раздавили фашистские орудия, стреляя на ходу из пулеметов. Сама поездка на танке – страшный ужас. Из-под гусениц танков на тебя летит лед, снег, камни, палки, и кругом

сплошная копоть и грязь. Кроме того, из леса кто-то стрелял из автоматов и пулеметов. Мы особенно старались увидеть фаустников. Но нам повезло. Этот рейс был удачным. Потерь не было. Мы на своих железных конях далеко оторвались от артиллерийских обычных коней, и нас с танка сняли. Эту поездку я до сих пор вспоминаю и даже вижу во сне при заболевании.

Жизнь у танкистов в бою ничуть не легче, чем в пехоте. Только на «отдыхе» они находятся рядом со своим железным «домом».

После Калининского и Второго Прибалтийского фронта, где много озер, рек, речек, особенно болот, которые препятствовали широкому применению танков и тяжелой техники, здесь раздолье, огромные равнинные пространства. Но это только на первый взгляд. Просто наша промышленность обогнала всю немецкую индустрию и по качеству, и по количеству выпускаемой военной техники. Мы превосходили фашистов по всем параметрам, видам родов войск, а также по планированию военных операций и настрою на победу.

22 января нам объявили, что части 1-го Украинского фронта форсировали Одер и захватили пер-

вый плацдарм на немецкой территории в районе Опельна.

Через три дня и мы оказались за Одером, немного севернее Ратибора и значительно южнее Опельна. Наш плацдарм небольшой, километров 12 в длину и 8-10 в глубину. Напротив нас за немецкими окопами какие-то старые укрепления от первой мировой войны и населенные пункты Милленгрунд, Розенгрунд и Ланглибен.

Одер покрыт льдом. Я по нему дважды переходил, но с шестом и очень осторожно. Одер для Германии и Польши – большая река, а для нас что-то вроде нашей Берды.

Фашисты пытались нас сбросить с плацдарма, а мы в свою очередь пробуем расширить плацдарм. Наши саперы наводят новые переправы, в том числе опущенные под воду сантиметров на 10-15. А фрицы наши переправы взрывают. Нашим саперам в конце концов удалось обнаружить немецких подводных пловцов-аквалангистов, которые на своей территории в верховьях Одера опускались под воду с торпедами и закрепляли их на переправах. Сами уплывали дальше. Во время налета бомбардировщиков торпеды взрывались радиосигна-

лом. Были приняты какие-то меры. Переправы работали, но только для не самой тяжелой техники.

За все двадцать три дня Висло-Одерской операции мы ни разу не останавливались хотя бы на полсутки. И поэтому ни разу не пользовались телефонной проводной связью. На удивление, особенно мне, мы не потеряли в батарее ни одного человека. А в пехоте и у танкистов потери большие. Ведь мы преодолели семь хорошо подготовленных оборонительных рубежей противника.

Были случаи в соседних подразделениях, когда солдаты выпивали технический спирт, болели, а кое-кто неумеренный в питье погибал или слеп.

Некоторые люди сравнивают начало войны и ее конец, считая, что повернулось все наоборот. Я думаю, что это не так. В начале войны у фашистов была очень опытная мощная моторизованная армия, с большим количеством прекрасного и автоматического оружия. Молниеносные победы в Европе, а особенно над Польшей и Францией, подняли моральный дух армии очень высоко. Тем более, что официальная пропаганда Германии внушала своим гражданам их исключительность перед другими расами. Да и сам захватнический граби-

тельский характер войны обещал немцам большие материальные выгоды.

Для нас начало войны было все же неожиданным. У нас не было таких сплошных оборонительных рубежей (сооружений). Армия находилась в стадии перевооружения на более современное оружие. Репрессии в армии тоже подорвали ее боеспособность. Но главное – организационно и в моральном отношении мы оказались сильнее и выносливей.

После выхода на плацдарм мы остановились. С хода прорваться дальше не смогли. Навели проволочную телефонную связь. Нам заменили орудия на новые гаубицы М-30 122-миллиметровые на автомобильной тяге «Студебеккер».

Через три дня один «Студебеккер» был покалечен и отправлен на ремонт в тыл, а нам дали шесть лошадей. Орудие на конной тяге мы установили около наблюдательного пункта на прямую наводку.

Наблюдательный пункт оборудовали для командира пехотной роты на чердаке дома на хорошо обустроенном отдельном немецком хуторе-фольварке. Смотрим на немецкий передний край через щель чуть-чуть приподнятой черепицы. Народу

полно. Тут и наши телефонисты, радисты, коррективовщики-разведчики из нашей батареи. Да еще представители от авиации, каких-то артиллеристов резерва главного командования и от дивизиона «Катюш». Артиллерия потяжелей находится на восточном берегу, а «Катюши» переправлялись к нам на понтонах. Фольварк построен в форме прямоугольника. Все постройки по замкнутому прямоугольнику. Посередине большой двор с колодцем.

У фашистов оборона крепкая, да и мы уже не под Москвой, а на их немецкой территории. А зачем захватывают плацдарм за рекой, они знают не хуже нас и поэтому все время стараются нас с плацдарма сбросить.

Их артиллерия хорошо пристреляла наши позиции. Особенно нас «достают» зенитные автоматические орудия, снаряды из которых рвутся над нашими головами, осыпая всю площадь обстрела осколками. Наша батарея почти не стреляла несколько дней, потому что на орудие оставалось по три снаряда. Даже когда фрицы вытаскивали с нейтралки тракторами свой бомбардировщик, нам не разрешили открыть огонь. Снаряды берегли на самый сложный случай. Говорили, что эшелон с

нашими снарядами перехватили союзники – «партизаны» армии Андерса.

На пулеметы патронов хватало, поэтому я с «Мáксимом» надолго не расставался. Из-за больших потерь нам приходилось подбадривать пехоту. Раза три или четыре в неделю мы ночью выносили свои пулеметы ближе к пехоте на запасные позиции и как только немцы начинали стрелять, мы давали по ним короткие очереди сразу из всех своих четырех пулеметов. Это повторялось за ночь раза три. После такой стрельбы два пулемета отправлялось на батарею, а два возвращалось ближе к НП. Наших пехотинцев это воодушевляло, а фашистов «успокаивало». Приходилось стрелять и из ручного РПД, но осколок от зенитки ударил в задний край патронного диска и корпус пулемета, погнул ствол. РПД был выведен из строя. В мастерских его позже отремонтировали. А «Мáксим» работал четко. Его вес 70 кг.

Я до сих пор помню все его детали: ствол, щит, кожух, короб, шатун, мотыль, возвратная пружина, приемник, ползун, станок-катки, коробки с лентами.

Хоть мы и сибиряки и уральцы, но погода была зимняя. Поэтому мы утепляли свои окопы немец-

кими перинами. Исключительно тепло и удобно. В случае прямого попадания, а такое бывало не раз, образовывалось облако пуха, как салют по погибшим. После двух фронтовых зим мои суставы скрипели, как немазаная телега.

Политработники передают нам со связными и поварами боевые листки и блокноты агитаторов. Оказывается, за двадцать три дня мы натворили такого, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Наш 1-й Украинский фронт освободил территорию 500×500 км. Была освобождена вся Южная Польша с ее очень важным промышленным Силезским районом.

Наш фронт оказался в 100–150 км от фашистской столицы – Берлина. Было уничтожено более ста тысяч фашистских солдат. Около пятидесяти тысяч взято в плен. Захвачено пять тысяч орудий, три тысячи танков, более двухсот самолетов и очень много винтовок, автоматов, пулеметов, фаустпатронов, склады с боеприпасами и продуктами и т. д. Еще больший урон фашистам нанес 1-й Белорусский фронт. Он освободил площадь 700×500 км, подошел к Берлину на 60 км. Но эти два фронта поддерживались 2-м Белорусским маршала Советского

Союза К.К. Рокосовского, 4-м Украинским генерала армии И.Е. Петрова и 1-й армией войска Польского. Эти два фронта тоже успешно действовали, оберегая фланги основных фронтов и отбивая все попытки контратаковать.

На нашем плацдарме продолжались тяжелые бои. Фрицы иногда применяли и танки, но нам удалось их отбивать. Немецких самолетов было сравнительно мало. Когда они появлялись бомбить нас или переправы, то тут же появлялись наши истребители и, падая с высоты на большой скорости, сбивали фрицев или отгоняли от нас. За все время Висло-Одерской операции нашу батарею ни разу не бомбили. А мои страхи и некомфортность от звука моторов самолетов как-то сами собой развеялись.

На 2-м Прибалтийском фронте нас немцы бомбили сколько хотели и как хотели. наших истребителей было очень мало или они прилетали после бомбежки. Штурмовиков ИЛ-2 было много, но у них, как у летающих танков, свои задачи.

Потери в нашей батарее начались на плацдарме за Одером. Первым погиб мой друг Иван Красильников. Рядом с ним разорвался снаряд и большой осколок от него впился ему в правое бедро. Мы его

отправили в медсанбат, снабдив трофейными часами и прочими мелкими вещами. Но оказалось, что очень маленький осколок пробил ему мочевого пузыря. Ни мы, ни медики в суматохе и в крови этого не заметили. Он был до этого два раза ранен и говорил нам, что у него сильная боль в паху. Но мы этому не придали серьезного значения. На следующий день нам передали, что он умер.

Иван был из Ленинграда, года на три старше меня. Его отец погиб в Ленинградском ополчении, а мать и две сестры были убиты бомбой, попавшей прямо в их дом. Его нервная система была на пределе. При входе в любой дом он искал спирт, водку или спиртосодержащие лекарства, которые тут же употреблял. При длительных переходах мы с ним на слух играли в шахматы, но ни одной партии не доигрывали до конца. Обычно «срывался» первым он.

Как бы сложилась его судьба, если бы он остался жив? Наверное, так же, как и у многих израненных фронтовиков – спился бы или попал в психушку.

Потом оторвало ногу нашему командиру взвода управления. Потом тяжело ранило командира дивизиона прямо во дворе фольварка. Его чуть не

задавил ординарец, прикрывая своим телом командира, когда обстрел уже прекратился. То ли это со страха, то ли в погоне за наградой при спасении командира! Произошла полная смена всех офицеров.

Потом погибли сразу несколько человек из нашего взвода управления и расчета орудия, стоявшего рядом с НП на прямой наводке. Мы ночью отдыхали в землянке. На трубке в окопе сидел один телефонист и около орудия дежурил артиллерист из расчета.

Немцы произвели минометный налет. Наш провод оборвало. Я побежал на порыв, так у нас полагось по неписанному закону. Пробежал по проводу метров четыреста, обнаружил обрыв, соединил его и стал прозванивать, включившись аппаратом в линию.

Батарея ответила, а НП нет. Вернулся на НП, а там лежат убитые все наши парни. Оказывается, после минометного обстрела группа немецких разведчиков ворвалась к нам. Одного взяли в плен, а остальных перебили. В плен попал солдат лет сорока пяти – коми-пермяк по национальности, говорил по-русски плохо, но все понимал. Солдатом он

был героическим – коммунистом, награжденным орденом Красной Звезды. В начале Берлинской операции его вызволили из сарая, куда его посадили фашисты. Видимо, и фашисты стали меньше злобствовать.

Взамен погибших прислали пополнение с 1927-го года рождения – совсем ребятишки, как мы в свое время в 1943 году.

Несмотря на потери и замену всего офицерского состава, батарея не потеряла своей боеспособности. Произошли некоторые перестановки, но орудия и пулеметы трудятся, как и прежде. Есть непрерывная связь. Вот это, пожалуй, и означает, что мы научились воевать. Пополнение повышает свою квалификацию. Батарея 122-миллиметровых орудий работает, как хорошо отлаженный механизм.

Один раз мы с моим командиром отделения Иваном Махаевым возвращались с переднего края на командный пункт (КП) с катушками и аппаратом и оказались в кольце окружаемого немцами штаба пехотного полка. Боеприпасов у нас было достаточно, поэтому мы отбивались вместе со штабниками из вполне приличного кирпичного дома.

С помощью подоспевшего подкрепления мы к утру отбили эту вылазку фашистов. Все обошлось благополучно. Оказывается, этот дом принадлежал фронтовому немецкому генералу. Его молодая жена вышла к нам из подпольного бетонного подвала с ребенком на руках, представилась и на ломаном русском языке попросила не убивать женщин и детей, которые прятались у нее в подвале. Мы их и не трогали. Во-первых, потому что мы отходчивы, а во-вторых, были очень строгие приказы командования о хорошем обращении с мирным населением.

А все же, зачем они учили русский язык? Уж очень сильно им хотелось стать колонистами в России. А как их солдаты вели себя на нашей территории? Мы воюем с фашизмом, а не с женщинами, детьми и стариками. Тем более, что некоторые наши политические деятели считали самым революционным народом рабочий класс Германии, который может совершать мировую пролетарскую революцию.

На батарее нас потеряли и записали в без вести пропавшие, т. е. либо дезертировавшие, либо сдавшиеся в плен, либо погибшие и засыпанные в

окопах. Когда мы утром пришли на КП батареи, то нас начали допрашивать, где мы были и что делали. Причем появился какой-то деятель из «Смерша» и очень жестко взялся за нас. Пришлось обратиться в штаб пехотного полка за свидетелями. Хорошо, что такие нашлись, подписались под какой-то бумагой.

Для нас все обошлось благополучно. Это было третье мое окружение, из которого удалось снова удачно выйти.

Перед плацдармом за Одером наши батарейные интенданты затрофеили пару очень красивых белых коней, запряженных в шикарную карету. На ней к нам по ночам подвозили боеприпасы, воду и пищу. Разок и мне удалось прокатиться в этой карете по-княжески, а может быть, как барон! К сожалению, карета на плацдарме попала под артоналет и лошади погибли. Мы о них грустили, как о своих погибших товарищах.

В последние дни перед Верхне-Силезской операцией фашисты предприняли очень мощную попытку выбросить нас за Одер. В центре наступала женская эсэсовская дивизия, а справа от нас вдоль берега Одера пытался пробиться в наши тылы

офицерский штрафной батальон. После сильной артподготовки фашисты выскакивали в полный рост на расстоянии друг от друга метров по пятнадцать и, непрерывно стреляя, шли на окопы нашей пехоты. Их поддерживали зенитчики и обычная артиллерия. Цепи фашистов шли одна за другой метрах в двадцати друг от друга. Наша пехота отстреливалась. Я стрелял из «Максима», но расстояние было большое, а фрицы все выходили и выходили из своих траншей. Все это походило на психическую атаку.

Наше орудие было в капонири и направлено на юго-запад, а атака фашистов – на северо-западе. Орудие весит две с половиной тонны. Нам его пришлось разворачивать на девяносто градусов вправо. При такой психической нагрузке мы орудие развернули. В обычной обстановке это нам вряд ли удалось бы. Есть такая присказка. Бабка во время пожара вытащила из квартиры свой «танковый» шкаф. Когда пожар потушили и с бабкиной квартирой все обошлось благополучно, этот шкаф обратно еле затащили четверо мужиков-грузчиков.

Первые наши окопы они взяли. Ни один наш солдат не выскочил удирать, все погибли, а ведь до

конца войны оставалось чуть больше месяца. Вот кому надо было давать звание Героя Советского Союза посмертно.

В это время оборвалась наша связь. Я схватил телефонный аппарат и побежал по проводу. Немцы били из зениток, стреляли снайперы и пехотинцы. Но ведь связь была очень нужна именно сейчас. Пришлось бежать. На бугре обнаружил четыре оборванных снарядом провода и все из немецкого трофейного кабеля. Схватил первый попавшийся, залез в воронку, оголил концы и соединил. Подсоединил аппарат и услышал с другого конца голос от дивизиона «Катюш», сказал командиру батареи, что сейчас найду свой провод, но он обругал меня и велел держать этот провод, пока он не даст команду. Оказывается, на НП был корректировщик от дивизиона «Катюш». Он быстро связался со своими, и они дали залп по наступающим фрицам, их окопам и ближним тылам. Залп был очень удачным. Их атака захлебнулась. После этого я нашел все остальные концы, соединил их и вернулся на НП. Меня представили к офицерскому ордену Красной Звезды.

2. От Одера до Эльбы. Верхне-Силезская, Берлинская, Пражская операции. Конец войне. Победа

*Посвящаю моим побратимам-артиллеристам,
в том числе моим однополчанам
из 934-го Краснознаменного Рижского
артиллерийского полка*

Нам подвезли снаряды и боеприпасы и мы участвовали в Верхне-Силезской операции. По существу она явилась продолжением Висло-Одерской и проходила с 15 по 31 марта. За это время наш левый (южный) фланг 1-го Украинского фронта окружил и уничтожил несколько дивизий фашистов. Были взяты города Рыбник и Ратибор. Но нас все время атаковали немецкие части, которые подтягивались из Чехословакии. В нашей пехоте были большие потери. Фашистов отбивала в основном артиллерия. Пришлось увидеть такую картину. По немецкому доту стреляет 76-миллиметровая пушка, а доту хоть бы что. Оказывается, это только пристрелка, а основной выстрел делает орудие крупного калибра, поставленное на прямую наводку. Всего один выстрел из 203-миллиметрового орудия – и дота нет.

Наши батарейные расчеты пулеметов «Мáксим» все чаще отправляют для поддержания пехоты. Пехотинцев мало, пополнения нет. «Солдатское радио», а такое всегда есть, передает, что подтягиваются хорошо отдохнувшие и пополненные личным составом части. Эти части и готовят для взятия Берлина, а нам отводят роль помощников, оберегающих левый фланг. Так потом и получилось.

Почему-то нам не дали танков сопровождения, а без них воевать пехоте очень трудно. Мы немного продвинулись и улучшили свои позиции, но приличного успеха не имели. В Верхне-Силезской операции кроме обычных армейских частей против нас воевали танковые дивизии «Охрана Гитлера», «Герман Геринг», моторизованная дивизия «Брандербург» и различные части СС, включая «Гитлер Югенд» и «Фолькштурм». Много было фаустников. Началась подготовка к Берлинской операции. Настроение боевое. Близится конец войны. Политработники развили бурную деятельность. Объясняют состояние дел на наших фронтах и у союзников.

Уйма всяких боевых листовок и листовок. Накапливаются боеприпасы и техника. Сверху нас хорошо охраняют истребители по методу А.И. По-

крышкина. Все гениальное очень просто. Наши истребители идут на трех или двух разных высотах — это «этажерка» Покрышкина. Нижние завязывают бой, а верхние с возрастающей при падении скоростью атакуют, заходят в хвост к фашисту, дают залп и снова уходят вверх по принципу маятника. Другой фашист нашего летчика догнать не может, у него скорость значительно ниже, а наш опять на высоте, и снова «соколиный» удар. Кажется, все очень просто и по законам физики. Надо только быть асом, выносить огромные перегрузки и идеально ориентироваться в воздухе и за долю секунды дать точную очередь из всех видов оружия.

Все наши ближние тылы забиты танками и артиллерией, есть и макеты этой техники для обмана противника. Везде лозунги «Добьем фашиста в его собственной берлоге», «На Берлин», «Победа за нами». А фашисты все равно продолжают бросать листовки с угрозой применения нового оружия и союза с Англией и Америкой. И, как ни странно, предлагают сдаваться или переходить на их сторону. Иногда на ломаном русском языке нам кричат: «Рус, переходи на наша сторона, будешь кушать белый булька!» и на штыке из окопа показывают

кусок булки. Такая система агитации была и на 2-м Прибалтийском фронте. Удивительная сила пропаганды. Ведь, кажется, уже все ими проиграно, мы около Берлина, а они все еще верят в неожиданное чудо новой техники и свою победу.

Только после сокрушительных поражений под Москвой, Сталинградом, Курском некоторые немцы начали сомневаться в правоте Гитлера. И все равно они упорно сопротивлялись до самого последнего боя, надеясь то на новое оружие, то на союз с Англией и Америкой. Верили в свое расовое превосходство до конца. Высшая раса со вседозволенностью и победами... Это их завораживает. Вот что значит теория высшей расы и избранного богом и природой народа. Расставаться с этим идеалом им не хотелось.

Берлинская операция началась артподготовкой с дымовыми завесами 16 апреля. Наша дивизия продвигалась с боями по северным склонам Судецких гор. Эта местность напоминает южную часть нашего Маслянинского района и предгорий Салаирского кряжа. Такая же красота и такой же чистый воздух. Там граница между Польшей, Германией и Чехословакией такая извилистая, что мы не всегда понимали, где находимся – в Польше, Германии

или Чехословакии. Правда, было заметно, что чехи к нам относятся очень дружелюбно. Угощают, говорят какие-то приветствия, улыбаются, обнимают.

Но часто бои велись с выходящими из лесов фашистскими побитыми частями. Вот где срочно требовались пулеметы. Пулемет «Мáксим» – оборонительный и очень тяжелый, но у него отличный и дальний бой до 3,5 км. На расстоянии 100 метров от ствола он вкладывает в каждый метр две пули за счет реакции от поворота пули в стволе. Опытные пулеметчики стреляют короткими очередями, особенно удачно, если в ленте есть несколько патронов с трассирующими пулями.

При перезаряжении лент пулеметчик отвлекается от поля боя и может быть легко подстрелен.

Когда в кино смотришь, как какой-нибудь «красавец» бежит с «Мáксимом» через окопы и держит его за хобот, то становится как-то не по себе. Пулемет стальной, а не из поролона или папье-маше и весит он 70 кг.

Командиры нам сообщали, что правее нас в прорыв вошли две танковые армии и идут южнее Берлина на запад. Нас предупреждали о готовящемся контрударе фашистов с юга, т. е. на нас.

В Чехословакии находилась мощная военная группировка численностью около двух миллионов со всей военной техникой, и она могла в любой момент выступить в помощь Берлину.

Направление нашей 59-й армии Дрезденское, точнее, южнее Дрездена. Наша главная задача – продвигаясь вперед, ожидать и постараться отбить любой контрудар с юга.

И действительно, 23 апреля более ста танков и несколько пехотных дивизий и приданные им части ударили с юга в стык между нами и 2-й Польской армией. Поляки не выдержали. Немцы ворвались в их тылы и продвигались к Берлину, пытаются освободить свои окруженные группировки. Наше командование бросило на выручку резервный танковый корпус, который вместе с нами – артиллеристами – эту фашистскую группировку разгромил.

В это время на Берлинском направлении наши войска прорвали внешнее кольцо обороны, ворвались во внутреннее, замкнули двойное кольцо окружения вокруг Берлина, начали уличные бои в самом Берлине. Уличные бои, тем более в столице Германии, всегда очень тяжелые. Кроме того, были

окружены две большие группировки: в Бреслау – целая армия и две потрепанные армии в районе Буххольц и других населенных пунктах. Была еще окруженная группировка в Прибалтике.

Так было и здесь. Из боевых листков и со слов командиров мы узнали, что в это время на 2-м Белорусском фронте были безуспешные попытки фрицев контратаковать их большими силами.

События и бои развиваются настолько быстро и стремительно, что наши политработники не успевают снабжать нас новой информацией. Какие-то части 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов вышли на Эльбу для встречи с союзниками. «Солдатское радио» передает, что там не везде все благополучно.

Нас порадовал приказ Верховного Главнокомандующего о награждении дивизии орденом Боевого Красного Знамени. Теперь мы стали Краснознаменной Режицко-Валгинской 245-й стрелковой дивизией. Наступление продолжалось, но самые сложные события были севернее нас.

При встрече с союзниками на Эльбе были стычки, в том числе и артиллерийские. Объяснялось это путаницей и случайными недоразумениями. По-

видимому, союзники прощупывали нашу боеготовность. Были и воздушные провокации. Была договоренность на высшем уровне об использовании наших аэродромов для челночных перелетов самолетов союзников.

Они летели со своих аэродромов, бомбили немцев, прилетали на наши аэродромы, заправлялись горючим и боеприпасами, проходили техническое обслуживание и летели обратно, снова бомбили и возвращались на свой аэродром.

Бомбили они с большой высоты по площадям, а на нас опускались как при пикировании. Самолеты огромные. Воздух трепетал и все вибрировало. Обычно летали группы по двадцать-пятьдесят тяжелых бомбардировщиков. Иногда и больше. Такого количества и таких крупных самолетов нам до этого видеть не приходилось.

Маневр явно походил на устрашение. Солдаты говорили: «Не дай бог попасть под такую бомбежку».

Нам рассказали, что был случай, когда союзники разбомбили наш аэродром и командный пункт. Погибли наши солдаты, офицеры и генералы. Союзникам сигналили по-всякому, но они не обраца-

ли внимания. Тогда вылетели наши истребители и сбили несколько летающих крепостей. Вроде бы, Кожедуб сбил три из них. Одним словом, проверка боем состоялась.

Нас удивляла выборность бомбежек нашими союзниками. Некоторые обычные гражданские населенные пункты были сметены с лица земли «ковровыми» ударами. А на территорию некоторых заводов с дымящимися трубами не упала ни одна бомба союзников. Все оказалось просто – эти предприятия принадлежали английским, а иногда и американским компаниям. Но работали они на фашистскую армию против нас и производили оружие и боеприпасы для фашистов.

На воротах таких предприятий появились надписи «Собственность Великобритании» или «Собственность Соединенных Штатов Америки».

Мы медленно продвигались на запад. Дошли до города Наход и населенного пункта Чешска-Чермна в Чехословакии. К сожалению, я ни в одном крупном городе Чехословакии и Германии не был. Солдат не турист. Его местопребывание определяет командир.

3. Курсы младших лейтенантов. Пулеметный взвод Возвращение на Родину. Майданек

28 апреля меня прямо с переднего края, от «Мáксима», вызвали в штаб дивизиона. Штаб располагался в старинном замке. Новые командиры дивизиона и нашей батареи сидели в красивых креслах и пили вино. Угостили меня... и начали объяснять обстановку. Наши две танковые армии уже юго-западнее Берлина, война скоро может кончиться, если нам не напакомят союзники. Англичане и американцы разоружают фашистов, помещают их в свои же казармы и тут же складировуют трофейное оружие. Чтобы их привести в полное боевое, достаточно только команды свыше. Немцы – народ дисциплинированный и пунктуальный... Кроме того, немецкие части, которые находятся в нашем тылу, стараются попасть к союзникам, а не в Сибирь. Поэтому они нам не сдаются, а стараются уйти на запад. Я, кажется, все понял. Тем более, что среди солдат такие разговоры были – потребуется ли нам идти до Гибралтара? Но я ждал, зачем же меня вызвали с передовой? Коман-

дир дивизиона встал и сказал, что я приказом командира дивизии направляюсь на курсы младших лейтенантов, с чем меня и поздравляет.

Для меня это было новостью и вызвало какую-то растерянность. Я спросил, а нельзя ли остаться в части. На что был ответ: «Тебе оказывают большую честь стать офицером, а в случае невыполнения приказа будет штрафная рота». Пришлось согласиться. Направили в штаб полка, а там меня ждал еще один солдат.

Нас отвезли в северном направлении ближе к Дрездену и поместили в бывшие казармы. Всего оказалось 90 человек, т. е. три взвода – два пехотных и один станковых пулеметов. Все повоевавшие и побывавшие в медсанбатах. Как сказал новый старшина – вы везучие солдаты, такие взводные и нужны на переднем крае. А то один-два боя – и взводного нет: убили или ранили. Вечером нас переодели в приличное б/у и обули в сапоги с новыми портянками, завели в комнату с прибранными кроватями. Впервые после обмоток я надел сапоги. Меня назначили во взвод станковых пулеметов. Во взводе тридцать человек, семь «Мáксимов» и один – Горюнова. Станковый пулемет Горюнова –

это модифицированный «Мáксим»: станок от «Мáксима», казенная часть тоже похожа на «Мáксима», но ствол воздушного охлаждения и лента металлическая. Ствол легко снимается нажатием кнопки и заменяется запасным. Обстановка необычная.

Спалось очень хорошо, в нижнем белье и на белых простынях. Такого со мной не было на фронте ни разу. Утром подъем, физзарядка. Все, как в глубоком тылу. После физзарядки умывание в небольшом прозрачном ручейке шириной метра четыре. Через ручей положены мостики без перил. Мы умываемся с мостков, а в ручье на дне валяется штук сорок немецких винтовок. Рядом здание собора.

Местные жители нам рассказали, что после молитвы и проповеди солдаты бросили оружие в ручей, переделались в гражданское и разбежались кто куда. Вот когда на них подействовала наша агитация. Утром подъем, физзарядка и строем в столовую.

После столовой построение. Начальник курсов полковник, командир батальона капитан и старшина роты – все из раненных фронтовиков. Позанимались строевой подготовкой. Строй плохой. Все мирное забылось. Занятия в классе с материальной частью. Пулеметы действующие, в приличном бое-

вом состоянии. Нас распределили по три-четыре курсанта на пулемет.

Строим на обед. Все, как в мирное время – даже удивительно и непривычно. Похоже, что все тыловые и штабные военнослужащие воюют и живут именно так. А как было с нами?!

После обеда нас построили по тревоге в полном боевом. Подогнали четыре трофейных машины. Погрузили по два пулемета с расчетами и боеприпасами в кузова и повезли на запад километров на двадцать.

Выгрузили около какой-то узкой тропы, указали место, где кому окопаться, и приказали ждать дальнейших указаний и проверить и дозарядить пулеметные ленты.

В этой засаде мы просидели впустую два дня. Неподалеку от нас окопалась пехота. На третий день на тропе появилась небольшая группа фрицев. Мы им предложили сдаться, но они залегли и начали стрелять. Мы ответили всеми своими пулеметами. Они подняли белую тряпку и сдались. Разоружила их пехота. Как потом оказалось, эта группа фашистов шла впереди основной колонны и, обнаружив себя, дала знать остальным о нашей мощной

засаде. Вся остальная колонна бой не приняла и ушла куда-то в сторону. Двоих наших курсантов «царапнуло» осколками разрывных пуль.

Потом нас перебрасывали на другие тропы, куда подъехать на машинах было нельзя. Пулеметы тащили на себе в разобранном виде. Катки-станок весом 34 килограмма накладываются на скатку шинели на плечи «хоботом» вперед. Тело пулемета, которое весит 26 килограммов, приходится нести другому пулеметчику на плече. Коробки с патронами и щиток весят примерно по 10 килограммов.

Мы продолжали воевать. Дивизии левого фланга медленно продвигались на запад юго-восточнее Дрездена.

2 мая 1945 года фашисты начали сдаваться в Берлине. Берлин был взят. Гитлер покончил с собой. Большую часть города взяли войска 1-го Белорусского фронта. Но у нашего 1-го Украинского фронта сразу же возникла задача по освобождению Праги и Чехословакии, где поднялось народное восстание.

Гитлеровцы готовились Прагу «задавить», и восставшим требовалась срочная помощь. Так для нас Берлинская операция переросла в Пражскую и

Чехословацкую. Мы двигались в сторону Праги, но основные силы нашего фронта шли туда из Берлина через Дрезден и западнее него.

Германия капитулировала. Наши танки вóвремя помогли Праге. Чехословакия была тоже освобождена. Но некоторые фашистские части не подчинились приказу о капитуляции и пытались уйти в западную часть Германии. Для нас война продолжалась еще несколько дней, но вскоре нас подменили и убрали из засады.

12 мая мы вернулись в казармы. Нам крупно повезло. Мы остались живы. Мы победили. А вот салютовать, как следует, нам 9 мая не пришлось. Нас хорошо встретили, накормили, сводили в баню, сменили белье. На следующий день было торжественное построение. Мы прошли мимо трибуны строевым не очень четким шагом. Начальник курсов поздравил нас с Победой. Были короткие речи перед строем. Мы дружно кричали «Ура!». Настроение было самое приподнятое.

Нас поблагодарили и сказали, что мы прошли испытательный срок и все зачислены курсантами.

После парада и торжества нас строем, как положено, повели в столовую. Столовую изнутри мы

не узнали. Она вся была в лозунгах, знаменах и портретах. Между солдатскими столами и раздаточными окнами стоял длинный стол, накрытый красной материей.

Когда мы сели, вошли офицеры. На столах кроме пищи появились кружки и в них по 50 граммов разведенного спирта.

Первое слово произнес полковник из политотдела армии. Он поздравил с Победой нас и наших союзников. Мы трижды прокричали «Ура!» Столовая вся задрезжалась и чуть не развалилась. Выпили и закусили.

Потом выступил очень кратко наш начальник курсов. В это время дежурные солдаты разлили еще по 50 граммов. Полковник предложил всем встать и выпить за тех, кто не дождался Победы.

Выпили молча, не чокаясь, по-христиански. Обед был вкусный и почти удвоенный. Наелись досыта, хотя у всех был прекрасный аппетит. Мы в любое время дня и ночи могли принять вторую норму. Отдыхали в пределах территории наших курсов.

К вечеру некоторые курсанты оказались хорошо поддавшими. Командиры «удивлялись» слабости

этих курсантов, но никаких репрессий не применяли. Мы разгуливали, выдвигали какие-то упражнения на спортивных снарядах. Впервые за всю войну расслабились. Было как-то радостно, но неспокойно.

Думали, что нас ждет впереди. Говорили о дальнейшей жизни, учебе и о том, как себя ведут наши союзники. Говорили, что не придется ли нам идти до Гибралтара и поддержат ли нас партизаны Франции и Италии, если капиталисты сговорятся и пойдут на нас. На этом торжество закончилось.

Начались занятия по полной ускоренной программе.

Частенько слышна ружейно-пулеметная стрельба, взрывы гранат и даже снарядов и мин. Еще не все фрицы ушли на Запад. Значит, война еще для кое-кого продолжается.

Иногда около нас появляются на автомобилях американцы. Они добродушные, но все что-то пытаются найти или обменять. Одним словом, делают свой бизнес. Нам это кажется очень странным и непонятным. Нас удивляло и большое количество наград у англичан и американцев. Где они сумели так отличиться по сравнению с нами? Просто у

них, оказывается, другая наградная система. Их командиры обязаны награждать подчиненных за участие в боевых операциях.

Мирное немецкое население ведет себя спокойно. В Германии очень большая плотность населения по сравнению с нами. Часто один населенный пункт сразу же переходит в другой. Жизненного пространства маловато, но на вечную мерзлоту они тоже переезжать не хотят.

Домики однотипные, из красного кирпича. Крыша закрыта красной кирпичной черепицей, каждый склон двойной, под мансарду. Стены мансарды собраны из древесной стружки, скрепленной строительным гипсом-алебастром. Под каждым домом бетонное подполье – бомбоубежище. Ограда выполнена из панцирной сетки на бетонных столбиках. Входные дорожки сделаны из бетонных плит.

Немцы очень аккуратные, пунктуальные и трудолюбивые. Землю пахут округлыми продольными валами для увеличения площади и задержания воды от дождя.

Овощи и любые продукты консервируют сами. Довоевались – все у них на пределе бедности.

А вот крупный рогатый скот и свиньи – просто загляденье. Чистые, опрятные и очень красивые. Свиньи очень жирные. На них сало толщиной 10–15 см, причем с мясными прослойками – так специально кормят.

В Германии по обочинам дорог растут культурные деревья: вишня, черешня, яблони, груши, ягодные кустарники. Все церковные и кладбищенские оградки выполнены из хорошо и ровно подстриженных акаций и других декоративных кустов.

Население быстро сообразило, что мы их не собираемся обижать и поэтому чуть-что – бегут с жалобой в нашу комендатуру. Быстро забыли, как зверствовали их солдаты на нашей территории и как обращались они с нашими военнопленными.

Через три недели нас перевели в пригород Бреслау, в чудом сохранившийся военный городок. В нем все разбросано и перебито. Водопроводные, тепловые и канализационные колодцы забиты трупами лошадей.

Нас поместили в отдельную казарму. По видимому, в ней располагались какие-то специальные подразделения. В подвалах валяется много оружия и особенно каких-то кинжалов самых раз-

ных форм и веса. На рукоятках орел со свастикой в лапах. Оружейная пирамида расположена в стене и закрывается на замок. Для каждого отделения своя комната.

Двое суток наводим порядок в казарме. Наша комендатура вместе с немецкими активистами организовала местное население на уборку территории и колодцев. Оружие увезли наши трофейщики.

Каждый день наш старшина ходит с дневальным по казарме и забирает из под наших матрацев все лишнее, особенно ножи.

Нам выдали еще одну парадную форму из очень приличной трофейной ткани. Эта форма не дотягивала до офицерской, но была значительно лучше и удобней обычной солдатской.

После долгих месяцев постоянного физического и психического перенапряжения наступило какое-то расслабление и все мое тело, особенно шея, покрылось чирьями. Положили меня в стационар санчасти. Делали уколы, давали таблетки, но главным лекарством было доброе отношение медперсонала.

Через десять дней все зажило и меня выписали на занятия. Больше всего работаем с пулеметами. Много политзанятий. Изучаем топографию, мин-

ное дело, основы артиллерии и конкретно – сорокопятку.

Физкультурой увлекаемся и на занятиях, и в свободное время. Накачиваем мышцы. Тренируемся на выносливость. Построили пятиметровую вышку с лестницей и ямой, заполненной опилками. Вначале прыгали с этой вышки утром во время физзарядки. Потом стали прыгать днем с автоматом и вещмешком. При приземлении автомат бьет в подбородок и по зубам. На третий день двое курсантов подвернули ноги и попали в госпиталь. Вышку отменили.

Я узнал, что на курсах есть взвод связистов, и обратился к начальнику курсов с просьбой перевести меня в этот взвод. Мотивируя тем, что я учился в техникуме связи и вышел на диплом, учился в Киевском военном училище связи и почти весь фронт был телефонистом.

Начальник курсов жил в отдельном домике и стоял во дворе, наблюдая, как дерутся два петуха. Настроение у него было хорошее. Я попросил разрешения обратиться и подал ему рапорт. Он прочитал, спокойно дал команду «Кругом», положил сзади на мое плечо блокнот, на него мой рапорт, написал «Ни» и сказал «Нельзя».

Как оказалось, этот взвод был сформирован из командиров-связистов Красной Армии, попавших в плен ранеными. Их направили на переподготовку и вскоре выпустили младшими лейтенантами Советской Армии. Двое получили звание лейтенанта, один из которых до плена был капитаном.

Один раз во время пеших строевых занятий над нами очень низко пролетел немецкий бомбардировщик со свастикой на крыльях и как-то очень неаккуратно сел примерно в километре от нас. Началась какая-то беспорядочная запоздалая стрельба, но вскоре затихла. Говорили, что это из английской зоны сбежали наши бывшие военнопленные.

Был такой курьезный случай. В помещении немецкого госпиталя остались несколько раненых немцев. Их поместили на один этаж, а на все другие этажи положили наших раненых. Среди наших раненых нашлись такие, которые решили отомстить раненым немцам. Возможно, и кто-то из немцев вел себя некорректно. Завязалась потасовка. Немцы вынуждены были забаррикадироваться, а наши раздухарились и начали все крушить от обиды. Одним словом, стали дебоширить.

Медперсонал их остановить не смог. Нас подняли по тревоге, построили с оружием, выдали патроны и направили к госпиталю. Расставили вокруг всего госпиталя на виду у всех раненых. Подъехал какой-то полковник с переводчиком. В рупор-усилитель всех раненых предупредили на русском и немецком языках, что если не прекратят дебош и не откроют двери, то зачинщики будут расстреляны. Раненым командирам был дан приказ навести порядок, десять минут на раздумье.

Почти сразу немцы вывесили белый флаг, а минут через пять открылось окно и наши раненые сказали, что все в порядке, все утихомирились и можно входить.

Полковник пошел в госпиталь с переводчиком и пятью автоматчиками. Все обошлось благополучно. Подогнали санитарные машины и всех немцев увезли куда-то в другое здание. Что было с нашими «активистами», я не знаю. Понятно одно, что среди раненых есть психи, бывшие зэки и просто люди со взвинченными нервами. Одним словом, только что раненные в бою. Это особая категория солдат.

А мы продолжаем занятия. Все наши преподаватели и командиры бывали в боях, имели ранения

и после госпиталей были направлены на службу на курсы.

Особенно нас натаскивают на материальную часть пулеметов да и другого оружия, а вот практической стрельбы мало.

Нам давали строгую установку на то, чтобы мы руководили боем, могли вовремя исправить или устранить небольшие неполадки и только в самом крайнем случае браться самому за гашетки, превращаясь из командира в обычного пулеметчика. Я с этим был вполне согласен. Тем более мне пришлось частенько наблюдать, как пехотный взводный, из таких же как мы курсантов, увлекался боем, выскакивал вперед, кричал «За мной!» и погибал. Взвод оставался без командира. А хороших стрелков и снайперов у немцев было много. Не просто так они захватили всю Европу, да и нам от них досталось с лихвой.

Дисциплина у нас очень строгая, продолжаем заниматься по ускоренным программам военного времени. Уже привыкли.

Был показательный суд. Судили старшего сержанта из какой-то части за мародерство. На суде кроме нас и солдат других частей были представи-

тели-активисты поляки и немцы. Подсудимый пробовал оправдаться тем, что немцы на нашей территории не стеснялись и что в войну он был нужен, а теперь победили и его можно судить? После выступления прокурора о том, что мы пришли как освободители, а не оккупанты, парень сник, покался и получил свои десять лет. Наука другим.

Около нашей кухни и хозчасти «крутился» один фриц. У него не было одной ноги и поэтому его отпустили из нашего плена домой. Он был очень трудолюбивым и аккуратным. Говорил на ломаном русском языке, частенько для красоты применяя нелитературную лексику. Кормиться-то им чем-то было нужно после такого поражения и разгрома.

Я его спросил, почему они выбрали Гитлера. Он подумал и ответил, что немцы любят свои семьи и труд. Они побастовали, чего-то добились и пошли работать на свои предприятия. А оказалось, что эти предприятия уже принадлежат американцам, англичанам и французам. И идет очень строгий отбор на новые рабочие места в ограниченном количестве. Семьи надо кормить, а работы нет. Гитлер пообещал всем достойную работу, порядок, ограничение власти иностранцев и национал-социализм.

С 1933 по 1939 годы в Германии решили вопрос с безработицей и жильем. А главное, возвысили авторитет и самолюбие немцев-арийцев до уровня высшей и исключительной расы. Несогласных посадили в тюрьмы и концлагеря или уничтожили. После легких побед в Европе и в начале войны с СССР Гитлера боготворили. Усиленно учили русский язык. Из оккупированных территорий везли посылки, скот, зерно, уголь, плодородную землю и рабочих. Это многим немцам нравилось.

Прошло четыре месяца с половиной, а наш выпуск затягивается. Нас переодели во все новое. Выдали полевые сумки, обули в приличные сапоги. Но приказа о присвоении нам офицерских званий нет. Занимаемся еще месяц. И вдруг приезжает строгая медицинская комиссия для отбора нас во Фрунзенское пехотное училище. Когда стали вращать на специальном стуле, то некоторые курсанты не выдержали и потеряли равновесие – последствия контузий. Среди них оказался и я. Нам объяснили, что армия оснащается бронетехникой и мы не сможем по состоянию здоровья стать офицерами мирного времени. А вот для службы солдатами и сержантами мы вполне пригодны. Все, кто про-

шел комиссию, уехали во Фрунзе. А нас, кто не прошел, направили в 173-й армейский запасной полк 59-й армии, а затем в Западную Украину, на место новой дислокации нашей армии. Мне присвоили звание младшего сержанта.

В это время наша армия резко сокращалась. Демобилизовывались солдаты старших возрастов по ранениям и имеющие высшее гражданское образование.

Совершенно случайно встретил на железнодорожном вокзале ефрейтора Турова. Он ехал домой для демобилизации. За плечами большой вещмешок и как всегда бодрое настроение. Оба были рады встрече. Мы с ним не виделись после боев под Ригой. Он был моим первым и главным фронтовым наставником. Благодаря его житейскому и фронтовому опыту я оказался среди победителей, остался живым и оптимистично настроенным. Говорили недолго. Началась погрузка в их эшелон. Рассказал ему о курсах младших лейтенантов и о медкомиссии. Он сказал, что ничего страшного нет. «Ведь многие погибли или тяжело ранены, а ты остался жив. Демобилизуешься и будешь учиться на гражданке. Самое главное “держать хвост пистолетом”».

У меня шестеро ребятишек, приеду домой, еще шестерых закажу». Вот такими людьми ковалась победа. Вот на таких людях стояло наше государство.

В запасной полк приняли двадцать тысяч наших освобожденных военнопленных для отправки на Родину. Репатриантов распределили по взводам и ротам. Меня назначили помощником командира взвода. Все офицеры были из подлеченных фронтовиков – одним словом, запасники.

За каждой ротой была закреплена походная кухня. На взвод выдана одна винтовка с десятью патронами. Мы отдыхали и усиленно подкармливали репатриантов. Многие из них были сильно истощенными. Через два дня объявили, что железная дорога перегружена военной техникой и оборудованием немецких заводов, взятых нами как репарации. И поэтому нам нужно идти на Родину пешком. Мы пошли. Шли колоннами, но простым свободным шагом.

Останавливались на привалы и обед. За сутки проходили километров по двадцать. На ночь останавливались около населенных пунктов. Общались с поляками, которых интересовала в основном мелкая коммерция.

Поляки от нас сильно отличались по поведению. Видимо, сказалось такое промежуточное положение Польши. То подкармливают, то бьют. Фашистская оккупация и лагеря смерти, конечно, давили на психику. Надо было как-то выживать. Ведь каждый четвертый поляк погиб.

Булка хлеба стоила двадцать злотых. Большой белый батон – сорок злотых. Вечером на ночевках к нам подходили мужчины – паны-сутенеры. Приговаривали «спивать дарма – болит гарло. Предлагали матку-женщину – жену – за двадцать злотых, а цурку – дочь-девушку – за сорок злотых. У нас не было денег, да и мы относились к этому брезгливо.

Некоторые наши интенданты находили с ними общий язык. Кроме того, в Польше свирепствовали венерические болезни.

На ночь каждый взвод выставлял часового. Часовые менялись по очереди через каждые два часа. Днем винтовку несли попеременно. Нам, командирам, было приказано обращаться с репатриантами как с выздоравливающими, т. е. никаких претензий и упреков. Только доброе и сочувственное отношение.

На привалах и во время отдыха мы читали блокноты агитатора и слушали политбеседы. Чита-

ли в основном, те у кого крепче голос и лучше речь. До сих пор помню, как я читал о планах по восстановлению и развитию страны. Особенно о преимущественном строительстве для трудящихся – пятиэтажных жилых зданий. Ведь у нас в Кривошеково (ныне Ленинский район г. Новосибирска) была в соцгороде всего одна пятиэтажка. Это было какое-то особое здание по тем временам.

В призывах много места уделялось восстановлению и перестройке всего народного хозяйства на более высокий технический уровень. В связи с этим ставилась задача подготовки достойных кадров, в том числе и высшей квалификации. Объявлялось в планах об открытии новых вузов, техникумов и производственно-технических училищ. Я к этому относился с удовольствием, но были и такие, которые честно сомневались. Откуда взять средства на все эти планы после такой военной беды и разрухи.

Раз в неделю к нам приезжала походная баня. Разворачивали палатки для мытья. Подгоняли дезинфекционную камеру. На каждого было по тазику сравнительно теплой воды, но вначале мы легонько обмывались какой-то белой, как молоко, жидко-

стью с запахом карболки, а потом мылись. Обмундирование и белье собирали в пучок, затягивали ремнем, прикрепляли номерную бирку и отправляли в дезинфекцию. Вшивости не было, а вот блохи донимали.

Зимние температуры там редко бывают ниже 10–12 градусов, поэтому блохи в траве, сене и соломе выживают. В жилых домах их выгоняют полностью полынью и другими запахами, а на природе они свирепствуют.

В Польше было беспокойно. Иногда слышалась стрельба, в которой выясняли отношения проанглийские «партизаны» и просоветские военные. В критических случаях дело доходило до применения танков и штурмовиков ИЛ-2.

Была остановка на сутки в пригороде Люблина – Майданеке, где был расположен фашистский концлагерь. Нас провели по малой части лагеря, где были расположены газовые камеры-бани, газовые печи для сжигания трупов, склад-траншея пепла, применяемого в Германии как удобрение.

В лагере были взрослые, старики и дети. Их уничтожение велось по строгому графику. Обреченных вводили в баню – газовую камеру и

стригли. Раздевались они сами, еще не зная, что их ждет. «Санитары» и «банщики» закрывали наглухо двери и в специальной люк вбрасывали в банки яд «циклон». Нам эти банки, естественно пустые, показывали.

Трупы сжигали и после этого заводили новую партию. Так было уничтожено более миллиона человек. Когда печи не успевали перерабатывать, то часть трупов сжигали на кострах, а пепел с чем-то смешивали, придавали приличный вид и отправляли в Германию.

До сих пор, когда вспоминаю об этом, волосы становятся дыбом. А вот некоторые об этом забыли.

Всю Польшу с запада на восток мы прошли примерно за месяц. Зачем был организован такой переход, я до сих пор не пойму. Ведь параллельно с нами шли и обычные пехотные полки и дивизии. Возможно, для воодушевления поляков. За переход в нашей роте никаких происшествий не было. Но из полка сбежали в Польше три человека и еще несколько власовцев и полицаев были разоблачены «Смершем».

Часть IV. СЛУЖБА
В ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ
ПАТРУЛЬНЫЙ ЗКЭТ
63-Й ОТДЕЛЬНЫЙ ГВАРДЕЙСКИЙ
БАТАЛЬОН СВЯЗИ

Мы прошли через пограничный пункт и оказались в Западной Украине около населенного пункта Мельница на нашей территории. Были восторги, но местное население говорило тоже не по-русски, а на каком-то украинском с польским языке. Была торжественная встреча. Мы прошли около трибуны у сельсовета, на котором развевался красный флаг с серпом и молотом и лозунгом с приветствием победителей и с возвращением на родину. Были речи от сельской администрации и от военного комиссариата. Нас хорошо накормили, угостив овощами и фруктами – яблоками.

Наша рота разместилась на окраине в сараях, в сеновалах, около приличного польского домика. Большой яблочный сад. Все деревья усыпаны красивыми созревшими яблоками, которые падают на землю и гниют. Хозяева на нас смотрят недружелюбно и яблок нам не предлагают, даже упавших. Так они и гниют. А у нас строжайший приказ не трогать ни одного яблочка. Выдержали мы это испытание доблестно. Утром на сельсовете висел бендеровский флаг с трезубцем и лозунг «От Мельницы до Хвылына – самостийна Украина».

Местное население запугано бендеровцами. Ребяшки, завидев нас, кричат: «Советы идут». И взрослые говорят: «Вот пришли Советы» или «Это было до Советов». Большинство населения безграмотное или малограмотное. У бендеровцев много осведомителей. В некоторых деревнях ночью власть переходила к бендеровцам и они облагали налогами селян. Наши части НКВД вели с бендеровцами постоянную войну.

Нам потом объяснили, что еще в советское время были небольшие группы бендеровцев, поддерживаемых англичанами через Польшу. Польские правители в Лондоне считали Западную Украину и Белоруссию своей польской территорией.

В начале войны бендеровцы помогали фашистам, а те обещали отдать им власть на Украине и сформировать свое правительство. Когда фашисты заняли Киев, то создали на всей Украине свою администрацию, а бендеровское правительство арестовали. Бендере удалось сбежать в партизаны. Так, в течение всей оккупации на Западной Украине действовало три силы: советские партизаны, бендеровцы и полицейские, находящиеся на службе у фашистов.

Бендеровцы призывали в армию и облагали налогами. Говорили, что они за время войны призывали в свою армию двести тысяч человек. Насколько это верно, мне трудно судить, но воинские формирования в соответствующей петлюровской форме и со знаками различия у них были.

Бендеровские флаг и лозунг были заменены нашими. Выставили больше контрольных военных постов, особенно на ночь. Все вроде бы успокоилось. Стариков и раненных репатриантов отправили по домам. А молодых направили в Центральную Украину на восстановительные работы. Их ведь никто не демобилизовывал, как и нас.

Мы, военнослужащие, остались одни. Кто постарше, пили бимбер, самогонку, играли в карты и

развлекались, как могли. Один раз я сел за карты. У меня были швейцарские трофейные часы, их оценили, и мы стали играть в очко. Играли старший лейтенант, лейтенант и старшина. Мне везло. Я выиграл у старшины часы, штатный пистолет и кое-что еще у офицеров. Старшина был хорошо пьян и начал волноваться, офицеры тоже. Пистолет был табельный, числящийся за старшиной. Мои швейцарские часы были очень хорошие. Вступать в драку со старшиной я не имел права, как со старшим по званию, а тем более с офицерами – это неминуемо трибунал. Физически я бы старшине не уступил, хотя он и был крупнее меня. Нас на курсах учили не штабной работе, а войне на переднем крае и в том числе рукопашному бою, т. е. приемам боевой самообороны без оружия. Пришлось моментально все просчитать и решить. Рисковать нельзя. Дай бог остаться при своих. Я вовремя все перевел в шутку, раздал все выигранное, поблагодарил всех за игру.

Еще немножко попижонился и сказал по Лермонтову: «Все тонкости игры я этой знаю и вот за чем я больше не играю». Эту клятву я выполняю до сих пор.

На следующий день меня направили на станцию Сарны в заградительную комендатуру этапного транспорта (ЗКЭТ) на должность патрульного. Со своими старшими товарищами мы расстались хорошо. Их тоже направили по частям, а я начал осваивать тонкости новой военной профессии. ЗКЭТ подчинено комендатуре тылового оборонительного рубежа (КТОР).

Нас прибыло в ЗКЭТ восемнадцать человек на смену демобилизуемым. Свой богатый опыт они нам передать не успели. Поэтому многое пришлось познавать самим. Конечно, нам помогали офицеры.

Оказалось, что на всей территории в Западной Украине действует военное положение. Бендеровцы по ночам убивают учителей, врачей, сельских активистов, председателей колхозов, православных священников и даже местных жителей, которые пошли в колхозы и поверили Советской власти. Были стычки и с воинскими частями.

Железная дорога Киев–Коростень, Сарны, Владимир–Волынь, Люблин и далее имела в то время стратегическое значение для связи с нашими оккупационными войсками в Берлине.

Городок-станция Сарны небольшой, одноэтажный, с преимущественно еврейским местным населением. Во время фашистской оккупации многие местные жители были уничтожены только за то, что они евреи. Часть освободившихся домов еще не было занято. Наша казарма расположилась в четырехкомнатном доме. Командиры жили отдельно, в домиках поменьше вблизи нашей «казармы». Ежедневно часть патрульных дежурила на железнодорожном вокзале, а другая – патрулировала на железнодорожных путях и дорогах, прилежащих к железнодорожному полотну. Рядом с вокзалом был военный продовольственный пункт.

Небольшие военные команды и отдельные военнослужащие могли зарегистрироваться в комендатуре и получить по продовольственному аттестату горячую пищу или сухой поек. В здании вокзала рядом с нашей комнатой располагалось отделение железнодорожной милиции. Нам частенько приходилось действовать совместно.

Личным оружием были автоматы ППШ, но вскоре мы обзавелись и трофейными немецкими и польскими пистолетами (марки «парабеллум», «вальтер», «радом» и др.).

При патрулировании на железнодорожных путях можно было получить пулю из товарняка или из-за колес. Патрулируя по дороге, мы обычно растягивались метров на 25–30 друг от друга и так шли впятером, звеня подковками сапог. Шурупы на подковах мы специально ослабляли, чтобы подковки посильнее звенели и давали знать, что сзади идут еще солдаты.

До нас были случаи, когда патрульные ходили плотной группой и их подстреливали из автоматов, а сами бендеровцы спокойно уходили. Это и был главный способ ведения партизанской войны – дождался, дал очередь и скрылся. В нашем случае такой вариант не проходил. Обстреливая одного патрульного, попадал под огонь другого, а это им не нравилось. Все стычки были в нашу пользу.

Бендеровцы даже листовки к нам подбрасывали, где писали: «Вы фронтовики и мы фронтовики. Мы с вами не воюем. Мы воюем с НКВД».

Нам нравилось, что местные власти стали открывать новые школы, ремесленные училища (ПТУ, ФЗО), техникумы, институты, клубы, дома отдыха. Построили какие-то заводики, заводы и мастерские. Государство объявило амнистию тем,

кто не залил свои руки по локоть в крови. Кроме того, амнистированным из-за боязни мести предлагалось уехать за счет государства в другие области. Все это, вместе взятое, хорошо сработало.

Молодежь пошла учиться, работать, развлекаться и отдыхать. В лесах и схронах остались самые отъявленные бандиты и задержанные ими фашисты, которые во время нашего наступления оказались в лесах.

Надвигалась зима, и бендеровское руководство, по договоренности с нашими союзниками-англичанами, решило свои основные формирования переправить в английскую зону оккупации. В приграничной зоне возникали перестрелки и даже серьезные бои с применением наших штурмовиков ИЛ-2 и ИЛ-10. Оставшимся в живых пришлось разбиться на мелкие группы по 10–15 человек и уходить через Польшу. Но уходили на запад далеко не все.

Команды НКВД производили постоянные зачистки и проверки документов. Во многих населенных пунктах или около них расположились небольшие армейские подразделения. Вовсю работали службы пропаганды и агитации. Бендеровское движение стало затухать. Местная молодежь встала на нашу сторону. Нам частенько говорили, что

где-то опять объявились бендеровцы, но не местные, а поляки или поляки из Англии.

Были и такие, которые днем работали как вполне законопослушные граждане, а ночью шли в лес, доставали из схрона автоматы и возвращались назад уничтожать представителей местной власти или грабить своих селян.

Наша служба походила чем-то на фронтовую. Мы все время с боевым оружием. В любой момент нас могут обстрелять. Но спим мы в теплой постели. Койки у нас двухъярусные. Я сплю на втором ярусе. На улице обязательно часовой. Его обязанности охранять нашу казарму и домики офицеров.

Старослужащие комендатуры готовятся к демобилизации и дежурят в основном на вокзале и продпункте. А мы, вновь прибывшие, патрулируем или сидим в засадах. Приходится выезжать на железнодорожные разъезды, запрыгивать на движущиеся вагоны и спрыгивать с них на ходу. Хорошо, если машиниста предупреждали, и он сбавлял ход. Скорость движения была примерно 40–50 км в час, но все равно соскоки в полном боевом требовали ловкости, опыта и умения. Мне пригодился опыт прыжков с пулеметной вышки на курсах.

Обычно мы прыгали под насыпь в кувырке, гася таким образом скорость. Автомат сильно прижимался к животу. Иногда удавалось сразу встать на ноги с пробежкой. Но были и ошибки, тогда кто-нибудь получал вывих ноги и исцарапанное тело и физиономию. Было и хуже. Один наш младший сержант прыгал на ноги вдоль полотна, но его занесло и нога попала под колесо. Звали его Михаил, а фамилию забыл. Отправили в госпиталь. Через две недели он вернулся без ноги на костылях. Хирурги отрезали ногу выше колена. Его демобилизовали, и он решил остаться в Сарнах. Была у него знакомая девчонка. Они решили пожениться. По просьбе комендатуры им выделили домик. Мы им подарили кровать, матрац, постельные принадлежности и кое-какую посуду. Одним словом, устроили, как могли. Немножко их подкармливали. Но Михаил сильно растерялся. Приходил к нам всегда пьяным, плакал или шумел...

Другой печальный случай. Был у нас один сержант Николай. Высокий, стройный, необыкновенной силы и очень красивый. Была у него девушка-железнодорожница, тоже симпатичная и стройная, из приезжих. Вроде бы у них была любовь. Но Колька порезвился с какой-то проезжей девицей,

заразился сифилисом и «наградил» свою подружку. Когда болезнь была установлена, Кольку направили в госпиталь, а девушка бросилась под поезд.

Приходилось разоружать бендеровцев в товарных вагонах. Обычно нам поступали сведения, что на каком-то разъезде в товарняк сели бандиты или просто подозрительные люди. Нас вывозили им навстречу.

Поезд останавливали на разъезде или в поле, но там, где могла замаскироваться группа захвата. Кто-нибудь из нас надевал на голову гражданскую кепку, прятал за пояс пистолет, брал в руки палку с крюком, к концу которого привязывалась веревка, постукивал молотком по буксам и что-нибудь вслух говорил насчет причины остановки. Проходя мимо двери, прицеплял к ней крюк и проходил дальше вместе с веревкой. Через некоторое время мы за веревку дверь быстро открывали и в обычный рупор предлагали выходить по одному и сдаваться. Для устрашения делали короткие очереди по колесам. Обычно такие задержания проходили успешно, но были случаи, когда в вагоне уже никого не было.

Станция Сарны – узловая: на север – Белоруссия, на юг – Ровно и Здолбунов, на запад – Ковель

и Люблин, на восток – Коростень и Киев. Поэтому приходилось ездить по всем этим направлениям и бывать в конечных пунктах, а также во Львове, Стрые и других городах. Там жизнь налаживалась. Восстанавливались заводы, жилье. Везде что-то строилось. Было бедно, но уверенно.

У нас в комендатуре оказался хороший сапожник, и эта работа ему очень нравилась. Он чинил нам обувь, шил красивые хромовые сапоги офицерам, а мы за него выходили патрулировать. Потом он приспособился шить брезентовые сапоги и очень удачно. Надо было только купить материал на подошвы, стельки и союзки – жесткие задники и носок. Очередь дошла и до меня. Обычные сапоги мы снизу мазали солидолом. Так я поступил и с брезентовыми, и они стали смотреться на расстоянии, как настоящие кожаные.

А я в свободное время делал погоны из продовольственных банок желтого цвета с красной «каймой» из оплетки цветного кабеля. Сделал погоны почти всем, но приехал какой-то начальник, отругал нашего командира и нас. Запретил, что было выполнено точно безоговорочно и в срок.

Нашего демобилизованного командира взвода направили во Владимир-Волыньск на должность первого секретаря городского комитета комсомола. Во время одной командировки во Владимир-Волыньск мы с ним встретились. Он знал наше не очень хорошее и однообразное питание, предложил нам купить на базаре пшеницы, отвезти ее на мельницу, перемолоть без гарнцевого сбора и везти в Сарны на блины, оладьи для офицеров и демобилизуемых.

Гарнцевый сбор – это что-то вроде оплаты за помол натуральным продуктом. Около десяти процентов муки от всего помола отдается мукомолам. Но мы как военные от этой оплаты освобождались.

Получилось хорошо. Деньги зарабатывали на разгрузке вагонов, тем более что мы на железной дороге были главной силовой структурой и могли в первую очередь договориться с грузополучателями.

Так мы ездили почти каждый месяц. Демобилизованным килограммов десять добротной муки были очень кстати. Ведь во многих областях европейской России был неурожай, а Владимир-Волыньск входил в особую приграничную зону, где были значительные налоговые послабления и улучшенное снабжение.

Особая ситуация была с так называемыми мешочниками. Из неурожайных областей, на свой страх и риск, ехали на товарняках сравнительно крепкие люди, чтобы обменять свои тряпки и деньги на зерно и соленое сало. Ехали они на крышах, платформах и где кто и как мог зацепиться в приграничную зону во Владимир-Волыньск – город хлебный. Среди них попадались и странные личности. Один раз мы задержали крепкого загорелого парня в гражданской одежде с вещмешком. Привели в комендатуру. Проверили документы. Он оказался старшим лейтенантом-артиллеристом, участником войны с Германией и Японией, награжденным тремя орденами. Служил он в Красноярске и приехал в отпуск к родителям в село под Брянском. Увидел, как они живут, и решил их порадовать. Ему пришлось разговаривать с нашим комендантом. Мы ему посочувствовали и отпустили, даже помогли сесть на следующий состав.

Удивительное и странное было время! Энтузиазм от Победы, трудности восстановления, неурожай, отправка кораблей с хлебом для бастующих французов и итальянцев. А они наелись и перестали бастовать. Сытый голодному не верит. Вот так!

Был у нас продовольственный криминал. Две девушки с продпункта уговорили нашего старшего сержанта, который отвечал за продовольственные аттестаты и талоны к ним. Он выписал им продукты на старые аттестаты, которые регистрировались в специальном журнале. Приехала какая-то комиссия, обнаружила и передала в прокуратуру. Был показательный суд. Все получили по пять лет.

За зиму многие бендеровцы были обнаружены и обезврежены. Жизнь улучшилась. Случаев нападения стало меньше. Зима, по нашим представлениям, очень мягкая и сырая. Одна львовская школьница писала: «Мороз десятиградусный трещал в аллеях парка». Вот почему при слове *Сибирь* у них «отвисала челюсть», начиналась дрожь в коленях.

В первых числах февраля я подхватил ангину. Горло опухло, язык обметало, гланды затвердели, а главное – появилась какая-то общая слабость. Я начал уставать при пробежках и вообще стал каким-то вялым. От курева появлялся какой-то страшно нехороший запах. Нам в то время на курево выдавали листья трофейного очень крепкого табака для турецких сигар. Затянешься и задыхаешь-

ся. Пробовали разбавлять – не получилось. Вот я и решил бросить курить. Договорились бросить всем отделением, но через неделю все стали снова курить. Кроме меня. Я уперся и держусь до сих пор. В течение месяца мои легкие очистились. При каждом кашле из легких вылетала слизь черная, как смола. Потом все прекратилось и я стал еще прыгучей и здоровей. Бросил курить 23 февраля 1946 года.

Летом на Украине благодать. Весной все в цвету, летом в плодах. Каждый мостик через речку оборудуется под танцплощадку. Вечером собирается молодежь – танцуют, поют. Да как поют! Такие чистые и звонкие голоса! Им бы всем податься в артисты. Нам в этих забавах участвовать было нельзя. Мы патрулировали или сидели в засадах.

Осенью 1946 года, в конце сентября, охрану всех дорог передали подразделениям НКВД, а нас направили в запасной полк. Три дня мы чистили и смазывали артиллерийские снаряды на армейских складах. А потом меня как бывшего связиста направили в 63-й отдельный гвардейский батальон связи в радиороту. Батальон располагался в старых казармах военного городка города Староконстан-

тинова. Мы на втором этаже. Нары одноярусные, в помещении холодно. В войну батальон обеспечивал связью штаб армии со штабом корпуса или дивизии. Это примерно в 10–15 километрах от линии фронта. Солдаты батальона добросовестно выполняли свои обязанности, но они все время видели здоровых и бодрых пехотинцев, идущих на передний край и тяжело раненных и контуженных, которых после «переработки» везли в тыловые госпитали. Учитывая такую ситуацию, некоторые офицеры и даже сержанты могли позволить себе унижать и оскорблять солдат. А те, в свою очередь, терпели эти унижения, не желая попасть на «переделку» – в пехоту.

На переднем крае отношения между командирами и солдатами были более простыми. Смерть была рядом! Снайпер выбирает жертву, в первую очередь офицеров, и снаряд, бомба и мина бьет по площади, а кого зацепит осколками или взрывной волной зависит только от удачи. В этом смысле все были равны.

Распорядок, как в любой воинской части. Подъем, физзарядка, завтрак, строевые занятия, классные занятия с техникой, обед, тихий час, занятия в

классе азбуки морзе, политзанятия, теоретические занятия, ужин, спортивные занятия, чистка оружия, личное время и отбой.

В проходе посередине казармы между рядами коек установлены спортивные снаряды: брусья, конь, перекладина. Вечером мы регулярно на них работаем в свое удовольствие. Мне больше всего нравилась перекладина. Я делал прыжок, выход наверх, склепку, размах и длинный прыжок-соскок. Мой вес был 75 кг, на перекладине наспор мог подтянуться тридцать-сорок раз. Мое тело меня слушалось. Занятия для меня были не в новинку. Почти все получалось. В классе морзе трое радистов в звании старшин работали очень сильно. В училище (КВУС) нас обучали на обычном вертикальном телеграфном ключе; в техникуме – на слух, но тоже на таком же одноконтakтном ключе. А эти старшины работали на вибраторах – «вибрах» с двумя горизонтально расположенными контактами при горизонтальном движении рукоятки. Движения влево и вправо давали возможность увеличить скорость передачи раза в два. Такую скорость я не потянул, да и большинство других радистов тоже не могли принимать такое количество знаков, для этого нужен был талант на

«морзянку». На теоретических занятиях, которые вел взводный лейтенант, получился конфуз. Взводный нес какую-то чепуху по бумажке, а я ведь в техникуме изучал теоретические основы электротехники (ТОЭ), теоретические основы радиотехники (ТОР), теоретическую механику, сопромат и специальные дисциплины. Все сидели смиренно, пропуская между ушей всю его галиматью. Возможно, они просто этого не знали, а может быть, не хотели перечить ему. Я как-то не выдержал и возразил, когда он сказал, что трансформатор служит для повышения тока и напряжения одновременно. Взводный оказался злобным и злопамятным. Все наряды и всякие строительно-уборочные работы мне выдавались в первую очередь. Потом меня направили в помощь военстроевцам на ремонт соседней казармы. Я носил наверх кирпичи и доски, месил специальный штукатурный раствор и тоже носил его наверх, штукатурил стены, помогал класть печи, переносил кóзлы и делал все, что надо было рабочим военстроя.

К сожалению, мой организм не выдержал, у меня появилась правая паховая грыжа. Надорвался я еще за Одером на плацдарме, когда мы, отбивая

контратаку фрицев, разворачивали в темпе наше орудие весом в две с половиной тонны.

Грыжа оказалась коварной. Так как мышцы живота у меня были крепкие, то она проявлялась только вечером. За ночь все становилось на свои места. Срастались какие-то спайки, а днем они рвались, и к вечеру грыжа снова появлялась, при этом была сильная боль. Я обращался к нашему фельдшеру – старшему лейтенанту, но он ничего не обнаруживал и подозревал меня в симуляции. Вечером я ему показаться не мог, так как все офицеры после обеда уходили на какие-то свои занятия или домой. Парни, мои соседи по нарам, видели мою грыжу, я им ее показывал, но молчали, боясь взводного. Так продолжалось две недели. Кончилось тем, что меня разжаловали до рядового и посадили на гауптвахту на восемь суток. «Губа» холодная, неотопливаемая, в подвале казармы. Хорошо, что вместе со мной оказался интендант – старшина, подозреваемый в воровстве. Он сидел под следствием, и ему полагались матрац, одеяло, простыня, полотенце и полное продовольственное питание. Он оказался порядочным человеком. Мы спали вместе, и от его продовольственных передач кое-что перепало и мне.

Выручило меня случайное появление в нашей части командира корпуса генерала Козачка. Он зашел на гауптвахту, и я, в нарушение всех законов, объяснил ему свою болезнь и обратился к нему с просьбой направить меня в госпиталь или судить за симулянтство. Физиономии у всей свиты и особенно у наших офицеров вытянулись и ничего хорошего мне не обещали. Это был первый генерал, которого я когда-либо видел. Он выслушал спокойно и дал команду направить меня в госпиталь. Госпиталь располагался в нашем военном городке. Ко мне приставили двух солдат с винтовками и привели к начальнику хирургического отделения, майору по званию. Он оказался очень опытным врачом и добрым человеком. Посмотрел на мое лицо, на язык, открыл мои веки, еще раз посмотрел и дал команду немедленно готовить к операции без всяких обследований и анализов. Как на фронте, меня быстро помыли, побрили где надо и отвезли на операционный стол. Привязали руки и ноги к столу обмотками, накрыли простыней. Медсестра села на мое плечо, разрезали ножницами простынь в месте операции, ввели уколы обезболивания, и операция началась. Сильной боли я не чувствовал, но было неприятно, немного тошнило.

Операция продлилась четыре часа и шла нестандартно. Мне дважды отвязывали руки, поднимали в сидячее положение, наклоняли из стороны в сторону и что-то выдирали. У меня оказалась правопопавшая ущемленная грыжа с начинающимся отмиранием защемленных кишок. Хирург после операции сказал мне, что я родился «в рубашке». Еще бы час-два, и началось прободение кишок со смертельным исходом. Операция длилась долго потому, что хирургу пришлось удалить часть отмирающих кишок и было много каких-то спаек и ненормальностей. В который уже раз «старуха с косой» меня не прихватила. После операции поместили в четырехместную палату на койку, на которой передо мной умер солдат от заворота кишок. Он был в наряде на кухне. Каким-то образом забрел на склад и сожрал килограмма три колбасы, да еще и соленой капусты. Сразу, когда его прихватило, побоялся обратиться к медикам, а потом потерял сознание и было уже поздно.

Напротив меня лежит солдат, которому в последних боях с бендеровцами всадили нож в левую часть черепа. Вся правая часть тела отнялась и перестала двигаться. Постепенно чувствительность

стала восстанавливаться. При нас он иногда делал какие-то очень малые движения пальцами руки и ног. Перед этим долго напрягался, тужился. А потом приходил в дикий восторг. Медики и мы старались всячески его подбодрить. Со мной получилось что-то не так. Поднялась резко температура, появился свищ, начались боли в паху. Меня перевели в отдельную палату, как говорили солдаты – «смертельную». Сейчас такие палаты с соответствующим оборудованием и обслуживанием называют реанимационными.

Делали капельницы с физраствором и еще чем-то, давали таблетки и порошки. Через три дня температура спала. Хирург сказал, что кризис миновал, и меня снова вернули на мою койку.

А за эти дни в госпиталь был доставлен полковник с такой же, как у меня, бедой, но прободение кишок произошло в дороге. Несмотря ни на какие усилия, его не удалось спасти медикам. Он умер.

Меня продолжали лечить, меняли наклейки на свище. Разрешили лежать делать легкие физические упражнения и напрягать мышцы живота. Потом разрешили садиться и немного ходить. Вообще мое молодое тело и душа брали верх. Я быстро пошел

на поправку, стал смелее ходить в столовую. Как я потом узнал, по поводу смерти полковника была назначена комиссия по расследованию, она коснулась краем и меня.

Здание госпиталя было четырехэтажное. Первый этаж – терапевтическое отделение. Вторым этаж – хирургия. А два верхних, за решетчатыми дверями под замками, занимали венеристы. Это «награда от полячек». Рассказывали, что один солдат с каким-то испанским воротничком уговаривал хирурга отрезать ему его мужское достоинство, а хирург ему советовал встать на табурет и прыгнуть – само отвалится.

Пролечился я восемнадцать дней и был выписан со свищем и справкой об освобождении на пятнадцать дней. Хирург сказал, чтобы я в случае какого-либо осложнения сразу шел к нему в госпиталь. Вернулся в казарму, а рота в наряде. Доложил заместителю командира роты о своем излечении и отдал документы. Он их смотреть не стал, а заставил меня принести бачок воды. Я сказал, что не могу из-за свища и что у меня освобождение. Он спросил ехидно, могу ли я держать кружку с водой в руках. Да, могу, сказал я. А он велел мне

натаскать бочок кружкой. Я отказался. «Ты пойдешь под трибунал за невыполнение приказа командира», – пообещал он.

На следующий день меня вызвали к какому-то капитану. Он расспросил все обо мне и данной ситуации. Говорил спокойно и вежливо, подбодрил меня и отпустил. Оказалось, что он из комиссии. А я пошел в госпиталь прямо в кабинет майора и все ему рассказал. Он меня выслушал и предложил подождать в коридоре с полчаса.

В кабинет стали собираться врачи. Меня позвали. Оказалось, что это военная врачебная комиссия, которая решает судьбы всех, кто лечится в хирургическом отделении. Майор доложил о моей болезни и предложил дать отпуск на тридцать дней и плюс дорога туда и обратно. Комиссия единогласно поддержала. Выдали быстро предписание, и я вернулся в часть. Получил спокойно продуктовый аттестат, железнодорожный билет туда и обратно и отпускное удостоверение и отправился на вокзал. Поезда забиты до отказа пассажирами. Билеты не компостируют, несмотря на удостоверение и справку из госпиталя. Пришлось залезть в пустой тамбур. Хотя на Украине зима теплая по сравне-

нию с Сибирью, но в холодном тамбуре в легкой солдатской одежде, да еще и после госпиталя, промерз до костей. Поезд шел медленно и на мое счастье остановился. Проводник впереди идущего вагона вышел и пошел зачем-то вперед. Я моментально заскочил в его дверь. Зашел в вагон и сказал солдатам, ехавшим в нем, что я из госпиталя. Они меня тут же спрятали на третью полку около отопительной трубы. Полка узкая, но я пристегнулся к трубе ремнем, стал отогреваться и заснул. Проходили контролеры, но старший по купе старшина предъявлял сразу пачку билетов и контролер не мог сосчитать, где кто и сколько. Так я доехал до Москвы.

Запомнил, что в Киеве, проезжая через временный деревянный мост, двигались очень медленно. Все качалось и скрипело. Было такое впечатление, что мост вот-вот развалится. В Москве попал в комендатуру. Не за провинность какую-либо, а просто солдатам-москвичам не хотелось самим мыть полы. Вот они и схватили первого попавшегося. Спорить бесполезно. Вымыл все шваброй добросовестно, а они мне потом помогли закомпостировать билет до Новосибирска.

Дал телеграмму в Новосибирск с указанием номера поезда, времени отправления и номер вагона. Ехал в общем вагоне, как положено солдату. Я забрался на верхнюю багажную полку и спал сколько хотел. Поезд остановился в Кривошеково. Мне это было очень удобно, и я вышел из вагона с вещмешком. Шел шустро строго на юг к нашему дому по трамвайным путям. Маму заметил примерно за полкилометра. Мама, оказывается, ждала меня несколько дней и даже оборудовала небольшое сиденье рядом с трамвайной насыпью напротив нашей Озерной улицы. Она меня узнала метров за пятьдесят от нее. Пыталась встать, но не могла и расплакалась. Ведь мы не виделись три года, да и каких три года. Ушел на фронт я совсем ребенком, а вернулся живым и почти невредимым. Поднял маму на ноги. Обнялись, она плачет навзрыд. Несколько женщин остановились, узнали в чем дело и тоже расплакались, каждая о своем. У меня свело горло, еле-еле удержался! Потихоньку пришли домой. А дома все как и прежде, только наш барак сильно просел. Отец на работе, несмотря на свои шестьдесят пять лет. Он работал на комбинате № 179 Министерства боеприпасов. Это они снаб-

жали фронт снарядами и другими боеприпасами. Старшая сестра Вера работает старшим преподавателем в Сибстрине, средняя сестра Надежда – агрономом в совхозе, они в войну поднимали целину, сеяли рожь и получали сверххороший урожай. Младшая сестра Люба после фронта служит в Брянске в отдельном железно-дорожном строительном батальоне. Она начальник санчасти в звании капитана медицинской службы.

Муж старшей сестры Юдин Михаил Андреевич был тяжело ранен в последних боях за Выборгом на линии Маннергейма. В звании подполковника он командовал бригадой тяжелых самоходок САУ-152. Они штурмовали линию мощных укреплений и дотов. Загорелась одна машина, потом другая, он высунулся из машины, а в ее лобовую броню попал снаряд. Осколком выбило глаз, рассекло висок и ухо. Машина дала задний ход и вывезла его из боя. А дальше госпиталь. Пять операций сохранили второй глаз. После госпиталя он командовал соединением по формированию резервных бронетанковых частей на станции Пушкино в Подмоскowie. После войны демобилизовался, вернулся в Новосибирск и стал работать тоже в Сибстрине на кафедре

архитектуры, где он в свое время был учеником профессора Крячкова Андрея Дмитриевича. Муж средней сестры Романьков Андрей Иванович служил в химической разведке и демобилизовался как специалист-животновод с высшим образованием. Он вернулся к своей основной профессии.

Вечером, когда отец пришел с работы, пригласили двоих соседей и в узком кругу отметили мое возвращение.

На следующий день прибыл в военкомат, получил продовольственный паек, съездил в госпиталь. В госпитале сделали перевязку, дали таблеток и порошков на десять дней. Решил навестить своих сверстников. Многие погибли, а некоторые продолжают служить, все вернувшиеся – инвалиды с тяжелыми ранениями.

Вначале ходил в техникум связи. Встретился с нашим куратором, преподавателем радиодисциплин и завучем техникума Брейтманом. Он мне рассказал о судьбе некоторых ребят и дал адрес Лёвы Штайнберга.

С Лёвой мы учились в одной группе, а когда начали служить в армии, то оказались в одном взводе курсантов Киевского военного училища

связи (КВУС). Вместе приехали на Калининский фронт в район Великих Лук, но были распределены в разные подразделения. Первым из нашей четверки был контужен я. Через месяц пропал без вести Миша Малков. Третьим был тяжело ранен в голову и отправлен в тыл Лёва. А еще через месяц был ранен в колено и живот Миша Чвелёв. Так нас разбросала война.

Я к Лёве домой пришел вечером с главной валютой того времени – с поллитрой водки и пачкой папирос и оконфузился – он не выпивал и не курил, ему все это было категорически запрещено. На голове Лёвы была надета шапка с какой-то вшитой железякой хитрой формы. Лёва снял осторожно шапку. Мозг на месте ранения пульсировал и выдавался немного из черепной коробки. Малейшее неосторожное прикосновение могло вызвать страшную беду. Лёва после госпиталя доучился в техникуме, получил диплом и работал на радиозуле, расположенном на втором этаже кинотеатра «Металлист». Часто его донимали головные боли и общая слабость.

Дома вместе с Лёвой был его отец. Он меня не узнал, а я ему напомнил, как он нам с Лёвой гово-

рил, чтобы мы хорошо учились и стали большими радиоспециалистами. А если не будем учиться, то нам, как и ему, придется торговать в киоске сладкими «петушками», шнурками и пуговицами. Угощал нас леденцами, и мы убегали на занятия. Старший брат Лёвы Михаил тоже учился с нами в одной группе, но в армию пошел не с нами. На фронте много раз отличался, и его портрет с тремя орденами висел у них в домике на стене. Мы с отцом пригубили водочки, пожелали всем здоровья, и я ушел. Потом я Лёву несколько раз навещал в радиоузле.

На нашей улице я ходил к Степану Мальцеву. У него была оторвана рука, но он как-то приспособился столярничать. По заказу делал шкафы, буфеты, комоды, тумбочки и табуретки. Он не пил водку. В то время мы не могли себе представить, что он с такой профессией мог бы стать министром обороны. Валентин Черных ранен в кисть правой руки, но пошел снова работать на завод. Валентин Лагутин был ранен навывлет пулей в правую челюсть и левое плечо. На челюсти свищ. Доучивается в торговом техникуме. У Александра Завярина ампутирована одна нога выше колена. Он работает

сапожником на рынке. С работы возвращается на протезе и с костылями в хорошем подпитии. Часто его встречают жена и мать с тележкой. Грузят и увозят домой. Младший Смоленцев тоже тяжело ранен, но ходит. А старшего инвалида ВОВ застрелил охранник на железной дороге. Что там произошло, никто не знает, вроде бы была такая самооборона. Петр «Кокоша» тоже без руки выше локтя. Володя Коровин и Миша Львов пропали без вести. Виктор Коровин окончил артиллерийское училище, командовал батареей под Сталинградом, «сошел с ума», был демобилизован и вскоре умер. Картина нерадостная. Это все цена Победы.

На улице со мной здороваются симпатичные молодые девушки, а я их не узнаю. Потом только сообразил, что когда я уходил в армию, им было по 13–14 лет, а теперь они такие красивые и взрослые. А один из младших Лихоносовых стал писателем. Семеро Ментюковых учатся и работают.

Кругом видно, что Новосибирск – город по производству военной техники и боеприпасов. Многие заборы загорожены высечкой из штамповки гильз разного калибра. В конце нашей улицы у Вохминых в качестве столбов для ограды вкопаны

бракованные стволы крупнокалиберных пулеметов. На вспомогательных железнодорожных путях стоят специальные вагоны, которые загружаются бракованными снарядами, минами, бомбами, гильзами и металлической стружкой.

С питанием у нас благополучно. Родители держат козу, которая дает около полутора литров отличного молока. Завод отводит летом землю под картошку и помогает осенью вывезти урожай домой. Кроме того, крупы и жиры получают по карточкам. Не голодают. О фронтовых трудностях и бендеровцах старался ничего не говорить.

Взрослое население уставшее, работает на пределе сил. Но настроение уверенное, бодрое, все ждут лучшего. Сказался самый необходимый лозунг «Все для фронта, все для Победы». У этого лозунга есть вторая сторона. А что остается для себя, для тыла!?

Отпуск пролетел, как один день. Пришел к выводу, что надо бросать фронтовые дурные привычки, побольше читать, готовиться к учебе после демобилизации. Последний раз сходил в госпиталь на перевязку и за лекарствами. Кое-как по какому-то благу удалось закомпостировать билет, и я снова в пути.

Ехал благополучно. В Брянске на вокзале меня встретила сестра. Я вышел из вагона на посадочную площадку. Мы обнялись, а сестра спросила, почему от меня идет такой гнойный запах. У меня после какой-то по счету контузии обоняние ослабло и я ничего особенного не пронюхал. За все время поездки от Новосибирска я не перебинтовывался. Завели меня в медпункт на вокзале, содрали бинт, а там черт-те что! Оформили документы о снятии с поезда по состоянию здоровья и поместили в стационар медсанчасти железнодорожного батальона. Опять капельницы, таблетки, порошки и очень хорошее обхождение медперсонала, как-то по-домашнему.

Лечился пять дней. Во время одного обхода пришел командир батальона, расспросил о моем образовании и фронтовом опыте. У них шла очередная демобилизация и не хватало телефонистов. Предложил должность помкомвзвода связи. Сам до сих пор не знаю, почему я отказался. Было как-то неудобно из-за сестры.

Билет сестра закомпостировала легко, и я поехал в часть. Приехал рано утром. Явился в часть, доложил о прибытии и сразу к фельдшеру на перевязку. А фельдшер уже другой, разговаривает спо-

койно. Дал освобождение на неделю от физических работ, строевых занятий и физкультуры. Парни рассказали, что фельдшера, взводного и заместителя командира роты демобилизовали.

После обеда вызвали к командиру батальона. Он предложил сесть, расспрашивал о здоровье, о жизни в Брянске, Москве и Новосибирске. Слушал очень внимательно. Пожелал хорошей службы и направил на классные занятия.

Почему демобилизовали этих троих офицеров? Во-первых, шла большая демобилизация офицеров-фронтовиков с недостаточным образованием. Их места занимали более грамотные и молодые выпускники военных училищ. Во-вторых, работала комиссия. И в-третьих, эти офицеры так себя вели не только со мной, и комиссия в этом разобралась.

Через три дня наш батальон перевели в Шепетовку – знаменитый город Павки Корчагина. Меня оставили старшим с тремя солдатами для охраны овощехранилища и небольшого склада с двумя трофейными легковыми машинами и еще каким-то малоченным имуществом. В казарме нам оставили маленькую комнатку с кроватями, прикрепили к столовой и медпункту новой части.

Дежурилось хорошо. Мы заходили на склад, закрывались изнутри, садились на отличные кожаные сиденья в машину и отдыхали или играли в шахматы. Все было нормально, но однажды, когда мы вышли из склада, не закрыв за собой дверь, к нам ворвались четыре солдата, схватили кузнечный горн и поволокли к себе. Мы пробовали их остановить. Не стрелять же? Подошел старший лейтенант, спросил: «Кто старший?», позвал за собой в казарму, завел в комнату на второй этаж и объяснил, что им этот горн нужен позарез, а нам он ни к чему. Я пробовал возражать. Он подошел к двери, сказал: «Остынь», вышел и закрыл дверь на замок. Попробовал, дверь закрыта, открыл окно и выпрыгнул, ушел к своим. Шуметь было бесполезно. При прыжке пригодился опыт прыжков с вышки на курсах младших лейтенантов.

Каждую неделю к нам приезжали из батальона за овощами и кое-что увозили из барахла. О кузнечном горне никто не вспомнил. Через месяц нас увезли в батальон. Меня определили в кабельно-шестовую роту командиром отделения. Служба пошла хорошо, хотя отделение было укомплекто-

вано фронтовиками с переднего края, и все они ждали демобилизации и нервничали.

Наше отделение было многонациональным. Кроме русских солдат были татарин, молдаванин, таджик и настоящий цыган с гитарой из табора. Служили все совершенно одинаково и относились друг к другу по-товарищески. Таджик любил перец и всякие острые пряности. Молдаванин собирался после демобилизации вернуться домой и работать милиционером или переводчиком русского языка. Цыган был немного замкнутым, но иногда вечером брал в руки гитару и удивительно красиво пел свои цыганские песни, закрыв глаза. Ему предлагали участвовать в батальонной и даже выше самостоятельности. Но он категорически отказывался, ссылаясь на то, что он таборный цыган и может петь только тогда, когда этого просит его душа. По приказу, когда «надо», он петь не сможет. После демобилизации собирался работать и учиться.

Шестовая линия связи проходила по пересеченной местности, и мы были обязаны ежедневно ее осматривать. Ходили втроем с заряженными автоматами на расстоянии 25–30 метров друг от друга.

Если один что-то исправлял на линии, то двое других залезали в ямки или борозды и охраняли его. Иногда по нам стреляли издалека. Один раз мы «напоролись» на шестерых вооруженных бендеровцев, но они были от нас метрах в трехстах. Мы залегли, но стрелять из автоматов не стали. Автоматы на таком расстоянии не поражают. А они, заведев нас, ушли быстро в лес.

Раз в неделю ходили в баню мимо базара. Там были хитрые шулера, которые играли в «цепочку». Я несколько раз понаблюдал и увидел их тонкости. Попробовал потренироваться – получилось, не ошибся. В очередной банный день мы шли отделением в баню. Я взял одного солдата с собой, а остальных попросил оставаться метрах в двадцати от шулера. Начал играть. Выиграл два раза подряд. Потом шулер начал укладывать «цепочку» на мой проигрыш раз пять подряд, но я требовал «переметнуть». Он еще один раз проиграл, и тут ко мне подскочили трое его помощников. Хотели отобрать выигрыш. А наши остальные солдаты подскочили и шулерам пришлось убежать. Больше в банный день мы их никогда не видели.

Перед этим были отменены карточки на хлеб и мы на радостях купили на эти деньги хлеба по полбулки на каждого солдата нашего взвода. Наелись досыта. После этого командир роты провел со мной воспитательную беседу. Больше я в «цепочку» не играл. Да мне и не очень хотелось.

Были у нас и другие развлечения. В подвале казармы был отопительный котел, который требовал огромного количества дров. Кто-то из завхозов придумал проводить соревнования по колке дров.

Собралось пять команд по три человека и давалось по жребию кубометра по три напиленных чурбаков. На земле лежало пять невысоких, но хороших крепких чурбаков-«наковален», на которых мы и кололи дрова. Мне приходилось быть ведущим древоколом, так как я с детства жил в частных домах и отец научил меня этому делу. Двое других помогали подносить чурбаки на «наковальню» и убирать наколотые дрова в поленницу. Надо знать и использовать две тонкости. Во-первых, в любом дереве сучья идут только до сердцевины. Поэтому надо удар колуном наносить строго через сердцевину. Во-вторых, если чурка не раскололась, а колун заглубился, то достаточно ее поднять повыше с раз-

воротом и ударить обухом колуна по «наковальне» – успех обеспечен. Нужны, конечно, сноровка, точность движений, резкость и сила.

В качестве приза был торт. Несколько раз наша команда выходила победителем, а торт мы делили на взвод по очень маленькому кусочку. В те времена это было великое и приятное лакомство.

Часто играли в волейбол. Мой рост не волейбольный, но у меня был хороший прыжок и приличная реакция. За сборную роты я играл, а дальше не получалось. Была еще одна игра, на бревне. Двое садились на спортивное бревно с мешками, в которых были опилки, и колотили друг друга, пока один не свалится. В соседнем взводе был один спортсмен-боксер весом в сто килограммов. Мы его постоянно видели занимающимся с грушей, мешком или со штангой. Один раз мне пришлось с ним состязаться. Я не надеялся серьезно на победу, но так получилось, что надо было кого-то против него выставлять. Он был тяжелее меня на 25 килограммов и, конечно, не видел во мне серьезного соперника. Размахнулся мешком и хотел ударить в плечо. В самый последний момент я резко пригнулся, грудью лег на бревно. Удар прошел

вскользь по спине, и мешок потянул его за собой. Я своим мешком помог ему свалиться с бревна. Болельщики взревели. Он рассердился. Но со временем остыл.

Должен отметить, что в те времена никаких мордобоев и неуставных отношений у нас в части никогда не было. Я не помню ни одного случая силовых взаимоотношений. Мы все были в хорошей физической форме. Возможно, нас утихомирила война. Многие из нас владели приемами боевого самбо. Эти приемы отрабатываются только на манекенах. В бою один из противников либо погибает, либо становится калекой навсегда или на длительное время. По-видимому, такая перспектива никого не устраивала. Да и в части все время были офицеры, даже ночью – дежурные.

Были курьезные случаи с пилотками. Если кто-то терял пилотку (забывал где-нибудь), то на следующий день у него пилотка находилась, а в другой роте терялась. Военторга рядом не было, чтобы купить. И так продолжалось дня три-четыре, пока старшина не выдавал другую пилотку потерявшему.

Служба шла спокойно и размеренно. На Украине зима короткая. В первых числах февраля

начинала работать сельскохозяйственная техника – начиналась пахота. А мы в свободное время выходили на солнечную сторону казармы на солнышко, где нас обычно ловили старшины для каких-либо хозяйственных работ. Нам казалось, что старшины специально находят работу, чтобы служба не казалась медом. Был у нас капитан – заместитель командира батальона по строевой части. Ему очень нравилось слово «малина». Он это слово произносил с разной интонацией и оно могло означать поощрение, недоумение, осуждение и прочие чувства.

Ходил он всегда хмурым с опущенной на лоб фуражкой и руками, заложенными назад. Мы его уважали и побаивались, но я не помню случая, чтобы он кого-то наказал просто так.

Было у нас и одно неприятное обстоятельство. В дальнем углу казармы поставили десять коек для солдат, страдающих недержанием мочи. Их дежурные поднимали на час раньше основного подъема. Они отмывались сами, мыли полы, переодевались в сухие одежды, выносили сушить постельные принадлежности на специальные козлы и служили без всяких скидок вместе с нами. Их

периодически направляли на лечение в госпиталь, давали им какие-то таблетки. Кое-кто считал их симулянтами, желающими побыстрее демобилизоваться. Другие им сочувствовали, но помочь ничем не могли.

15 апреля 1948 года вышел Указ Верховного Совета СССР о демобилизации рядовых солдат 1925 года рождения. Как рядовой по званию я под этот Указ подпадал. Капитан «Малина» предложил мне остаться на сверхсрочную с восстановлением старого звания и дальнейших перспектив поступления в военное училище. Мне было обидно, что вспомнили, наконец, мое незаконное разжалование. Но взял себя в руки, поблагодарил за доверие, объяснил, что меня для учебы в училище забрала медицинская комиссия на курсах младших лейтенантов. Сказал, что я собираюсь после демобилизации продолжить обязательно учебу. На том и разошлись.

Было прощальное построение. Мы прошли строевым шагом около нашего гвардейского знамени. Выступил с короткой речью командир батальона. В столовой «остограммились». Проездные билеты нам закомпостировали в организованном

порядке. На вокзал шли строем. Попрощались с командирами и друг с другом. Разъехались каждый в свою сторону в совсем забытую нами гражданскую жизнь. Дорога домой легкая. Опять третья багажная полка в общем вагоне, состояние какой-то психической расслабленности и ожидания чего-то нового, непонятного.

Оглавление

Предисловие	3
Часть I. Детство. Юность. Военно-патриотическое воспитание	5
Часть II. От Великих Лук до Риги	33
1. Освобождение Псковской области. Витеско-Полоцкое направление. Осень	33
2. Окончательное снятие блокады Ленинграда. Зима	66
3. Освобождение Белоруссии и Прибалтики. Лето, осень	94
Часть III. От Вислы до Эльбы и Дрездена	157
1. От Вислы до Одера. Освенцим. Плацдарм	157
2. От Одера до Эльбы. Верхне-Силезская, Берлинская, Пражская операции. Конец войне. Победа	187
3. Курсы младших лейтенантов. Пулеметный взвод. Возвращение на Родину. Майданек	196
Часть IV. Служба в Западной Украине. Патруль- ный ЗКЭТ, 63-й отдельный гвардейский батальон связи	219

Сбоев Владимир Васильевич

ЗАПИСКИ РЯДОВОГО ПЕХОТИНЦА

Мемуары

В авторской редакции

Выпускающий редактор *И.П. Брованова*
Корректор *Л.Н. Кишин*
Дизайн обложки *А.В. Ладыжская*
Компьютерная верстка *С.И. Ткачева*

Подписано в печать 20.03.2020. Формат 70 × 108 1/32. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Изд. № 24. Заказ № 519.
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20